

Содержание

Раздел I

Академия

Академия философии хозяйства.....	9
Восхождение (<i>Ю.М. Осипов</i>)	10
Слово об Академии.....	11
Академия философии хозяйства —	
Логос и София «Русской Правды» (<i>Н.Б. Шулевский</i>).....	19

Раздел II

Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Аскетизм как феномен человеческого бытия и потребность современности... 27
--

Н.Б. Шулевский

Археология цены в философии хозяйства	32
---	----

А.С. Строев

Становление виртуальной финансовой системы	57
--	----

Д.Ф. Пигин

Мир-экономика в нравственном измерении	73
--	----

Т.У. Садыков

Философия как основа анализа преемственности современных хозяйственных категорий	84
---	----

В.В. Рышкус

Валовое сбережение или сбережение души: взгляд на проблему развития России	90
---	----

Ю.В. Котова, А.В. Дмитренко

«Духовное!».....	97
------------------	----

С.С. Робатень

Общество как хозяйство земледельца	100
--	-----

Раздел III

Инновации

В.Г. Белолипецкий

Актуализация инновационного образования в условиях кризиса	115
--	-----

А.Б. Николаев

Международный инновационный процесс и концепция национальных инновационных систем	128
--	-----

Ю.В. Яковец

Глобальный кризис науки и контуры грядущей Великой научной революции	142
---	-----

Т.В. Воеводина

Мобилизационная экономика как условие инноваций в России	152
--	-----

К.Р. Баянов

Перспективы социотехнического развития России: проблемы методологии	160
--	-----

Раздел IV	
Экономическая теория	
<i>И.Е. Рудакова</i>	
Насколько либеральна либеральная экономика?	169
<i>И.В. Ефимчук</i>	
Концептуальный анализ концепта модернизации.....	189
Раздел V	
Актуальная философия	
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Мистицизм Постмодерна	213
<i>Н.В. Литвак</i>	
О классификации концепций информационного общества	223
<i>Д.Л. Родзинский</i>	
Метафизические истоки хозяйственной деятельности мудреца в античной философии	234
<i>А.В. Овруцкий</i>	
Производство и потребление: диалектика взаимодействия	238
<i>А.С. Нилогов</i>	
Инстинкт духовного самосохранения versus инстинкт физического самосохранения	247
Раздел VI	
Энциклопедия	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Система	255
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономическая целесообразность	257
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Законы (закономерности) общественные	259
Раздел VII	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Слово о войне, великой победе и о нас с вами	273
<i>С.М. Миронов</i>	
Важная историческая задача	277
<i>С.Ю. Орлова, Е.В. Бушмин</i>	
Творческая дискуссия.....	279
<i>М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычкова</i>	
Десять лет серии «Российская экономическая мысль»	281
<i>Э. Шац</i>	
Trattatello.....	287
Научная жизнь	291
Наши авторы	299

Contents

Part I

The Academy

Academy of Philosophy of Economy.....	9
The Ascension (<i>Yu.M. Osipov</i>)	10
A Word about the Academy.....	11
Academy of Philosophy of Economy —	
Logos and Sofia of «Russian Truth» (<i>N.B. Shulevskiy</i>)	19

Part II

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Asceticism as a Phenomenon of a Human's being and as a the Present's Need	27
---	----

N.B. Shulevskiy

Price Archeology in Philosophy of Economy	32
---	----

A.S. Stroev

Formation of Virtual Financial System.....	57
--	----

D.F. Pigin

The World-Economy at Moral Measurement	73
--	----

T.U. Sadykov

Philosophy as the Basis of the Analysis of Continuity of Modern Economic Categories	84
--	----

V.V. Ryshkus

Gross Saving or Soul Saving: A View on Russia Development Problem.....	90
---	----

J.V. Kotova, A.V. Dmitrenko

«Spiritual!»	97
--------------------	----

S.S. Robaten

Society as a Landowner's Economy	100
--	-----

Part III

Innovations

V.G. Belolipetsky

Actualization of Innovative Education in the Conditions of Crisis	115
---	-----

A.B. Nikolaev

The International Innovative Process and the Concept of National Innovative Systems.....	128
---	-----

Yu.V. Yakovets

Global Crisis of Science and the Contours of Coming Great Scientific Revolution.....	142
---	-----

T.V. Voevodina

Mobilizational Economy as a Condition of Innovations in Russia	152
--	-----

K.R. Bayanov

Prospects of Social-Technical Development of Russia: Methodology Problems	160
--	-----

Part IV	
The economic theory	
<i>I.E. Rudakova</i>	
How Much The liberal Economy is Liberal?	169
<i>I.V. Efimchuk</i>	
The Conceptual Analysis of Modernization Concept.....	189
Part V	
Actual philosophy	
<i>A.Yu.Gorbachev</i>	
Mysticism of Postmodern	213
<i>N.V. Litvak</i>	
About the Classification of Concepts of Information Society.....	223
<i>D.L. Rodzinskiy</i>	
Metaphysical Sources of Economic Activity of a Wise Man in Ancient Philosophy	234
<i>A.V. Ovrutskiy</i>	
Production and Consumption: Dialectics of Interaction.....	238
<i>A.S. Nilogov</i>	
Instinct of Spiritual Self-preservation versus Instinct of Physical Self-preservation	247
Part VI	
The Encyclopaedia	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
System	255
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Economic Reasonability.....	257
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Public Laws (Regularities)	259
Part VII	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
A Word about War, Great Victory and about Us	273
<i>S.M. Mironov</i>	
The Important Historical Goal	277
<i>S.Yu. Orlova, E.V. Bushmin</i>	
A Creative Discussion.....	279
<i>M.G. Pokidchenko, E.N. Kalmychkova</i>	
Ten Years of «Russian Economic Thought» Series	281
<i>E. Shats</i>	
Trattatello.....	291
Scientific life	
Our Authors	299

Академия философии хозяйства

22 апреля 2010 г. состоялось общее собрание **Академии философии хозяйства**, на котором членам Академии были вручены академические дипломы.

Почетными действительными членами (академиками) Академии стали **С.Н. Булгаков** (мемориальный диплом № 001) и **митрополит Питирим — К.В. Нечаев** (мемориальный диплом № 002).

Действительными членами (академиками) стали: А.И. Агеев, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), А.А. Акинин (Санкт-Петербург), А.Л. Андреев, Л.Ю. Андреева (Ростов-на-Дону), А.А. Антропов, А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону), Л.А. Асланов, В.Д. Базилевич (Киев, Украина), В.Г. Белолипецкий, С.В. Бирюков (Кемерово), И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону), И.К. Быстряков (Киев, Украина), Ф.И. Гиренок, М.Н. Глазунов, А.Ю. Горбачев (Минск, Белоруссия), В.А. Гордеев (Ярославль), М.М. Гузев (Волжский), Р.М. Гусейнов (Новосибирск), О.В. Доброчеев, Л.Н. Дробышевская (Краснодар), А.Г. Дугин, А.Я. Дутка (Львов, Украина), С.А. Дятлов (Санкт-Петербург), С.А. Ермишина, И.В. Ефимчук (Н. Новгород), П.П. Жуликов, Г.В. Задорожный (Харьков, Украина), К.А. Зимарин, Е.С. Зотова, В.В. Ильин (Киев, Украина), В.Я. Иохин, С.В. Кайманаков, С.Г. Кара-Мурза, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург), В.И. Корняков (Ярославль), В.А. Кутырев (Н. Новгород), П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), В.В. Липов (Харьков, Украина), С.П. Макаров, С.А. Марков, Е.О. Миргородская (Ростов-на-Дону), Д.Ю. Миропольский (Санкт-Петербург), С.С. Мишуров (Иваново), Г.И. Мойсейчик (Минск, Белоруссия), К.В. Молчанов, И.В. Назаров (Киев, Украина), Г.Р. Наумова, А. Новак (Варшава, Польша), В.П. Океанский (Шуя), А.А. Олейников, Ю.М. Осипов, Б.И. Пашко, В.К. Петров, М.А. Пивоварова, А.А. Погребняк (Санкт-Петербург), Е.Г. Пономаренко (Краснодар), А.К. Попов, И.В. Пшеницын, Г.А. Родина (Ярославль), В.И. Романченко (Новороссийск), Л.И. Ростовцева (Тула), И.И. Рудяк, М.А. Румянцев (Санкт-Петербург), К. Рыч (Варшава, Польша), В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург), В.С. Сизов (Киров), С.Ю. Синельников, С.В. Синяков (Киев, Украина), З.Э. Скрынник (Львов, Украина), И.П. Смирнов, А.А. Соболевская, В.М. Сологубов (Екатеринбург), Е.С. Строев, Е.А. Субботин (Екатеринбург), А.И. Субетто (Санкт-Петербург), В.А. Твердислов, С.Н. Турищев, Л.А. Тутов, В.А. Ушанков (Санкт-Петербург), Г.В. Фадейчева (Владимир), А.С. Филипенко (Киев, Украина), И.Ю. Фомичев (Тюмень), М.Л. Хазин, К.А. Хубиев, В.В. Чекмарев (Кострома), Н.А. Шапиро (Санкт-Петербург), И.Г. Шевченко, Е.В. Шелкопляс (Иваново), Н.Б. Шулев-

ский, А.К. Шуркалин, М.Р. Элоян (Ростов-на-Дону), Т.Н. Юдина, Ю.В. Яковец, Ю.В. Якутин.

Членами-корреспондентами Академии стали: Е.Г. Гаврина, И.А. Кузнецова, В.А. Луковенко.

Членами-попечителями стали: А.А. Барыкина, С.С. Нипа, И.А. Ольховая, Л.И. Пшеницына, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына.

Дипломы Почетных членов Академии были вручены: заместителю председателя Счетной палаты РФ В.П. Горегляду, академику РАН В.Л. Макарову и депутату Ивановской областной думы В.А. Петелину.

22 апреля 2010 — день окончательного формирования Академии философии хозяйства, дата начала ее полноценного функционирования.

Академия философии хозяйства — актуальная реальность, свершившийся исторический факт, обретенная данность!

На собрании Академии в качестве почетного гостя присутствовал академик РАН В.Л. Макаров, поздравивший членов Академии с ее образованием и пожелавший Академии успехов в деятельности.

Восхождение

22 апреля 2010 г. свершилось событие — Академия философии хозяйства сообразовалась в действенное целое, в работающий организм, в эффективную институцию. Получив на руки красивые, изящные дипломы, члены Академии приняли на себя исполнение важной исторической мысли — думать, говорить, писать в невидимых лучах неведомой, но близкой всем метафизики, превращающей окружающий мир в животворную целостность, насыщенную потаенными неумолкающими смыслами, а хозяйственное бытие человека — в столь же целостное, животворное и владеющее смыслами сакральное деяние. С образованием Академии философии хозяйства окончательно и бесповоротно утверждается освобождение мысли и деяний человеческих от пут расчленяющего и упрощающего сциентизма, как и вульгарно беснующегося экономизма. Отныне не чистая наука для самонадеянной науки и не утонченная философия для конвульсирующей философии, а сообразованная с реальностью и питающаяся реальной метафизикой ответственная мысль, способная объять любое реальное целое и это целое реально о-смысл-ить — обнаружить сидящие в нем смыслы, наполнить смыслами, придать смысл. Философия хозяйства — метасмыслология, обращенная сразу, одновременно и целиком к человеку, природе и сакралу, открывающая человеку мыслящему новые дальние пути и новые широкие горизонты, выставляя вперед лишь одно ог-

раничение — реальное человеческое жизнеотправление, в ходе которого все у человека и творится — исходит, происходит и исчезает. Академия философии хозяйства — идейно-духовный очаг, призванный запустить и поддерживать новые историко-знаниевые часы — софийные!

Ю.М. Осипов

Слово об Академии

Президент АФХ, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук Ю.М. Осипов: «Академия возникла не на пустом месте, как и не ради самой по себе академической формы. Сначала сложилось действенное ученое сообщество, сформировалась научная школа философии хозяйства, была проведена классная, исключительная по объему и разнообразию работа, в рамки которой вошли многочисленные форумы, личные и коллективные публикации, двенадцатилетнее издание необыкновенного журнала, выход в свет не имеющей аналогов в мире содержательной антологии. И только после и по итогам всего этого образовалась академия — *Академия философии хозяйства!*

Не прихоть чья-то легла в основание Академии, а сама свершившаяся и свершающаяся реальность.

Академия должна послужить консолидации умов, сил и духа, приданию консолидированному сообществу ученых особой творческой энергии и высокого авторитета.

Отныне философия хозяйства обобществлена и институционализована. Размыслительное поле философии хозяйства теперь под сенью и опекой думающей и заботящейся о ней организации. Это уже не частность, не локальность, не росток, это уже уверенно и звонко заявляющая о себе всеобщность, видное отовсюду плодоносное древо, средоточие исходящего во все стороны живительного света.

Академия философии хозяйства есть! У нее, смеем надеяться, перспективное будущее.

“Vivat academia!”»

Почетный академик АФХ, академик РАН В.Л. Макаров: «Сегодня на Земле живет свыше 6 млрд человек. А так называемая экономическая наука изучает законы благосостояния лишь Западного мира, США и еще нескольких избранных территорий, где проживает всего около 1 млрд человек, остальные же вроде бы к экономической науке отношения не имеют.

И Россию изучают не как самостоятельную и специфическую страну, а лишь как тень, как копию и подобие придуманного искусственного Запада. Что бы мы сказали об объективности биологии, которая исследовала бы только львов, тигров, змей, а все остальное многообразие живого презрительно оставляла бы вне поля своего внимания. А экономическая наука с момента своего зарождения изучает главным образом лишь капитализм, рассматривая его как естественный строй жизни, а все остальные хозяйственные уклады — как отклонения, типики, аномалии. И при этом считает себя самой важной и главной наукой, будучи не в состоянии объяснить кризисы капитализма, грозящие гибелью жизни на Земле. Отсюда нужна целостная экономическая наука, которая исследовала бы все формы и проявления трудовой, производящей, но в то же время и разрушительной, и паразитической деятельности людей, а не занималась бы поиском и обоснованием блага для “золотого миллиарда”.

Сегодня много говорят о кризисе науки. На мой взгляд, в науке случаются не столько кризисы, сколько имеет место смена предметов изучения, парадигм, методологий, объясняющих моделей. Современная экономическая мысль, представляющая себя в качестве единственной универсальной парадигмы, не в состоянии дать понимание глобальных тенденций развития мира; она не может адекватно реальности объяснить тот же экономизм и его разрушительные последствия; да и о самой себе она не может сказать ничего в концептуальном плане убедительного. Значит, нужна новая наука, которая изучает все многообразие хозяйственных форм, используемых человечеством, которая охватывает всю хозяйственную реальность, вырабатывая научные и метанаучные объясняющие модели.

И Академия философии хозяйства возникла не случайно именно сегодня: устанавливая новую парадигму мышления, Академия отвечает на вызов всех кризисов, в которые загоняет нас обветшавший экономизм».

Действительный член АФХ, заместитель декана экономического факультета МГУ, доктор философских наук Л.А. Тутов: «Дело философии хозяйства получило мощную институциональную поддержку в форме Академии философии хозяйства. Вручение дипломов действительных членов Академии философии хозяйства ведущим ученым России и зарубежья завершает начальный этап строительства новой философско-экономической науки, продолжающей лучшие академические традиции Московского университета и всей дореволюционной мысли России. Философия хозяйства дает многоаспектный взгляд на мир, чуждый прагматизму ограниченного экономизма. Главные ценности философии хозяйства — это человек, его совершенствование и движение в направлении высших ценностей: истины, добра, красоты.

Философия хозяйства толерантна и не призывает к уничтожению иных подходов к осмыслению хозяйственной реальности, но она против навязывания формализованных моделей в качестве универсального инструмента для объяснения явлений многообразной хозяйственной жизни и построения умозрительных прогнозов. Философы хозяйства призывают учитывать специфику социохозяйственной реальности России, наполняя хозяйственные, социальные и политические действия разумным содержанием. Философия хозяйства — это наука о знании, которая по сути своей имеет инновационный характер, предполагая постоянное духовное совершенствование человека, с одной стороны, и объективацию новаторских идей и создание комфортной среды обитания, с другой. Философия хозяйства позволяет с оптимизмом смотреть в будущее нашей страны».

Вице-президент АФХ, директор Института экономики и международных экономических отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), доктор экономических наук А.Ю. Архипов: «Современное социально-экономическое положение России сложно, противоречиво. Кризис показал включенность и зависимость национальной экономики от мировых процессов и необходимость изменения ее структуры, до сих пор ориентированной на экспорт топливно-сырьевых ресурсов. Сегодня важно добиваться реальных сдвигов в инновациях, в восстановлении и развитии обрабатывающей промышленности, комплексном развитии, эффективном взаимодействии регионов. Реальной остается угроза дезинтеграции, распада страны. Многие связи, в том числе транспортные, осуществляются только через Москву, трудно налаживается межрегиональное взаимодействие. Важно комплексное развитие, противостоящее этим тенденциям. Нужны теоретическое осмысление создавшегося положения, выработка соответствующих рекомендаций. Сообщество, основавшее Академию философии хозяйства, в которое входят ученые разных наук — экономисты, философы, историки, политологи, а также представители бизнеса, опираясь на российскую и мировую научную традицию, сформулировало и отстаивает в современных условиях идеи Великой России, российского перестроения. Новая академия призвана стать одним из ведущих интеллектуальных центров страны, словом и делом способствующим единству и процветанию России».

Вице-президент АФХ, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета СПбГУ, доктор экономических наук В.Т. Рязанов: «Академий в стране создано немало. И найти новое достойное место, кажется, уже не просто. Рождение Академии философии хозяйства не только не случайно, но и вполне закономерно,

ибо было загодя подготовлено и возвращено учеными разных наук и направлений, не удовлетворенных предлагаемыми готовыми ответами и рецептами в русле очередных мейнстримов и стремящихся к творческому переосмыслению закономерностей социально-экономической жизни общества. Вот почему предназначение Академии, ее миссия, не может не состоять в продолжении и закреплении научной размыслительной традиции, связанной с преодолением доминирования голого рассудка, прагматики и простого счета в ментальном пространстве современного мира. В реализации таких намерений есть на кого опереться. И это очень важно. Восстановление неразрывной связи духовно-нравственного и хозяйственного начал в жизни общества, самым ярким образом воплощенное в школе философии хозяйства, — разве это не важнейшая предпосылка нынешнего возрождения страны, ее общества и экономики?

Обращаю внимание на одну аналогию. Пока в Академии образовалось два отделения — Северное и Южное. Почти двести лет назад у нас уже возникали Северное и Южное тайные общества. Они оставили свой след в истории страны, а закончили свою деятельность на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Наша Академия — не тайное общество, и цели у нее совсем другие. Так что Север с Югом сходятся у нас для решения конструктивных задач. В нашем случае Север и Юг — два философских луча, исходящих от Москвы, и они не менее важны для общественности, чем те же инвестиционные потоки для экономики. Пусть же наше сообщество прирастает новыми очагами и ячейками философии хозяйства, и не только на Севере и Юге, но и на Западе и Востоке.

И последнее. Известно, что девизом Платоновской академии было: «Геометром быть обязан всякий сюда входящий!» Девиз Академии философии хозяйства: «Через тернии к звездам». Он обязывает, мобилизует, но и вдохновляет — со спокойной душой и твердым убеждением исполнять свой долг, преодолевая трудности и соблазны!»

Действительный член АФХ, профессор Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, доктор экономических наук, А.С. Филипенко: «Создание Академии философии хозяйства, без всяких сомнений, важное событие в интеллектуальной жизни научного сообщества. С одной стороны, оно фиксирует качественно новый этап в концентрации творческих сил вокруг проблем философии хозяйства, а с другой — знаменует институциональное оформление философии хозяйства, что соответствует важной социальной инновации. Академия философии хозяйства может и должна стать органической составной частью современного гражданского общества.

Научная школа философии хозяйства, возникшая и сформировавшаяся в Московском университете, получила широкое признание как в России, так и за ее пределами. В частности, на Украине данное направление развивается в Киевском национальном университете, в Совете по изучению производительных сил НАН Украины, в Университете банковского дела и в других учреждениях. Проведен ряд научных форумов по проблематике философии хозяйства в Киеве, Львове, Харькове. Дальнейшие научные исследования членов Академии усилят методологическую, эвристическую и креативную функцию экономической науки и других гуманитарных наук».

Действительный член АФХ, заведующий лабораторией структурной химии химического факультета МГУ, доктор химических наук Л.А. Асланов: «Позвольте мне как представителю естественных наук выразить искреннюю признательность за внимание к естествоиспытателям, проявляющим интерес к гуманитарным проблемам, от решения которых зависят бытие и будущее человечества. В кругу членов Академии, а издавна в среде Философско-экономического ученого собрания, мы получаем постоянную поддержку нашим попыткам приложить свои профессиональные знания для поиска путей к решению общественных проблем в рамках междисциплинарного подхода, которым славится Центр общественных наук, а теперь, надеюсь, будет славна и Академия философии хозяйства. Трудно найти обществоведов, которые столь же много и терпеливо работали бы с естествоиспытателями, как члены нашего собрания. Желаю нашей Академии больших творческих достижений».

Действительный член АФХ, профессор философского факультета МГУ, доктор философских наук Ф.И. Гиренок: «Создаваемая Академия станет еще одной площадкой, на которой смогут встречаться представители различных наук. Я надеюсь, что мы получим возможность общения еще и с политиками, журналистами, бизнесменами. На наших собраниях всегда обсуждались самые острые проблемы развития современной науки и общества. Желаю Академии творческого напряжения в сочетании со свободой мысли».

Действительный член АФХ, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, доктор химических наук С.Г. Кара-Мурза: «Уже 20 лет Запад и США барахтаются в трясине кризиса, втянув в него и Россию. Но нет ни малейшего понимания того, что такое современная экономика, каков должен быть ее перводвигатель, какими методами следует изучать эту экономику, почему среди преизобилия богатства возникают всякого рода кризисы. Нет ни одной книги, ни одного “нобеля”, которые хотя бы

приблизительно наметили контуры понимания современного экономического мира. Экономическая литература лишь оглуляет пишущих и читающих, превращая их в болтающих автоматов.

Нужны новые методологические и мировоззренческие подходы. Чистый экономизм давно превратился в стыд и позор даже для домохозяек, которые хорошо знают законы домохозяйства, но ничеготеньки не понимают в “домушной” экономике, которая их разоряет. Создание Академии философии хозяйства очень своевременно и внушает определенный оптимизм, ибо она окажет поддержку философии хозяйства, которая уже свыше 20 лет упорно держится, несмотря на немилосердный прессинг экономизма, не сдастся, шаг за шагом вырастая в своеобразную философско-хозяйственную “библию”. Вполне уже очевидно, что вопросы, которые рассматривает экономизм, должны быть поставлены и решены иначе. Сегодня это возможно сделать лишь в координатах философии хозяйства».

Действительный член АФХ, профессор факультета государственного управления МГУ, доктор экономических наук С.П. Макаров: «Академии создаются не для академических развлечений, а для решения неотложных жизненных задач. Сегодня весь экономический мир, наука и философия находятся во тьме кромешной, не понимая того, что вокруг делается, что делают они сами, что упорно делается с ними самими. Академия философии хозяйства создана благословенным словом и усилиями великого русского подвижника, и создана она не просто на злобу дня, а ради будущего всего человечества, обретшего возможность софийного, а не экономического понимания хозяйства.

Академия философии хозяйства — еще не до конца осознанный социодуховный организм, способный просвещать и просветлять софийными смыслами человека хозяйствующего, думающего; творящего. Это духовно-практический центр сознания, ума и души человеческих, их животворящая надежда».

Действительный член АФХ, заведующий кафедрой биофизики физического факультета МГУ, доктор физико-математических наук В.А. Твердислов: «Создание Академии философии хозяйства способствует организационному структурированию междисциплинарного научного сообщества, члены которого концентрируют свои интересы вокруг проблем, связанных с концептуальным осмыслением современного общества, его хозяйственных, социальных и политических тенденций. Сообщество ученых, вошедших в Академию, реально сформировалось за последние два десятилетия, что свидетельствует о здоровой генетике Академии, ее неслучайности.

Научное направление, которое вошло в название Академии, заполняет драматически разрастающуюся “дыру” в современном обществоведении, подпавшем под влияние формальных, во многом финансово-экономических подходов и оказавшемся лишенным глубокой сущностной фундаментальности. Весьма значимым представляется привлечение к работе Академии ученых-естественников, обладающих гибким опытом современного познания природы с его пониманием характера и динамики развития сложных систем, синергетических процессов и возможностей математического моделирования».

Действительный член АФХ, генеральный директор ОАО «Приват-Инвест» (г. Краснодар), кандидат экономических наук Е.Г. Пономаренко: «Сегодня, как уже не раз бывало, наша страна находится на переломном рубеже, требующем глубинного осмысления. И творческий вклад возникающей на наших глазах академии в достижение происходящего трудно переоценить.

Убежден, что качественно новое видение реальности позволит нам, промышленникам, лучше ориентироваться в нашей хозяйственной практике. В модернизации нуждаются сегодня не только основные средства наших предприятий, но и наше сознание. Только так мы сможем выработать стратегию, которая позволит российскому производству войти в общемировое экономическое пространство на современной ментальной и организационной основе.

Думаю, что и в сфере производства мы все-таки прорвемся, мы просто обязаны прорваться!»

Действительный член АФХ, директор Уральского института связи и информатики (г. Екатеринбург), кандидат технических наук Е.А. Субботин: «У российского народа огромная территория с богатейшими ресурсами и стабильными природными условиями, которые дают потенциал к развитию, процветанию и хозяйственному обустройству всей российской земли.

Я с Урала, из Екатеринбурга, и хочу заметить, что Урал был и всегда должен оставаться опорным краем российской державы.

В 2010 г. мы ожидаем перемен к лучшему. Хочется с оптимизмом надеяться на будущее развитие и рост Уральского региона и всей России. В первую очередь в связи с переходом на инновационную модель развития, опирающуюся на знание и науку, что должно привести к необходимой модернизации экономики.

Уверен, что созданная Академия философии хозяйства объединит творческие силы ученых для решения актуальных обществоведческих и гуманитарных задач, что может способствовать движению российского общества по пути процветания».

Действительный член АФХ, начальник кафедры экономической теории Новороссийской государственной морской академии имени Ф.Ф. Ушакова, кандидат экономических наук В.В. Кашицын: «В современном научном и государственном сообществе сложилась практика, что если возникают какие-либо фундаментально-значимые проблемы, то для их разрешения обычно создаются целевым образом те или иные институты. В нашем же случае все произошло наоборот. В течение достаточно длительного по современным меркам времени большой и многогранный коллектив ученых, из разных научных областей и географических регионов, а сейчас и стран, результативно работал над проблематикой, относящейся к философии хозяйства, ею охватываемой. И совершенно закономерным итогом стало учреждение Академии философии хозяйства, что позволит придать размыслительному процессу новый энергичный импульс и выведет его результативность на еще более высокий уровень».

Действительный член АФХ, руководитель Центра социальных исследований и просвещения имени С.Н. Булгакова (г. Иваново), кандидат медицинских наук Е.В. Шелкопляс: «День становления Академии философии хозяйства будет особенно памятен для каждого из участников сегодняшнего собрания. Этому событию предшествовали многолетний, порой самоотверженный труд и вдохновенное творчество удивительного сообщества ученых, объединяемых Центром общественных наук при МГУ.

Уверен, что образование оригинальной академии сможет оказать позитивное влияние на ход российской истории. Академия способна разработать и предложить российскому обществу современную модель ведения общественного хозяйства, основанную на принципах нравственности, духовности и гармонии — модель, соответствующую всем базовым законам социальной жизни, заложенным в матрице великой русской культуры. Хочу пожелать нам всем успеха в реализации столь сложных и благородных задач!»

Действительный член АФХ, вице-президент образовательной корпорации «Туран» (г. Астана, Казахстан), доктор экономических наук У.Ж. Алиев: «Академия философии хозяйства! Как много в этих звуках для сердца нашего слилось! Академия философии! Как много в нем отозвалось! Академия! Какое волшебное-возвышенное и в то же время вполне осязаемое слово!

Волшебное-возвышенное потому, что первая в истории человечества философская Академия — Академия Платона, созданная им в Афинах почти две с половиной тысячи лет назад и просуществовавшая почти тысячу лет, — не может не восхищать волшебством гения-

философа Платона! Вторая Академия философского направления была возрождена во Флоренции в XV в. И, наконец, третья Академия — родная, философско-хозяйственная, — появившись в России на рубеже тысячелетий, сразу же осязаемо вошла в современное научное бытие, став точкой сборки всех неустанно мыслящих и пытливо ищущих!

Воистину, свобода мысли — это величайшее достижение человечества и каждой отдельной личности!

Девизом Платоновской Академии было изречение “Негеометр да не войдет!”, подчеркивавшее особую роль математики в то время. Я предлагаю в качестве девиза нашей академии — Академии философии хозяйства — следующее выражение: “Нефилософски да нехозяйственно размышляющий да не войдет!”

Да будет так!».

Академия философии хозяйства — Логос и София «Русской Правды»

22 апреля — праздник Неизвестного. 22 апреля — все неизвестные силы мира, все трансцендентные и демонические стихии, все непознанное и непознаваемое, все неизвестно ужасающее отмечает свой величайший праздник, отчасти доступный и понятный мыслящим душам. И именно в этот день загорается новая невидимая звезда, указующая потерянными людям смысловой путь к свету истины вечной. И эта звезда ищет тех, для кого она зажглась. Поэтому 22 апреля — самый трансцендентный и самый метафизический день, переполненный таинственными и многоплановыми смыслами. И смыслы-то эти закручиваются все туже, приближая торжество «урожая», окончательного разделения «зерен» и «плевел». Это — и день *Провидения*, и день *Судьбы*, и день *Греха*, и день *Суда*. В этот день расходятся закрученные, узловые и шарнирные опоры человеческого миростроя. В этот день сознают ремеслу обреченность, и за вечную истину платят сполна в этот день; это — день обреченных, палачей и ученых, что готовят сырье палачам, что готовят в сырье палачей. Имеющие ум — да уразумеют и поймут! 22 апреля — *День независимости метафизики*.

И именно в этот день в мире Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова произошло всеясветное метафизическое событие — учреждение первой в истории человечества Академии философии хозяйства. Это не просто еще один институт, исследующий экономику, которую познают, познают, но которая никак не познается, видимо, не желая открывать старческую немощь свою. Это

и не междисциплинарная научная структура, собирающая воедино пастырей, теряющих экономические стада и пастбища.

Академия философии хозяйства — это новый, еще не осознанный духовно-практический центр и социодуховный организм, просветляющий софийными смыслами сознание, ум русский и человеческий. Академия философии хозяйства содержит под своими крыльями нечто большее, чем просто целостное хозяйственное знание, науку, мировоззрение, теорию, метафизику, образ истины. Сама философия хозяйства суть не только учение и теория, но и определенный образ самой жизни человеческой — хозяйственно творческой, материально умеренной, духовно достойной, преисполненной софийными и логосными импульсами вечных ценностей. Поэтому Академия философии хозяйства становится высшим родом учения и образования, благоведения и благословенного знания, искусством размышления и откровенческих прозрений, наукой творческих дерзномыслий и эвристических озарений, проективных и методологических вдохновений. С Академией философии хозяйства в ноосфере появился новый *Логос*, новый смысловой Свет, новый софийный *Метапроект*. Хранит она и последний Свет невечерний СССР (Союза Сакральных Сил России).

Но людям не дано знать творимое ими. Нам не дано предугадать, чем обернется Академия философии хозяйства, но сама Академия благословенно несет в себе таинственный, еще не вполне выписанный и не вполне познанный проект устройства людского общежития.

Но дадим слово Академии. Первую в истории человечества Академию создал Платон. Бесхозяйственные и бесхозные чандалы назвали создание Платона философской академией. Но это не просто ложь и статистика, а наглая статистика. Созданный Платоном институт по правде, по праву и по совести является Академией философии хозяйства. Ведь ее главным творением стал реальный проект социально-духовного строя, который на три столетия продлил жизнь Эллады и спас ее жителей от проказы ростовщичества. И этот социально-духовный проект Платона, «списанный» с устройства Атлантиды, философский люмпен назвал «идеальным государством»! И зачем это якобы идеальное непрактичное государство до сих пор изучают во всех университетах мира?!

Но, пожалуй, самое главное в другом: Академия Платона сумела выработать проекты уникального взаимодействия хозяйства, рынка и культуры к вящей пользе каждого элемента всей этой троицы. Секрет этого взаимодействия утерян, и сегодня рынок, культура и хозяйство никак не могут найти свой общий смысл, взаимно разрушая друг друга. Без хозяйства невозможны ни академии, ни философия, ни экономика. До Академии Платона в духовной и практической жизни Эллады царил

хаос. Одни философы считали, что все из воды и все утопнет; другие считали, что все сгорит; третьи уверяли, что все надо оцифровать; четвертые утверждали, что нужно все разложить на атомы, и т. д. Социально-политическую сферу раздирали междоусобицы и войны. Возникшая Академия философии хозяйства восстановила мудрый порядок свободы и культ хозяйственной умеренности, став духовно-практическим центром и смысловым ориентиром Эллады. И стал хаос прекрасным космосом, в котором для всего есть свое место, свое слово, своя тайна. Появились идеи — вестники небесных сил в формах этики, логики, грамматики, риторики, власти, справедливости, права, искусства.

Академия стала поистине трансцендентальным институтом (в мире сем и для мира сего, но не от мира сего), выполняющем какие-то внесударственные, внесоциальные задачи и метафизические функции, обусловленные погибшей Атлантидой и погибающей Элладой. В Академии Платона изучались все науки, искусства, философия, создавались общеэллинские хозяйственные и политические проекты, новые методы (диалектика). Академия Платона хранила культурно-национальное единство, обеспечив расцвет ее культуры и хозяйства. Но важнее всего метафизическая роль этой Академии, которая спасла сокровища погибающей Атлантиды для грядущей жизни.

Академия Платона стала центральной библиотекой Эллады, школой, храмом, университетом, научно-исследовательским центром всего эллинистического мира, который жил, учился, работал, воевал, развратничал, даже уничтожал себя по академическим эталонам, а не по варварским обычаям.

Поэтому любая академия может быть лишь Академией философии хозяйства, или же ей вовсе не быть, ну, или же влечить жалкое подобие смерти. Поэтому, говоря Академия, мы будем подразумевать Академию философии хозяйства, которая выявляет истину всякой иной академии. Ведь без хозяйства и вне хозяйства даже усопшие академии экономики похоронить некому, ибо ритуальные услуги тоже есть род хозяйства.

Метафизическая суть Академия философии хозяйства как особого софийного организма обусловлена и Духом Церкви нашей. Академия и Церковь дали путевку в долгую жизнь университетам, отпустив их от себя в инновационные странствия по градам и весям ноосферы. Все уносит черный поток времени, а они стоят как вечный эталон устройства человеческого бытия. Каждый квадратный метр их площади содержит в себе больше ума, мыслей и сознания, чем любые «квадраты» мира.

Русская академия философии хозяйства содержалась в зародыше уже в созданной С.Н. Булгаковым идеологии софийного хозяйства; великий ум видел скорую «отставку» кабинета экономизма и предвидел возникновение нового софийного метакабинета с новыми институциональ-

ми и организационными формами, посредством которых можно привлечь к изучению хозяйства специалистов всех областей знания.

Но подлинным единоличным автором Академии философии хозяйства, как и Платон, стал лишь Ю.М. Осипов, сумевший превратить количество в качество, сумевший создать из разноплановых организационных, институциональных фрагментов самостоятельный и полноценный социально-духовный организм, доведя его воспитание до уровня академической зрелости. Академия философии хозяйства с полным правом должна носить его имя, как носит имя Платона его философия, как носит имя С.Н. Булгакова «философия хозяйства». Платон, С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов своим духом, своими смыслами, своей верностью истине и Софии вдохнули в нее жизнь, сделали ее плодоносящим духовным организмом. Парадокс: свои титанические создания творили: Платон — один, С.Н. Булгаков — один, Ю.М. Осипов — один. Но этот парадокс говорит и о том, что философия хозяйства развивает высочайшую меру индивидуализированности, личности и целостности человека.

Но есть и во вновь рожденной Академии свои особые миссия и аура. Ведь самым бытием своим Академия философии хозяйства вынесла окончательный обвинительный приговор всему экономизму, всему его мнимому благоденствию, доказав его тотальную деградацию во всех областях жизни, показав, что грядущее уже пришло с философией хозяйства, а другого быть не может, ибо все свои соблазны экономизм уже исчерпал, вновь возвращаясь к примитивному ростовщичеству, к грубой силе, к демонам суицида.

Сегодня даже слепоглухонемые ученые и экономисты видят, что все существующие идеи, теории, учения, модели, методы экономизма терпят тотальный крах, оставляя после себя тархтящие пустые математические жернова и загробные мерцания пустых экранов. Есть власть с массами экспертов, спецов, ученых, «нобелей», стратегических исследователей полета шмеля, но нет во всей этой ученой суете центра, без которого суета не станет осмысленной организацией бытия, а останется тем, о чем Н.В. Гоголь советовал лучше не говорить.

И лишь Академия философии хозяйства имеет собственное уникальное и целостное софийное мировоззрение; уникальную собственную методологию — триалектику; уникальный собственный проект жизнестроя России — теократическую империю; уникальное творческое дело — хозяйство. Академия философии хозяйства имеет и свой свод строжайших моральных императивов: ни слова против истины, ни слова лживого, ни слова пустого, ни слова лакейского, а только слово святожитейское. И создана Академия философии хозяйства не только для экономических нужд России. Нет, она нужна всему челове-

честву, которое погибнет еще до исчерпания ресурсов, если не поймет сути своего смертоносного производства и не найдет адекватной замены его в хозяйственном творчестве.

Академия философии хозяйства взрастила созвездия умов, которые не страшатся никаких проблем, ибо их жизнь держится самозабвенным трансцендентным профессионализмом, упованиями Божьей правды, софийной верностью «Русской Правде». И теперь работники Академии философии хозяйства упорно трудятся над тем, чтобы в полной мере осознать, понять, выразить неразвернутый социально-духовный и практический проект современной России, воплощенный в нашей загадочно непостижимой Академии жизни, ибо жизнь есть вечный брак философии и хозяйства.

Девиз Академии философии хозяйства гласит: «Per aspera ad astra». Но для софийной философии и софийного хозяйствования звезды не предел, а лишь ориентир на пути к тверди вечной, где происходит чудо возжигания звезд для праведников, и облачение праведников в звездные тела. Созвездие Академии философии хозяйства стремится в свое софийное сообщество, чтобы принять посильное участие в осуществлении Божьего Плана Миростроя. Ибо нет больше сил терпеть незнание этого плана, а быть бессознательным его каменщиком не может. Да и Академия философии хозяйства не позволит так легкомысленно обращаться со спрятанным в ней небесным сокровищем, которое должно украсить этот План.

Все времена и сроки экономизма уже прошли, осталась одна виртуальность, в фиолетовом тумане которой растворяется еще недавно всемогущая финансово-экономическую реальность. В этом плане Академия философии хозяйства невольно становится орудием Провидения, возвращая человека к абсолютным аксиомам жизни, которая основывается на хозяйстве, питается хозяйством, охраняется хозяйством, отправляется в мир трансцендентный тоже хозяйством. Академии философии хозяйства суждено рождение, нелегкая жизнь в средних широтах экономизма, но вот конец ей недоступен, ибо она сама есть преобразование любого конца (даже экономизма!) в софийное, осмысленное продолжение... человека на путях хозяйства и метахозяйства.

Н.Б. Шулевский,
действительный член АФХ,
профессор философского факультета МГУ,
доктор философских наук

Ю.М. ОСИПОВ

Аскетизм как феномен человеческого бытия и потребность современности

Аннотация. Статья рассматривает феномен социального аскетизма как противостоящий и противодействующий социальному гедонизму, в особенности в условиях современной России, зараженной опасным ультрагедонизмом, не знающим меры.

Ключевые слова: экономика, жизнь, аскетизм, гедонизм, современный мир, Россия.

Abstract. The article considers the phenomenon of social asceticism as a resisting and counteracting social hedonism one, especially in the conditions of modern Russia that is infected with dangerous ultrahedonism without any knowing of where to stop.

Keywords: economy, a life, asceticism, hedonism, the modern world, Russia.

Когда говорят об аскетизме, то имеют в виду, как правило, волевое самоограничение, желание и умение довольствоваться малым и самым необходимым, бытовую неприхотливость, а иной раз и попросту материальную скудость бытия, правда, компенсируемую возможным в таком разе духовным богатством.

Хотячий пример аскетизма — жизнь монаха, в особенности монаха-отшельника, взявшего на себя аскетический обет, как и монашеского коллектива в монастыре строгого аскетического устава, хотя ко всему монашескому роду аскетизм отнести весьма трудно: вероятен, но вовсе не всегда обязателен и непременно исполняем.

Аскетизм — противоположность гедонизму, замешанному на стремлении к наслаждению, полнокровию, удовольствию от жизни. И если гедонизм имеет тенденцию к расширению, продолжению и даже снятию *меры*, то аскетизм стремится к соблюдению меры, причем снятию *меры*, по возможности, ограниченной, сжатой, уменьшенной. В аскетизме, как и в гедонизме, есть и свое безмерие, или же сверхмерие, ежели имеет место чрезмерность в уменьшении самой уже и так ограниченной меры: наряду с гедонистическим психозом возможен и психоз аскетический, так что мера должна иметь место и в самих по себе явлениях гедонизма и аскетизма, чтобы не попадаться в сети гиперфеноменов — что гедонизма, что аскетизма.

Нормальный аскетизм не совпадает, конечно, с нормальным гедонизмом, ибо смысл обоих явлений состоит так или иначе в отклонении от вообще нормального образа бытия, когда удовлетворение жизнью не переходит в навязчивое довольство от нее, счастливо сочетаясь с удовлетворяющим человека экзистенциальным самоограничением. Как раз здесь, где-то между гедонизмом и аскетизмом, а лучше сказать, наверное, — в зоне их взаимного отрицания, т. е. при отсутствии того и другого, и лежит та самая необходимая человеческому бытию *норма*, естественным образом отвергающая как гедонизм, так и аскетизм (тут, можно, наверное, сказать о некоем «*нормализме*», к которому всегда и везде тяготеет основное человеческое бытие, но который почему-то всегда и везде не устраивает какую-то часть человечества, волей-неволей стремящуюся к той или иной аномальности — либо не быть, как все — всеми этими мещанами, «семьянами», «трудягами», «служаками», либо при невозможности и нежелании вести нормальный образ жизни из-за соответствующих генетических, как и благоприобретенных, свойств характера и сознания: всякие необыкновенные несурзанности оказываются почему-то милее обыкновенных «сурзанностей»). Вообще, норма или аномалия, гедонистическая или аскетическая — вопрос по преимуществу личного, семейного, иногда и коллективного, выбора, обусловленного, конечно, наследственностью и традицией, но и зависимого от складывающихся текущих обстоятельств. Жизнь всех и вся, как и всегда и всюду по норме, судя по всему, невозможна, отклонения тут неизбежны, а потому вокруг «нормализма» всегда и всюду гедонизм с аскетизмом, что и знаменует как естественное, так и искусственное разнообразие человеческого бытия.

Однако гедонизм и аскетизм — вполне социальные явления, классовые, массовидные, полевого, так сказать, воплощения, способные придавать всему текущему бытию тот или иной превалирующий окрас: либо гедонистический, либо аскетический. Отсюда каждое из этих явлений выходит за поведенческо-психологические (личностные, семейные, коллективные) рамки и, покрывая большие социохозяйственные пространства, определяет бытие целых слоев населения, поколений, обществ, стран, цивилизаций, придавая тот или иной характер историческим периодам, эпохам, временам. И вот тогда-то речь заходит не столько о жизненном выборе той или иной локалии, сколько о самом состоянии жизни вообще — вполне, случается, и критическом. И об аскетизме речь заходит обычно в разгар гедонизма — как о ему, этому гедонизму, противовесе, когда гедонизм воспринимается мыслящим и озабоченным сознанием как нечто опасное для человека и жизни вообще, а аскетизм представляется в качестве спасительного гедонизму противодействия.

Массовый гедонизм сегодня — органическое свойство гуманистической, экономической и научно-технической цивилизации, которую для краткости обычно именуют сегодня Западной, что связано с местом ее происхождения и укоренения, но никак уже не распространения, ибо она повсюду, и в России тоже. Несмотря на то, что данная цивилизация есть цивилизация труда, предприимчивости и творчества и долгое время не чуралась подчиненного всему этому аскетизма (протестантство, пуританство, исходная буржуазность), в сердцевине ее было с самого начала заложено в качестве мины замедленного, но при этом и внезапного действия стремление к гедонизму, мотивированное вполне объективно стремлением к производству благ и созиданию богатства, к накоплению жизненного благополучия, а затем и от жизни наслаждения. Рано или поздно Западная цивилизация должна была стать, что было телеологически предопределено, цивилизацией гедонистической, способной к появлению массового, если не тотального, гедонизма, что, собственно, очень хорошо проявляется и наблюдается в нынешние, далекие от природности и сакральности, времена.

И все бы ничего, если бы... если бы времена эти не стали казаться думающему и озабоченному сознанию... *последними*, да ладно бы для этой гедонистической цивилизации (чёрт бы с нею!), а то ведь и для всего человеческого бытия на Земле! Так гедонистическая телеология Западной цивилизации обернулась уже для всего мира гедонистической эсхатологией!

И этот вопрос не может не волновать думающее и озабоченное сознание, как и не побуждать его к поиску выхода из хронически кризисной, отягощенной возможностью всемирной гедонистической катастрофы, ситуации, — и ничего не может предложить это сознание другого, кроме обращения к... *аскетизму*, разумеется, по преимуществу насильственному — предложенному и навязанному, а то и конспиративно внедренному, — а потому и требующему уже не возврата к бывшему когда-то на заре и в апогее Западной цивилизации аскетизму, а фактически полного расставания уже с самими основами цивилизации, то бишь и с самой цивилизацией тоже.

И это будет происходить и уже происходит — цивилизация эта уже перерождается, становясь, несмотря на весь пропагандистский звон, все менее либеральной и демократической и все более тоталитарной и авторитарной, а попросту говоря, как это свойственно говорить тому же марксизму, — *империалистической*. Демонтаж Западной цивилизации уже идет, и она становится, обретая, скажем так, незападные черты, цивилизацией... *постзападной*, однако поначалу вовсе еще не аскетической, хотя и уже с ограниченным массовым гедонизмом (общемировой кризис, наступление на социальные гарантии, замораживание

жизненного уровня, привлечение «аскетической» рабсилы из полуколонизального зарубежья и т. д.). Главное сейчас для западных мировых стратегов состоит под любым предлогом (прежде всего экологического характера) возбудить подконтрольный и управляемый аскетизм, а точнее, некий суррогатный псевдоаскетизм, по всему, так сказать, недоразвитому миру с одновременным, столь же псевдоаскетизмом, его усиленным физическим сокращением (под предлогом перенаселения планеты, истощения природных ресурсов и исчерпания научно-технических возможностей). Во всем этом и проявляется ныне особого рода империализм Западной цивилизации — *псевдоаскетический!*

Но параллельно усиливается и другой империализм, имеющий отношение к гедонизму и аскетизму — антигуманистический, который, правда, можно было бы назвать и просто гуманистическим: речь идет о превращении человека в иное человекообразное существо — с одной стороны, гедонистическое (западные верхи, империальное меньшинство), а с другой — аскетическое (мировые низы, колониальное большинство). Почему же все-таки *иное*? Да потому, что уже с иным сознанием — псевдочеловеческим, над чем и трудятся усиленно Голливуд со всеми масс-медиа, не говоря уже об армии ученых экспертов, наполняющих бесчисленные лаборатории, почему-то старательно конспирированные.

Есть в охаемах Западной цивилизации, конечно же, и вполне людские слои населения, в среде которых пока действует еще человеческое, хоть и немало искаженное «западнизмом», сознание, стремящееся найти кое-какой выход из гедонистического тупика, призывающее в меру своих сил, понимания и воображения овладеть хотя бы толикой оздоравливающего аскетизма — хотя бы под предлогом модного и развешиваемого экологизма. Осознает, конечно, это сознание, что нужно то-то и то-то, даже старается что-то предпринять, но... как же теперь отказаться от того-то и того-то, а главное, убедить в этом гедонистические массы, в состав которых, надо заметить, охотно и активно вливаются и большие «аскетические» массы импортированных и всю размножающихся прозападных «рабов».

Аскетизм сверху — как политика, конечно, в главном и вполне империалистическая, по существу даже и расистская, апартеидная, на аскетизм снизу — как стремление, вполне, наверное, и гуманистическое, демократическое, гражданское, — вот, собственно, и вся нынешняя в западном мире аскетогенная ситуация, держащая в зародыше всякие возможные для себя концы, среди которых и самые что ни на есть конечные. Гедонистическое безумие — штука серьезная, а аскетизм, хоть и неплохое в таком разе лекарство, но ведь и не чудодейственное, да и вполне может стать запоздалым и совершенно уже зряшным!

А что Россия — наша Родина?

А Россия, пережив в советское время настойчивый официальный аскетизм, оправдывавшийся «трудоголизмом» социалистической цивилизации и необходимостью постоянной борьбы за светлое будущее всего мира, бросилась оголтело и без всякой меры, воспользовавшись беспримерной по цинизму, эгоизму и беспардонности реформой, в догоняющий, и даже перегоняющий, совершенно уже и безумный гедонизм, не обремененный никакой моральностью, гражданственностью, человечностью, в абсолютно вызывающий гедонизм, в какой-то гедонизм-«оторву», в гедонизм-отраву.

В России воцарился даже не гедонизм как таковой, а какой-то уже ультрагедонизм, который не может уже называться собственно гедонизмом, представляя собою более всего апокалиптическое, прямо-таки дьявольское, никак никого не насыщающее наслажденческое пиршество, объяввшее, конечно, не всех в отчизне, а как раз более всего в реформе удачливых — *успешных*, но тем не менее затронувшее вовсе не узкий слой населения, а огромные его массивы.

Россия не просто приняла гедонизм как частный случай цивилизационного бытия, а прямо в этот самый гедонизм, а лучше сказать — ультрагедонизм, с головой и ухнула, — и не так уж и важно, что одним тут досталось для удовлетворения гедонистического инстинкта все возможное и невозможное, а другим лишь не без труда доступное, главное — страну захватил ультрагедонистический дух, не собирающийся, кажется, ни ослабевать, ни сдаваться, ни тем более Родину нашу со стыдом и покаянно покидать. Нынешняя Россия — ультрагедонистическая страна, ставшая таковой не вследствие достижения в ходе своего развития точки какого-то высокого декадентского накала, а по причине резкого броска-срыва из насильственного долговременного и несуразного аскетизма в вольный, вдруг ставший доступным, уродливый ультрагедонизм, адекватный вовсе не высокому декадансу, а всего лишь обнажившемуся вдруг деградационного характера примитивизму.

Российская ситуация — совсем не простая ситуация! Если и бытует в стране какой-то аскетизм, то более всего вынужденный (бедность — не порок!), как и внутренне кому-то из граждан великой державы попросту органичный, но уж никак не широко осознанный, не социальный, не гражданский, а главное — не политический, в общем, не оздоравливающий. Для нынешней России аскетизм как спасительная интенция — нонсенс! Россия сегодня — «черная ультрагедонистическая дыра», но никак не «аскетическая лестница», обеспечивающая подъем личности и народа вверх ради стяжания очистительного живительного духа.

И тем не менее аскетизм... нет, конечно, он не в повестке «реального времени», но... он все-таки в повестке времени, неумолимо подступающего... прямо из будущего, и хочет того наша Родина или нет,

но придется ей все-таки «аскетироваться», обретая во всем своем жизнеотправлении необходимую для здорового бытия *меру*, чтобы в итоге сохраниться, выжить и спастись — от разложения и исчезновения, не только исправив губительную девиацию безрассудного реформного поколения, но и овладеть вполне жизнеспособным бытием.

Эх, насилие, насилие — эта пресловутая повивальная бабка истории!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Археология цены в философии хозяйства

Посвящается Ю.М. Осипову — софийному апостолу хозяйственной мудрости.

Цена! Цена! Где твоя мудрость?
Что замышляет твой коварный ум?
Куда людей ведешь? Куда сама
стремишься?
Ведь все измерено, оценено и
взвешено давно —
на небесах, а не тобой!

Неизвестный русский поэт XXI в.

Аннотация. В статье на основе идей Ю.М. Осипова анализируются хозяйственные, экономические, трансцендентные и демонические аспекты цены. Цена исследуется как некий «живой организм», оценивающий, измеряющий блага путем вменения им своей тайной субстанции. Выявляются «сознаниеподобные» и «умоподобные» функции цены в социальных, трудовых, финансовых и виртуальных сферах общества. Автор аргументирует, что цена есть самостоятельная субстанция с искусственным интеллектом, созданным совместно человеком и трансцендентностью. На цену влияют все факторы среды, но «сколько?» *решает* только сама цена, но через человека. Посредством искусственного разума цена реально *вменяется* всем благам; поэтому нужно искать не механизмы ценообразования, а механизмы, через которые цена вменяется каждому благу, доводя до каждого атома (благотного и порочного) свою волю.

Ключевые слова: оценка, цена, стоимость, трансцендентность, искусственный разум, Ю.М. Осипов.

Abstract. The author analyzes the business, economic, demonic and transcendental aspects of price on the basis of Yu.M. Osipov's ideas. Price is investigated as a "living organism" that evaluates, measures the benefits by

imputing to them its secret substance. Besides, the author considers such functions of the price as “soznaniepodobnye” (having conscious) and “umopodobnye” (having intelligence) in social, labour, financial and virtual aspects of society. The author proves that price is an independent substance with artificial intelligence, created jointly by man and transcendence. The price is affected by all factors of the environment, but “how much?” is being answered by price itself, and through a man. By means of artificial intelligence, the price is being imposed in reality on all the benefits, that’s why not the pricing mechanisms, but mechanisms through which the price is being imposed on each good and so brings its will to each atom (good and perverted), should be searched for.

Keywords: assessment, price, value, transcendence, an artificial intelligence, Yu.M. Osipov.

В предисловии к монографии «Философ хозяйства — 2» декан экономического факультета МГУ В.П. Колесов высказал наиболее важную и созревшую абсолютную истину экономики: «Открытие Ю.М. Осиповым свойства вменения стоимости, вызвавшее революционный прорыв в классической экономической теории, позволило выйти из векового тупика относительно сущности стоимости» [1, 4].

Эта теоретическая оценка специалиста и знатока всех научных новаций экономизма, хозяйства, финансизма, менеджмента, образования говорит о многом, об очень многом, невыразимом вообще в оценочном суждении. Эти слова особенно важны сегодня, когда зарубежные спецы, плутающие в трех засыхающих осинах МВФ, ожидающих клиентов, приезжают в Россию, где, по их мнению, живут одни ученые папуасы, и выгружают здесь свой умственный мусор времен Вырождения. А папуасы думают: «А почему же вы, такие умные и умелые, не можете даже для себя создать устойчивый строй, при котором вы могли бы спокойно и безнаказанно сосать мир? И зачем это вы сделали главным учителем и академиком рыночной экономики НАТО?!».

Ясно, что формула «революционный прорыв» относится и к пониманию цены. Но реально эта формула выражает суть философии хозяйства, которая содержит в себе духовный, социально-политический и даже метаинновационный проект выхода России (и всего человечества) из шестивекового тупика экономизма. Она содержит в себе массу инновационных зародышей для других сфер жизни, являясь уникальным ноосферным организмом, живущим лишь ресурсами спонтанного и софийного обновления своего ума. Всякая «революция» есть прорыв и в мир традиции, в мир постоянных обновлений, инноваций правды вечной. Революция возвращает смысл жизни, потерянный прогрессом, и в то же время она нацеливает традицию на поиски неведо-

мых ценностей и сокровищ, которые исцелят, оправдают всю «боль незакрывшихся ран человека».

Современный мир сотворен экономизмом, который является его источником и основанием, энергией и двигателем, его высшей ценностью, смыслом, искусственным богом; в то же время экономизм — это кара, месть этого мира самому себе за свое предательство Святого. И крах сего мира оспаривать могут лишь инфернальные оптимисты и двухмерные прогрессисты, защищающие права мрака и экранов. Достигнув глобальности, экономизм вошел в режим технологического, антропологического, биосферного самоотрицания, говоря попросту — разложения. Биосфера молчаливо указывает, что с каждой секундой исчезают пригодная для жизни территория, кислород и питьевая вода. Отдельные параметры биосферы человек может восстановить. Но даже гений мира сего не восстановит целостность биосферы, которая подвластна лишь ее Творцу. Экономизм стал не просто болезнью и кризисом, а крахом, причем, крахом маразматическим и апокалипсическим, ибо он поражает мысль, которая деградирует вместе с ним, а посему не сознает беды и не ищет выхода, ибо люди довольны, что оказались в своем же дерьме, откуда их никто не гонит. А если бы и сознавали, то все равно распад антихозяиственного и антисофийного экономизма уже не остановим...

Гегель заметил, что сова Минервы — священная птица богини мудрости — начинает свой полет в полночь, т. е. тогда, когда данная форма жизни исчезает, и остается лишь одно — познать ее. Печально, но познание любой реалии возможно лишь накануне или в миг ее гибели. Истина сохраняет от познаваемого и познающего лишь то, что достойно вечности. Верховный Суд истины и свершает сей высший акт, постигая малую правду, хромой смысл, пустые обещания, большую ложь всех научных систем, претендующих на трон истины. Постигает и готовит проект решения своего суда.

Нужно свершить сей скорбный ритуал познания и экономизма, дабы он не содеял перед своей кончиной какой-либо фокус над людом. Ум не только познает, но и судит вещи, ставя на них печать понятия, которое и определяет, были ли они, насколько они были, зачем они были, что ценно в них для вечности и слова смыслового¹.

---

¹ Войны, революции, реформации, вообще пограничные ситуации дарят человеку бесценный метафизический опыт, дают ему объективное философское образование. Свист пули — ведь это настоящая трансценденция, она столь же метафизична и реальна, как и «Критика чистого разума», которая лишь сопливо испачкала метафизическую песнь пули. Ведь критиковать чистый разум могут лишь разум нечистый и его подруга — смерть. Об этом морально мудрый Кант бесплатно промолчал, а за свои прибабахнутые словопренья об ог-

Все выводы о сути цены сегодня обусловлены полетом совы Милервы, напомнившей лишний раз, что цена позорно исчезает, становясь игрушкой последнего отребья, от которого даже дьявол отвернулся. Цены сегодня становятся фикциями, призраками самих себя, непрерывно плодящих новых призраков. Цена сегодня — неизлечимый онкологический больной, которому уже нет резона скрывать свои обреченность и пустотность. Поэтому у философии хозяйства появилась возможность познать цену хотя бы в жанре гносеологического некролога. А ее магический кристалл видит «Икса», который уже сегодня ограничивает цену, оставляя ей рынок мороженого.

Решение такой непомерной задачи познания сути, функций, форм, законов, смыслов и судеб экономизма стало жизнью величайшего подвижника мысли — Ю.М. Осипова. Величайшего, ибо Православного, хранящего ум древнейшей правды жизни. Ю.М. Осипов — ведущий знаток экономизма, борец за права мысли и сознания, которые сражаются с нашествием психизма, экуменизма, сатанизма, инфернализма, виртуализма, отстаивая софийность истины в абсолютно антидуховной и лживой среде. Поэтому он и сразился с наиболее опасными врагами ума и сознания — стоимостью, деньгами и ценами, которые пытаются заменить собой эти софийные органы вечности.

Был и у него предтеча — С.Н. Булгаков, который заметил гниль экономизма уже в пору его расцвета; но он еще не смог расслышать апокалипсический рев и узреть судороги Золотого тельца, полагая, что созданная им философия хозяйства сумеет вовремя преобразить экономизм. Но, увы, судороги Золотого тельца стали единственным содержанием современного мира, так что не заметить их никак нельзя; но вот постичь их можно лишь при содействии софийной благодати и правды православной.

Автор сих строк ничего и никак не преувеличивает, а просто констатирует очевидный для всякой чистой мысли факт. Все появившиеся со времен православия экономические открытия, изобретения, создания, творения, устройства, организации, структуры, формы, объединения, идеологии, учения и теории доказали и доказывают, лишь одно — свою негодность, фальшивость, свой паразитизм. Все они с абсолют-

---

раниченности (глупости, что ли?) чистоты и разума (!) получил сполна. А ведь «чистый разум» — священная и конечная цель всех мудрецов!

Гегель видел смысл и назначение Пелопонесской войны, окончательно уничтожившей Древнюю Грецию, лишь в том, чтобы Фукидид написал ее историю, перевел ее в форму мысленного бытия. «Фукидид написал историю большей части этой войны, и это бессмертное произведение есть абсолютное приобретение, доставшееся человечеству в результате борьбы» [2, 250].

ной очевидностью выявили растленную и разрушающую свою суть, истребляя Божьи чудеса природы, человека, мысли. И делают они это с фантастической ловкостью фокусников, принося на каждый грамм лжеблаг мегатонны лжи, симулякров, мусора.

А вот суждения, идеи, выводы, смысловые оценки Ю.М. Осипова, сакрально констатируя этот факт крушения экономизма, сами остаются настолько справедливыми, истинными и неотразимыми, что с ними до сих пор никто даже заочно не рискует вступить в спор. Но Ю.М. Осипов размышляющим знанием не только удостоверил небытие экономизма, последним прощупал его последние удары пульса, но и восстановил тот исконный Храм хозяйства, от которого блудный сын «экономизм» от-клон-ился, Золотому тельцу пре-клон-ился, став сырьем неведомых инфернальных инноваций князя.

В этом плане словесные и смысловые портреты философии хозяйства, созданные Ю.М. Осиповым, подняли планку человечности и человеческого общения на какую-то высшую ступень чистоты и мудрости. Эти портреты невозможно копировать, ибо они состоят из одних софийных изваяний и говорят сразу всей своей смысловой пластикой; поэтому и возникает не базар словес, а странная-престрашная правда, от которой пролетарии ума превращаются в один разум возмущенный, использующий эти портреты в качестве бронецитат народного ополчения. Эти тексты невозможно цитировать, брать из них части, ибо это не просто тексты, а некие неизвестные живые существа, преисполненные смыслами, которые нужно не цитировать, а изучать, вдумываться в них и употреблять смыслы их во благо и спасение сознания и ума России. Как от удара о кремень каждый раз возникает новый и новый пучок искр, так и от каждого прикосновения к творениям Ю.М. Осипова возникает новый пучок неведомых смыслов даже в известном и в очевидном знании. И пока Россия создает такие творения Слова, значит, она есть, значит, есть Россия. Ну, а науко- и экономпатологи пусть «цитируют». Не по воле своей Ю.М. Осипов избрал себе эту не столь уж почетную, но крайне необходимую жизненную миссию — дать экономизму и его вечно голодной своре живой голос, чтобы стоимость, деньги и цены могли цинично поведать людям все, что они делают и в итоге сделают с существами, добровольно отринувшим Отца Небесного ради данайских даров экономизма, ради обогащения безумия новыми видами идиотизма.

Мудрость украсила Ю.М. Осипова венцом апостольского служения православной идее, заложенной в философии хозяйстве. Он скрупулезно, виртуозно, филигранно раскрыл анатомию, физиологию, рефлексологию, финанкологию, демонологию экономизма, его трансцендентные истоки. В его духе все сошлось в одну точку: крестьянско-земельный гносис Богородицы, откровенческий гносис православия,

гносис археорусского света, цельный гносис столярного университета, гносис живой власти, софийный гносис языка, ноосферный гносис космоса, философский гносис ума, практический гносис мудрости. И все они нашли свое органическое единение в трансцендентальной личности Ю.М. Осипова, который, воссоздавая философию хозяйства, придал ей завершенную форму, уважительно, с почетом отправив в последнее никуда экономизм, взяв от него все живое. Философии хозяйства чужд как нигилизм, так и умственная всеядность. Да и сам экономизм со своей монополией на нигилизм исчерпал его ресурсы; и вместо прежнего зверского «нет» он скатился «до скорее нет, чем да».

В данной работе автор кратко представит мысли Ю.М. Осипова вроде бы о частном вопросе — о сути цены, хотя в нем и проглядывает целостный смысловой портрет всей антитроицы — *стоимости, цены, денег*. Эти, как и все другие атрибуты экономизма, — качественно отличаются от явлений материального и субъективного мира, несопоставимы с ними. Взаимодействия между ними есть, но сродства, общего рода нет.

Ю.М. Осипов в своих эзотерических размышлениях об этих реалиях поднимает размышляющий ум на высочайший уровень человечности, света и чистоты, что косвенно говорит о мрачной, античеловеческой, мерзостной натуре экономизма, несмотря на все его идеальные и золотые облачения. В золоте ведь особенно нуждается мертвое, чтобы представить себя живее всех живых, чтобы вынудить живое служить сокрытому в экономизме неживому. Да и идеальное берут напрокат вовсе не ангелы...

Все люди знают, что есть цены, умеют на них реагировать, обращаться с ними, многие умеют ими и в некоторой мере манипулировать. Но кому ведома скрытая душа цен, их планы в отношении человека? Чего они желают от людей и чего они желают людям, скрывая свою тайну грешную, что цен всегда на одну больше, чем есть в наличности, ибо первоцена, определяющая границы всех остальных цен, в рыночных хороводах не участвует, хотя и строго следит за ними. Граница — особая территория; она и часть данной страны, но, соприкасаясь с иным, она требует строгого присмотра за ним. Так и первоцена, не участвуя в рабочих и мошеннических буднях прочих цен, охраняет их, с одной стороны, от растворения в неценах, а с другой стороны, обеспечивает им безопасное высасывание эликсира людей и вещей, еще не схваченных ценовыми клещами.

О, мир цен долго ждал своего художника, бытописателя, мыслителя! И дождался! Бессмертная заслуга Ю.М. Осипова в том, что он создал объективную смысловую инфраструктуру, логический контекст, и самое главное — уникальный язык, посредством которого не только люди обрели понимающее общение с ценами, но и сами цены согласи-

лись вступить в дискурс с людьми, приоткрыть им в меру их впечатлительности частицу своей убивающей тайны. Ю.М. Осипов создал объективный метод изучения экономизма; он рассматривает, аристократию и чернь стоимости, цен, денег, капитала самих по себе, как будто в мире кроме них никого нет, и никто не мешает им развернуться и создать свой желаемый мир². И вот безжалостная объективность философии хозяйства вынудила экономизм приоткрыть тайну его колхоза: «Я есмь сущий экономизм. Искать вне меня причины бесполезно, но и во мне вы тоже много не найдете, ибо я сам являюсь причиной самого себя, продуктом собственного решения, действия, и живу законом своей же инициативы! Нет, искать можно, следуя поговорке “Пойди туда — не зная куда, принеси то — не зная что”, но утерянные смыслы жизни вам не найти, ибо я уже превратил их в камни, которыми укреплю Великую Инфермальную Шахту, которая вовеки отгородит вас от вашего Отца Всевышнего и сделает вас стадом полудохлых скотов для усиления желтого цвета, который так любим и близок моей золотой натуре. Так знайте, цены готовят приход подлинного божества, которое превратит все сущее, всех ваших богов в вечного донора хозяина цен».

В лице Ю.М. Осипова цена воочию столкнулась с достойным соперником, который не поддается о-цениванию, а который сам о-бесценивает цены, выявляя их подлинную цену, при которой им уже не может быть сделано то, что они делали до прилета Сова Минервы. Ю.М. Осипов дал цене самосознание; и она воочию увидела свою бездну, свой бес-ценовой, изящный и грандиозный суицид. Самосознание — самая страшная вещь; гробовщики не ждут, ибо на них давит очередь неживых, на которую давит очередь живых; на идущих «туда» давит очередь идущих «не-оттуда».

Итак, что есть цена? Мера, оценка, знаток, эксперт, ценитель, ценность, ценник, анонимный ум, сокровище, потеря, обретение, доход, уход, урод, наличие, отсутствие? О чем свидетельствует цена, принуждая человека так или иначе служить ей?

Цены соблазняют людей ненужными им товарами, в то же время лишая их нужного и обрекая на голод; цены совращают детство, юность, погружая их в омуты пороков, рабства и клоноторговли; цены кощунствуют, ибо определяют священное, которое уже определено до них раз и навсегда, изгоняя цены из сферы сакрального; цены воспитывают людей жить по средствам; но они и развращают их, приучая их жить не по средствам; цены определяют меру труда и благ; но цены по-

---

² Парадокс! И В.И. Ленин вслед за классической философией видел в принципе объективности начало и залог жизненной истины знания: «Объективность рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)» [3, 202].

рождают безделие и мотовство; цены питаются кровью войн, криминального беспредела, окучиваясь лишь после кровавых боен, ибо ради цен ведутся войны; цены бывают справедливые, дикие, но они никогда не бывают нормальными, нейтральными сакральными, благородными.

Что должна делать цена по своей сути, смыслу, должности, назначению? И что она может и делает сама по себе, отрываясь от окружающего ее мира и создавая собственный мир, построенный из цен? Какой грядущий строй ценовизма строит она? Как может выглядеть адекватно оцененный мир, мир цены, мир в зеленых глазницах цены?

Начнем с самого, что ни есть общего — с логики. Логически цена есть вид, форма оценки. Оценочность, оцениваемость и оценка коренятся в истоках мироздания, являясь важными конструктивными органами устройства мира, мысли и сознания. Оценка есть действенный агент со своими функциями, без которых ничего не могло бы быть. Поэтому анализу цены как вида оценки нужно обозначить ее свойства как оценки вообще. Любая оценка требует оценивающих агентов, оцениваемых предметов, эталон оценок, акт самого оценивания, связь всех соучастников оценки, и итог она — таинственная Оценка.

Непосредственно цена выступает оценкой, мерой, формой стоимости любых благ. Цена служит и должна служить только посредником хозяйственной жизни. Цены нельзя потреблять, из них ничего не создать, хотя в мире экономизма и без них тоже музыки не будет. Цены — особые средства, измеряющие меру жизнеобеспечения. Но экономизм совершил вселенский переворот, уступающий по сути разве только грехопадению. Цены (деньги) стали самоцелью, а жизнь — средством роста посредников.

Но вот здесь и таится, как шепнул Гамлет «свидомий Юлии», «велька заковыка!». При таком извращении целей и средств жизни цена стала инкогнито, о котором все базарят, но никто не знает ничего дельного. Сущая наглость! Некий Икс, назвав себя Оценкой и не имея ни материи, ни духа, ни души, ни чувств, ни эталонов, ни реальности, везде и во все вмешивается, ничего не создает, но все оценивает. Причем, свое оценивание этот Икс считает наиважнейшим делом мира, самоцелью бытия, жизни. Оценка, оценка и еще раз оценка; все для оценки, ради оценки и оценки ради, чтобы она могла лишь непрерывно оценивать самое себя — Ее Величество и Величавость Оценку³!

---

³ Во всех светских школах отличников, которые учились ради получения высших оценок (хотя и не только), местное и локальное мнение клеймило и преследовало, хотя начальство их поощряло(ет). На стороне отличников и начальства стоит хромая правда экономизма (оценки ради роста оценок), а на стороне преследователей — правда божизма (выживания ради неведомых оценок,

И поскольку оценка везде, во всем, всегда, кругом разлита по градам и весям мироздания, в живых и мертвых, в неродившемся, в небытии, то ясно, что такие мобильность и всепроникаемость оценки не позволяют ей иметь материальное тело, ибо нет материи, в равной степени пригодной для всех вещей и событий мира.

Выход один: оценка должна быть чистой и самодостаточной, чтобы оценивать, ничего не прибавляя от себя и ничего не упуская из оцениваемого вне себя. И есть такие чудеса, но ученые называют их законом тяготения. Законы, числа, логика, грамматика, нормы морали — это не материальные тела, их нельзя «пощупать», но они и не субъективны; они не материя и не мысль, а особая реальность — объективность. Такие реалии, органично соединяя в себе от материи объективность, а от сознания — идеальность, обретают независимость от всех факторов, определяясь лишь своей тайной и правдой. Объективная истина идеальна, но зависит она не от человека, а только от своего предмета.

Поэтому и оценка не материальна; но она и не произвольна, а объективна; оценка идеальна, но она и не субъективна, а законна, как, скажем, числа. За фальшивые деньги, даже технически идеально сделанные сурово карают, ибо они рождены не оценкой, а произволом. *Таковы оценки! Таковы цены!* И вот этот сговор с жесткой неуступчивостью материи, как и с мягкой гибкостью идеального, позволяет оценкам и ценам служить «и нашим», «и вашим», а главное — незаметно принудить «ваших» и «наших» стать сырьем и донором для извлечения таинственного эликсира вечности, рассеянного и сокрытого во всех творениях. Он кристаллизуется в золоте, а вот его смысловой и кислородный эквивалент искал, искал, да так и не нашел экономизм.

Механизм работы оценки в хозяйстве классически представлен в *«алгоритме Осипова»*, состоящим из двух тринитарий: «Оцениваются объекты через объекты посредством субъектов — субъектов оценки. Равным образом оцениваются субъекты — субъекты оценки посредством объектов — оцениваемых и оценивающих. ...Оценка — *субъектно-объектное нечто*. Она вполне идеальна, хотя и отталкивается от материального, его учитывает. Оценка при этом и одновременно объективно-субъективна. Она есть *снятая* с натурально-материальной реальность и одновременно *привнесенная* в эту реальность информация» [4, 301]. *Устрашающий императив же оценки гласит: «Я оценен, следовательно, я существую до очередной оценки и переоценки».*

дающих им статус божеский). А вот правда хозяйства приютилась в монастырских, в некоторых военных школах, где оценки проверяются еще и первооценкой дела, смысла, Софии, жизни.

Но что и как учитывают, измеряют оценки как объективно-идеальные веса? «Главным материалом оценок служат... сами оценки. Оценки каким-то чудом существуют и каким-то чудом сразу по всему пространству, и они каким-то чудом служат друг другу. *Оценки... состоят из... оценок. ...Заколдованный круг: оценки оценивают оценки*» [4, 306, 307]. Парадокс и нонсенс: есть особый мир оценок, в котором они взаимно обслуживают, изменяют, порождают, примеряют, исправляют, направляют, оживляют, омертвляют, выслеживают, мучают, калечат, выискивая везде свою Высшую Оценку.

Но кто император оценок или хотя бы их пре-зид-ент, который существует до и вне оценок, независимо от них, являясь их перводвигателем, сам находясь в безопасной внеоценочной среде? «Нам ничего не остается, как предположить, что оценка здесь рождается... *сама по себе*, причем не произвольно вовсе, а с учетом всех без исключения обстоятельств, т. е. (или уж достаточно) *закономерно*» [4, 308]. Причем, «оценка — функция от всей общественной системы обменивающихся субъектов... через всех субъектов сообщества одновременно». Субъект не только фиксирует задаваемые извне оценки, но и сам участвует в оценочном творчестве. «Оценка производится человеком, но она при этом и сама себя производит», являясь «оценкой в себе и для себя» [4, 309, 311].

Оценка — феномен синергийный, скрывающий в себе хаос и око-лобытийных приживальщиков. Оценка измеряет бытие и небытие, находясь в себе и вне себя, живя для себя через других, используя их вместо себя; оценка всегда при себе и вне себя, гребя все под себя; оценка существует и без себя, и против себя, и около себя, и убегает куда-то в мир иной от себя. А посему оценка (как и ее подружка — цена) неуловима точными методами, ибо она допускает дискурс с собой только на таком неуловимом птичьим языке.

На базе родовой матрицы оценки развертываются свойства цены. Оценка — нагая цена, а цена — расфуфыренная оценка. Всякая оценка успокаивается ценой, своей энтелехией. Оценка еще не цена, но цена — уже дипломированная оценка. Цена тоже требует оценивающих агентов, оцениваемых благ, эталона цен, акта самого ценования, связи всех соучастников цены, и итога — ее, ее, крулевы — таинственной Цены. Кто делает цену? Бывает, что человек, но чаще он уже прилагивается к неизвестно откуда появившейся цене, которая клеится этому наглецу, не знающему, что он — объект цены.

Какое благо выражает цена, фиксируя его в деньгах? Увы, это не ресурсы, не труд, не полезность, не редкость, не древность благ, а их стоимость и еще что-то нестоимостное, и даже антистоимостное. Получается, что ничего не получается: цена должна выражать именно стоимость. А разве мало есть хлама, антистоимости: что тогда выра-

жает цена сама по себе? Значит, цена, выражая стоимость, выражает и самое себя как нечто нестоимостное? Что же именно? На цену влияет все, но все существующее не даст закон цене, не сделает ее зависимой только от себя! Есть, есть в цене своя ложь, неподсудная даже стоимости, и за этой ложью цена скрывает вампиризм экономизма.

А каков аморальный кодекс цены, ее эталоны? Не будем спешить. Человек ли его придумал, или у него есть еще соавтор? Ведь этот кодекс зависит от качества и количества благ, подлежащих оценке, хотя и они окончательно не могут стать законом цены. Неустойчивость цен, их колебания говорят о том, что их кодекс определяется не только человеком и благами, но и *действенной силой* самой цены. Ядро кодекса — сама цена, которая придает благу оценку, а человека запускает в работу, как мотор авто.

А как, кем и где осуществляется сам акт оценки, оценивания благ? Где тайна сия совершается? Фихте полагал, что все решения зарождаются и принимаются в трансцендентном «Я» человека. В голове ли, головой ли, без головы ли, на голове ли, вместо головы ли цена активируется? А потом от имени головы декларируется? Кто знает?

А чем определяется величина ценовой оценки блага? Испытаны все определители: ресурсы, труд, полезность, престижность, редкость, необходимость, уникальность, древность блага. Но цена сохраняет свою имперскую независимость, двигая рычагами экономизма сообразно своей логике, учитывая всю окружающую ее среду только в качестве условий, а не причин. Цена существует в себе и для себя, сама определяя свои параметры, используя блага всего мира как средства своей власти. Иногда слуги бунтуют, но цене и бунты полезны. Цена напоминает политиков США: улыбчивые, соглашаются на партнерства разные, заботятся обо всем в мире, но при этом жестко следуют стратегии своей власти, бросая друзей, забывая о них, добывая иногда их. Цинично? Но цинична и цена. Цены позволяют себе почти все... но не все. И вот эта единица, не дающая цене стать цезарем экономизма, скрыта в трансцендентном мире, куда мы еще не готовы отчалить с нашим скудным умственным багажом.

Осознать парадоксы цены позволяют новые онтологии, новые методологии и новые смысловые координаты, созданные в философии хозяйства Ю.М. Осипова.

Доосиповский материализм и идеализм не различают и поныне объективность и материальность, идеальность и субъективность, а потому у них экономизм субъективизируется, или же отрудящивается. Этот подход не видит сути экономизма, его стоимостных, денежных и других форм. Или признавай объективность (читай — материальность!) экономизма и ищи закон его падения; или же признавай идеальность

(читай — субъективность!) экономизма и тогда ищи субъективные уловки его спасения.

В философии хозяйства Ю.М. Осипова материальное не сливается с объективным, а идеальное — с субъективным, а создают мир объективной идеальности, в котором экономизм, деньги и цены создают свою топ-вселенную. В философии Ю.М. Осипова оценка и цена выступают как социально-объективная идеальность. Обществу нужно знать, сколько у него людей, ресурсов, сколько нужно благ, кому и на что сколько выделить. Практически рассчитать это невозможно, а цена — худо ли бедно, разорительно или сохранительно, но рассчитывает все это каким-то непостижимым нам образом.

Но самое важное открытие Ю.М. Осипова состоит именно в создании многомерной, многообъемной модели экономизма, в которой его таинственная антитроица (цены (оценки), стоимость, деньги) заговорила, заголосила, запросила смысловой помощи в философии хозяйства, запутавшись в траншах и трансакциях МФ. В этой модели экономизма все его элементы не теряют своего сосущего дара, который в итоге и засасывает самих сосунов (бюджета, зарплат). Сосущее начало поглощает своего носителя. А ведь такова участь экономизма. И поскольку спасителем этой антитроицы служит цена, то только она и ее соавтор знают последнюю правду неправды своей.

Цены объективны и капризны, порядочные и сволочные, стоящие и падающие, мертвящие и оживляющие, гибкие и жесткие, недоступные и прилипчивые, абсурдные и разумные, благие и палаческие, масонские и уродские, проклятые и гиблые, американские и африканские, европейские и еврейские, фашистские и фетишистские, аглицкие и бандитские, человеческие и азиатские, свободные и сидящие... Цена и стоимость нераздельны, но они и не тождественны; цена не производит стоимость, а наряжает ее в денежные одежды. Цена — слуга, собирающая трудовую, ресурсную, энергетическую, социальную, денежную, знаковую, призрачную, инфернальную, некрофильскую информацию, дабы Главный установил соответствие ядущих и поядущих. Цена не только форма стоимости, но и более широкий, мобильный, гибкий механизм, ищущий для стоимости еще не установленную цену, еще не найденные сосцы... Цена и сама по себе значима, хотя сосет она лишь вкупе со стоимостью. Цена поедает жизнь и страдает от ее недоедания; всем ценам кажется, что они малы, что их можно еще чуть-чуть повысить.

Поэтому цена — самая свободная стихия подлунного мира. Ее производят, она производит и производится сама собой, ее вменяют, она сама вменяется другим благам, делая посредством кризисов вменяемых невменяемыми. Цены бывают рабами изобилия благ; но затем они превращают любое изобилие в доходный дефицит. Цены вызываются

(рекламой, слухами) как духи из мрака, сразу же обесценивая блага. Цены внедряются жестоко и беспощадно, ибо им самим чужды сострадание и милость к павшим. Цены слепы, глухи и немые к мукам и бедам людским, на которых они тучнеют.

Постичь, разгадать, точно измерить цены и оценки, создать модели, инструменты, посредством которых можно оценивать их динамику, управлять ими, властвовать посредством них над людьми можно лишь в мизерных масштабах, ибо цены сами уже давно разгадали людей, измерили их порочность, их отчужденность от софийной бухгалтерии. Цены постигли, что своею головою человек никак не проживет, своею головою он прокормит только вошь. И стали цены незаменимым помощником человека. Принял ли он эту помощь добровольно, невольно, знает только их соавтор. Цены — самый гениальный, простой и скрытый механизм эксплуатации бытия до последней его капли (даже мертвой).

После мастерского живописания и жизнеописания экономизма Ю.М. Осипов, сведущий во всех подзаконных, незаконных аферах антитроицы, ставит вопрос об авторе столь пречудного механизма учета, контроля, эксплуатации, спекуляции, мошенничества и суицида, ибо человек, полагая, что творит новый мир, реально строит глобальный крематорий. Ю.М. Осипов показывает, что хозяйство долгие времена не могло, и поныне пока не может, обойтись без рычагов экономизма. Но это еще не все. Не только «без самостоятельности стоимостного механизма, но и без его таинственности (трансцендентности) ничего в экономике не получается и получится не может» [4, 326]. Эта трансцендентность проявляется в таинственной непознаваемости (до конца) цены и стоимости⁴. Эта трансцендентность умна, сознательна, и не только по причине ее связей с человеком, но она имеет и свой собст-

---

⁴ «Стоимость всегда будет оставаться в чем-то существенном неоткрываемой тайной. И что тут, собственно, плохого? И хорошо, что есть тайна, хуже, когда ее нет. Тайна — залог жизненности, интереса, познания» [4, 328 — 329]. Верно, в стоимости и в деньгах сокрыты тайны, неуловимые и неопределимые по их сути, ибо они должны определять *еще, уже и вообще* неопределимое. А всегда ли благостные такие тайны? Деньги, цены способны измерять неизмеримое человеком, а затем, затем — превращать все это в мусор. Высшее творенье Господа превращает посредством денег чудный лик природы-Богородицы в мусор! Разве это тоже не тайна? Неужели какой-то там лукавый сильнее и мудрее Творца и Богородицы? Нет, не всегда тайна — благо. Исчезновение богатств, людей и культуры России тоже величайшая тайна. Но мы всеми силами стремимся избавиться от этих тайн вместе со всем их содержанием, даже не желая вникать в них! А может все же удержать полет ума и оценить все блага экономизма их конечными плодами, вернее, отсутствием оных. Ведь высший плод стоимости, денег и цен — Апокалипсис. Не так ли?

венный разум⁵. Ум стоимости проявляется и в фиктивном капитале, посредством которого она мошенничает с людьми и с самой собой, подменяя труд паразитизмом, а самое себя — фикциями. Наконец, ум стоимости состоит и в том, что, будучи неживой реалией, она стала властелином живых и умных.

Чудом является «механика стоимости, ее имманентная технология, ее поразительная способность мыслить, делать выбор, решать. Стоимость отнюдь не нейтральный и не неразумный посредник. Она активна, деятельна, из себя ориентирована, целеположена, разумна». «Стоимость — специфическая премудрость, своеобразная софия экономики, которую человеку нельзя не признавать и с которой нельзя не взаимодействовать как с чем-то для него... потусторонним. И дело здесь не в том, что человек чего-то не знает о стоимости, а в том, что человек должен рассматривать стоимость как некоторую самость, которая существует в чем-то очень важном и конечном сама по себе, независимо от человека, не раскрываясь перед ним». Трансцендентность эта самоуправяема, но немного и управляема. «Мера управляемости так же трансцендентна, как сама стоимость» [4, 340, 341]. Люди правят, не зная, чем же именно они рулят!

И это поразительное сходство ума (сознания) людей с умом (сознанием) стоимости, впервые системно описанное Марксом, проявляется в нескольких аспектах.

1. Познание есть идеальный, объективно-субъективный процесс. Но и «цена, или денежная форма стоимости, как и вообще их стоимостная форма, есть... форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении [5, т. 23, 105]⁶. Сознание есть идеальный акт постоянного самопорождения самого себя; сознание, лишь взглянув на себя, тем самым сразу же умножает свою порождающую энергию. Даже пустоту, ничто, отрицание, разрушение, фрейдовское предподсуббессознание, бессмыслицу, бесов, живое сознание преобразует в энергии своего самосознания⁷. И цена есть спонтанный акт непрерывного созидания себя как «цены самой цены», оценивающей еще не оцененные

---

⁵ «Внутренний учет, скрытые исчисления, имманентные расчеты. Гигантская ЭВМ, необъемлемая разумом бухгалтерская система, немислимый мыслящий океан» [5, т. 4, 340]. А зачем этому океану малый и слабый человек, его культура, душевные смыслы и порывы. И главное — зачем и для кого создан этот океан?

⁶ «Товар в своей натуральной форме существования идеально содержит свою меновую стоимость» [5, т. 46, ч. 1, 89].

⁷ Для Гомера сознание — священная сила; для Аристотеля сознание есть «форма форм», непрерывно созидаящая новые формы, как рука есть «орудие орудий», постоянно творящее новые орудия.

блага, создавая для них цены. Сознание живет неосознанным в себе; цена живет неоцененным в себе.

2. В познании человек формирует категории, абстракции, посредством которых в многообразии свойств вещей выделяется их сущность. Но и цена во всех неоцененных благах тоже выделяет свои абстракции — оценки⁸. Превращение предметов в знание не меняет их материи; превращение вещей в цены тоже не меняет их материи. Познание — субъективный мир человека, взаимодействующего с внешними и внутренними объектами; цена, денежная форма вещей, возникает в объективном мире при участии человека⁹.

3. Результаты познания даны в идеальных формах знания. Результаты оценивания даны в идеальной форме цены и денег; знания и цены существуют и сами по себе, и в людях¹⁰.

4. Познавая, сознание и разум оценивают, судят, поверяя меру соответствия единичных вещей общим законам. В суждении «Роза — цветок» дается и оценка, и суд розы в плане ее соответствия закону царицы цветов. Можно даже сказать, что единственным самостоятельным содержанием, актом, продуктом ума и сознания является производство оценок, судов, суждений, посредством которых сохраняется мир идеальный. Сознание и ум суть трансцендентный суд, где все вещи проверяется на меру своего соответствия сознанию и уму, которые представляют общие законы и порядок мира. Но и цена есть оценка всех благ на меру их соответствия своему закону стоимости; в то же время это и суд всех неудачников, не могущих оправдать свое безденежье в глазах стоимости. Цена тоже вершат трансцендентный суд людей, оценивая их способность умножать стоимость.

5. Продукты познания фиксируются в словах, знаках, символах, числах, теориях. Итоги ценования фиксируются в знаковых, металлических, бумажных, электронных носителях.

6. Знания превращаются в информацию — в ряды чисел, кодов. Цены, став информацией, тоже завершают свои метаморфозы числами

---

⁸ К. Маркс называл сведение продуктов труда к стоимостной форме абстрагированием, добавляя: «Это сведение представляется абстракцией, однако это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно» и есть «не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух» [5, т. 13, 17].

⁹ Деньги — это «не осуществление какой-то а priori сформулированной идеи» [5, т. 46, ч. 1, 86]; они не являются продуктом сознания или соглашения, а созданы инстинктивно в процесс обмена...» [5, т. 13, 36].

¹⁰ Денежная форма стоимости «является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда...» [5, т. 23, 82].

и кодами. Познание устремляется к математизации и виртуализации; тем же путем шествует кортеж цен и стоимости.

7. Есть еще одно странное, таинственное сходство познания и стоимости. Знания используются практически, ценятся сами по себе как мудрость. Но есть в знаниях самосущие элементы, которые влекут людей за пределы земные в мир трансцендентных стихий. Отсюда — восходящая лестница знания: образы, категории, идеи, понятия, теории, мировоззрения, философия, метафизика, мудрость, София. Есть подобная лестница и в экономизме: продукты деятельности, товары, деньги, капитал, проценты, ценные бумаги, финансы, золото, алхимия (Сорос). Но почему-то вся эта стоимостная рать ведет смертельную войну за то, чтобы завершить все свои превращения золотом. Сам, сам Маркс полагал, что любой обмен завершен лишь тогда, когда из него извлекут содержащийся в нем хотя бы атом золота! Какую мудрость скрывает в себе этот желтый металл, если на него меняют даже Создателя мира вместе с его золотом? Скоро узнаем!

Итак, и по способу возникновения — путем абстрагирования от вещества, и по способу бытия — идеальное, и по способу функционирования — оценивать и судить, и по способу фиксации — знаки, символы, числа, и по своей устремленности в трансцендентность цену, стоимость, ум и сознание можно считать почти собратьями.

Но есть принципиальное различие, которое не позволяет сравнивать цену с умом и сознанием. Дело не только в человеке, ибо человек действует и в уме, и в стоимости. Дело в том, что сознание и ум суть нравственные сущности, однозначно выносящие свой абсолютный приговор злу. Для сознания зло — это ложь, несправедность, хитрость и коварство; добро — это истина, правда, честность. Для сознания алкоголизм, наркомания — аморальны, а для цены и денег — благо. Для цены (денег) мораль тоже не безразлична, но они берут сторону зла, ибо пороки всегда доходны, а на добре банк не создашь. Сознание и ум морально оценивают объекты, а цена оценивает и судит только по размеру прибыли, делая в итоге своих адептов аморалистами и циниками.

Интересно, Маркс, используя когнитивное моделирование, категорически отвергал этот метод у других авторов. Так, С. Бейли пытался объяснять цену посредством аналогии с сознанием. Маркс обвинил его в субъективизме, заявив, что «Бейли переносит вопрос в область сознания потому, что по части теории он зашел в тупик» [5, т. 26, ч. III, 166]. Маркс точно знал, что цена (деньги) суть искусственное сознание, чтобы заменить неразвитый в общественном масштабе ум людей. Но Маркс спрятал этот факт за фиговый лист объективной науки. А ведь тупики всех теорий упираются в понимание сознания и ума. И весь вопрос в том, чье это сознание и чей этот ум? От Софии ли эти

силы идеальные или же в идеальной форме к нам ползет нежить? Тупики теорий растворяются в более глубоком понимании светлой мудрости софийного сознания и ума¹¹.

И здесь мы подходим к самому... самому... самому... Трансцендентные смыслы оценок, ценовые корни недоступны человеку. Мы

---

¹¹ Гёте великолепно изобразил некий монстр, очень напоминающий стоимостно-ценовой механизм экономизма. Поэту открылось «нечто, дающее знать о себе лишь в противоречиях и потому не подходящее ни под одно понятие и, уж конечно, не вмещающееся ни в одно слово. Это нечто не было божественным, ибо оно казалось неразумным; не было человеческим, ибо не имело рас­судка; не было сатанинским, ибо было благотельно, не было ангельским, ибо в нем нередко проявлялось злорадство. Оно походило на случай, ибо не имело прямых последствий, и походило на промысел, ибо не было бессвязным. Все, ограничивающее нас, для него было проницаемо; казалось, оно произвольно распоряжается всеми неотъемлемыми элементами нашего бытия; оно сжимало время и раздвигало пространство. Его словно бы тешило невозможное, возможное оно с презрением от себя отталкивало. Это начало, как бы вторгавшееся во все другие, их разделявшее, но их же и связующее я называл демоническим, по примеру древних и тех, кто обнаруживал нечто сходное с ним. Я тщился спастись от этого *страшилища* (курсив мой. — Н.Ш.) и, по своему обыкновению, укрывался за каким-либо поэтическим образом. Хотя демоническое начало может проявиться как в телесном, так и в бестелесном и даже весьма своеобразно сказывается у животных, но преимущественно все же состоит в некоей странной связи с человеком и являет собой силу, если не противоречащую нравственному миропорядку, то перекрещивающуюся с ним — так что первый, то есть миропорядок, может сойти за основу, а вторая — за уток. Для феноменов, порожденных этим началом, существует бесчисленное множество наименований, ибо все религии и философии в прозе и в стихах пытались разгадать сию загадку, раз и навсегда с ней покончить, но, увы, им и впредь предстоит заниматься тем же самым» [6, 650 — 652].

В блестящей умозрительной картине мастера вызывает сомнение лишь бескорыстность страшилища. Да, оно бывает благотельным к людям, к Богу (!), к вещам, к дьяволу (!), но его благотворительность трудно назвать бескорыстной. Остается открытым, вернее, закрытым вопрос о цене этих благ. Что вообще хочет оно получить от человека? Ясно одно, что с сознанием и интеллектом у страшилища отношения не ладятся. В «объективке» поэта на страшилище его поэтическая справедливость все же не включила бескорыстие. Да и назвал он это нечто все же страшилищем, а не красотилицем или же добрилицем. Все-таки оно не только из нашего мира; поэтому действует оно анонимно. Для анализа изображенного поэтом страшилища необходим целостный ум философии хозяйства, органически сочетающий в себе теологическую, художественную и метафизическую рефлексии. Ибо чудовище обладает неуловимостью, анонимностью и ужасающе безобразно, весьма напоминая алгоритмы цены и денег в периоды кризисов.

можем только вопрошать. Для чего Господь попустил появление цен и денег помимо своих навеки установленных мер?

Ответ стоит искать лишь в философии хозяйства, которая утверждает, что экономизм и его антитроица — стоимость, цена, деньги — созданы совместно коллективным умом человечества и трансценденцией; и в этом плане стоимостно-ценовой экономизм есть некий умоподобный организм, своеобразный ум, выполняющий за человечество непосильные для него задачи учета, измерения, контроля своего же труда и потребления. Цена познаваема как оценивающий прибор; но как трансцендентное начало — она сама познает своих оценщиков и пользователей. Поэтому не сам человек собирает и разбирает цену на элементы, а цена собирает и разбирает человека на полезные, бесполезные и вредные элементы для ее же благоденствия. Здесь парадокс, здесь Сорос бродит, здесь МВФ в кустах сидит, здесь терроризм цены на динамит вздувает, а МВД бесплатно спит. Непознаваемость цены служит базой ее понимания, которое достаточно для человека, ибо полное познание стоимости, денег, цены обрушит наш отвратительный мир прежде времени до оснований, а затем, затем... и дальше всяких оснований. Непознаваемое манит человека, а если все познаваемо, то скучно жить на этом свете, господа! А раз скучно, то цена, сделав недоступным хлеб, сразу превратит скуку в страх!

Но для метафилософии эти выводы служат лишь началом жутковатых размышлений, от которых наука спасается заверениями, что такое не существует. Перводвигатель экономизма таится в трансцендентном. Но в трансцендентном есть светлые, софийные смыслы, а есть и темные, инфернальные «духи злобы поднебесной».

Ясно, что антитроица экономизма не имеет ничего общего с Софией, ибо софийный обмен — это не равновесие спроса и предложения, а *благодатное, неэквивалентное, духовное неравновесие даров*. Бог и ангелы финансами не занимаются, видя в них нечто нечестивое, хотя и для грешного люда неизбежное. В теологии нет ни одного ангела-финансиста. (В русском языке слова «ангел» и «финансист» плохо стыкуются.) Даже языческие демоны к финансовым трюкам проявляли мало интереса. А вот Мефисто, Воланд просто не могут жить без финансовых авантюр¹²!

---

¹² И в этом плане главным врагом экономизма и его антитроицы (оценки, стоимость, деньги) являются не планирование, не государство, не натуральное хозяйство, даже не социализм (коммунисты любят деньги еще больше, чем буржуа!), а сакральный строй жизни, религия и церковь. Поэтому во всех буржуазных и социалистических революциях вопреки их идеологиям главный удар обрушивался именно на религию. Почему? Ну, религии живут благода-

Значит, значит... экономизм со своей антитроицей есть совместный продукт человека и черной трансценденции, которую следует уже обозначать строгим термином — «дьявол». Именно дьявол вместе с коллективным умом людей и создал первый в истории мироздания *социальный искусственный интеллект*, который хоть как-то некоторое время решает хозяйственные проблемы людей, попутно позволяя соросам мошенничать и сарочничать. В то же время этот искусственный разум стал основой создания последующего электронно-технологического искусственного интеллекта.

Созданный с попущения Божьего усилиями человека и дьявола искусственный социальный интеллект превосходит естественный, но поврежденный человеческий ум, ибо этот искусственный интеллект творился по аналогии с еще не испорченным умом человека. Сегодня такое творчество именуется когнитивным моделированием. Вот почему человек и дьявол так быстро нашли общий язык в этом деле — человека нужда заставила, а дьявола — самоуверенное тщеславие, что уж в этом деле он перехитрит всех. Но все же, почему Господь позволил небесному бунтарю, сброшенному в бездну, создать вместе с человеком столь грандиозное творение, как стоимостной искусственный интеллект, которым окончательно можно сгубить людей, не ведающих тонких черных дел; его можно повернуть и против неба, планируя звездные войны США? Дьявол с этим интеллектом уже наделал немало бед! Да мало ли новых шансов открывают подлецам манипулируемые цены и деньги?

Каковы все же возможные причины этих странных и непостижимых человеку отношений Творца со своим основным бунтарем?

В Раю человек обладал полноценным умом — совершенным, целостным, всезнающим. Видеть предмет — обозначить его словом — знать — получить желанный результат — все это совпадало для него в одной точке. Для нас такое житнетворное знание — недостижимый идеал науки, цель магии, источник скепсиса и отчаяния. Целостное знание, без которого невозможна жизнь, уже было у нас в руках. Было, да сплыло!

тью, безвозмездностью, дарами, самопожертвованиями, а не эквивалентностью и ростовщицеством. Верующие — очень плохие потребители, которые живут самым необходимым, стремясь в пределе жить одним Духом Святым. Экономизм от такого безобразия корежит. Религии же после Бога превыше всего ценят детей, которые всегда выпадают из любых стоимостных обменов. Дети — это смерть экономизма, а экономизм — смерть детей, ибо дети нарушают все безумие этого мира, придуманного трезвыми рациональными взрослыми.

После греховной катастрофы поврежденный ум превратил деторождение в смертельную болезнь, а беззаботного Адама заставил стать неотпетым трудоголиком. Но может ли Божья кара возместить потерю целостности ума, необходимого для сохранения хотя бы испоганенной жизни? Скажем, суд наказал человека, лишив его пищи, но оставив ему жизнь. Если суд не желает казнить виновного голодом, то он должен или оставить ему пищу, или заменить ее чем-то иным, или же сделать ее получение сущим проклятием. Но без какой-либо пищи он просто вскоре погибнет.

Чем можно было заменить прародителям разрушенный змием целостный ум, без которого жизнь быстро сменяется целостной смертью? Сам Отец уже ничем не мог помочь грешникам, ибо его кару можно лишь искупить, а не просто отменить. Но Бог не желал и гибели своих чад. И Он не то, что помог им, а попустил, чтобы помощь им оказал, не ведая о том, что первогрешник — дьявол. И князь старался изо всех своих догрешных, грешных, безгрешных и вечных сил, оказав помощь падшим людям в создании искусственного ума в виде анти-троицы экономизма — стоимости, цен, денег.

Поэтому не удивительно, что дьявол и деньги, стоимость, цены обладают почти тождественными качествами. Цена весьма похожа на дьявола универсализмом своих оценок, их фантастической гибкостью, раболепием, дерзостью, мгновенными изменениями, своей бессмысленностью (творить, чтобы разрушать), своей чудовищной кровожадностью, своими прожектерскими инновациями и своей конечной тупиковостью. Цена — и субъект, и объект, и оценка; она даже способна творить из ничего, но не блага вечной истины, как это делают ум и сознание, а допинги для охваченных дегенерацией людей. Цена — это герменевтика искусственного ума и сознания, которые сочетают в себе человеческие, социальные и демонические качества, создавая посредством этого сочетания искусственный мир экономизма, в котором человек занимается страшным и бесцельным истязанием самого себя, дабы приблизить конец этого мира.

Далее, цена и дьявол почти всеильны, кроме случаев Божьей благодати, которая их уничтожает. Они почти всезнающи и всепонимающи, кроме Божьей любви и собственной участи. Они почти вездесущи; лишь истина их не впускает в свой дом. Они постоянно заряжены суицидом, стремясь все творение вернуть в ничто, все смыслы — в пустоту, все телесное — в призрачность. Они всегда много обещают, много лгут, много воруют (неэквивалентный обмен) и всегда завершают свои дела убийством и огнем. При всем сходстве цены с умом и сознанием человека нельзя не заметить, что цена, стоимость и К° идут путем отрицания мира, Бога, человека, путем фальсификации и замены

идеального призрачным. И делают это величайшее зло столь ловко, что почти все люди рассматривают служение ей в совершении этого зла как величайшее благо.

Классическими образцами согласованных действий цен и дьявола являются Европа и США, о чем нам поведал Гете, который очень точно представил Мефисто как главного экономиста, финансиста, мошенника, спекулянта и гробовщика Европы, непрерывно изобретающего все новые и новые формы денег¹³. И он дошел, дошел до денежного конца цены! Полноценной деньгой, не знающей инфляции, непрерывно растущей, владеющей истинной оценкой каждого блага, является лишь душа! Душа же и служит подлинным определителем сути, смысла и высших функций цены!

А «экономически обоснованная цена» есть сделка несведущего, тщеславного, одураченного человека и дьявола, использующего для этой сделки всю свою хитрость, все свои оставшиеся сакральные силы. «Экономически обоснованная цена» — это, по сути, цена, предлагаемая дьяволом за душу, за предательство Бога и морали. И никакими комбинациями материальных и субъективных факторов эту цену не обосновать; если сие было бы возможно, то это обоснование уже давным-давно было бы найдено. Его искали жрецы, раввины, мудрецы, священники, ученые, банкиры, коммунисты, факиры, маги, мошенники, спекулянты, воры, убийцы. И если они не сумели найти до сих пор это обоснование, то только потому, что дьявол хитроумнейшим способом спрятал его в самой же цене. Нельзя найти свой глаз, не зная, что он находится у тебя на лице! Но нельзя найти его и без зеркала Софии! И здесь даже дьявол не поможет, ибо его ум лишен рефлексии, а потому он оценивает, судит, не понимая смысла своих действий. Он даже убежден, что «дьявола нет», уверив в этом немало людей. Но также и экономический человек ищет основания цены, не зная того, что она сама есть основание себя, своих измерителей, оценщиков, ибо в ней и посредством нее действует и дьявольский ум. Действует временами в пользу человека, но в итоге у человека будут одни битые горшки.

Вот почему дьявол во всех своих сделках с человеком ничего иного не желает, кроме души! За душу все сделает, все отдаст, продаст, перепродает, украдет, убьет, золотом завалит! А что же жалкие люди?

---

¹³ Этот предтеча Сороса представил себя Фаусту такими словами: «Я часть той силы, что делает добро, всему желая зла!». А чем же занята другая часть этой же силы? Не делает ли она всем зло, лишь «золотому миллиарду» оставляя благо? Такова скрытая суть наших мудрейших благожелателей? Поэт оказался лучшим экономистом, чем все последующие политэкономы!

Лень подумать! Почему же простофили отдают души свои, если второе после Бога существо ценит их превыше золота и всех благ мира?

Мир, предметы познаваемы лишь в качестве целостности. А любая целостность содержит в себе и демонические элементы, которые обузданы другими элементами, подчинены им, но имеют и свою автономию. Огонь обычно ограничен другими стихиями, хотя в пожарах он действует по своему закону. Демоническое — это неопределенная, неопределимая и неопределившаяся реальность; она неопределенная не только для человека, но и для самой себя; демоническое бытует в отрицании, разрушении, имитации, симуляции, подделке, иллюзорности, призрачности. И есть у этого псевдобытия дешевые права, которые в эпохи беззакония превращаются в великую силу — ЦЕНУ. И наука должна сознательно признать во благо истины тот факт, что в ее предметах, в ее знании, в их применениях участвует и демонический фактор. Не все он определяет, но если его не признать, то он может «слопать все», как огонь, который вовремя не обуздают.

Частично эту реальность описывает и укрощает диалектика в законе отрицания отрицания, частично искусство покоряет его образами чудовищ, привидений, интеллигентнейших фраеров в духе Мефисто и Воланда... Но адекватное понимание дьявола и противодьяволие вырабатывает только религия, проявляя при этом и деловой практицизм. Христос настойчиво требовал от своих последователей знать и дьявольскую мудрость, дабы использовать ее и против него, и во благо жизни. «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16). Причем змеиная мудрость даже на первом месте! *А овладеть змеиной мудростью можно, только зная синергийный закон цены.*

Вкратце об *этом* страшном существе. Дьявол опасен вовсе не тем, чем пугает, сколько тем, что скрывается в нем и чего он сам не знает. Издревле народы заметили опасную, неотвратимую и непонятную им силу деградации людей с растянуто летальным исходом. И живут вроде правильно, пашут, ремесленничают, молятся, деток крестят, на благотворительность не жалеют, а вот потомство все слабее и уродливее. И агентов этой неотвратимо действующей деградации люди называли Люцифером, дьяволом, сатаной и другими именами. Эти фигуры существуют, используя жизнь как своего донора¹⁴.

---

¹⁴ Наши экуменисты уже давно перевели многотомное издание Дж. Рассела «Жизнь замечательных чертей». Позиция автора «эклетиическая»: «Дьявола реально нет». «Дьявол — представление людей о мировом зле». «Дьявол существует реально, иначе откуда атомные бомбы?» «Я не знаю, есть ли дьявол или нет? Если его нет, то откуда зло? Если он есть, то кто он и где обитает?» [7; 8; 9]. Самое удивительное, что автор прав, доказывая этой своей путаницей

В христианстве дьявол — первотворенье Божье, которое отринуло мир и Бога, став лидером небесной оппозиции и павших ангелов. Творец сбросил этого «первого большевика» (М. Волошин) в бездны земли. Но Бог не отнял у Люцифера бессмертия, великого знания; в плане ума и сознания он превосходит павшего, грешного человека, хотя он лишен самопознания, а посему ему непонятны его суть, роль и назначение в общем строе мироздания¹⁵. Но есть у Творца и свои непостижимые человеку замыслы о Люцифере; они ведь тайно встречаются и даже заключают пари о благочестии человека. В «Книге Иова» сатана усомнился в бескорыстном почитании человеком Бога, заявляя, что, да, пока гладят человека по шерсти, он верует, а только коснись его против шерсти, так он сразу же станет комсомольцем и атеистом. Бог позволил сатане испытать Иова всякими карами, но праведник с колебаниями все же устоял, не отринул Бога (Иов. 1, 6 — 12)¹⁶.

Но поскольку все дела начинаются на небе, а на земле лишь продолжают, то и Люцифер свершил на небе свой грех и без яблока. Скорее всего, Люцифер согрешил против ума и сознания, отделив их от нравственности, превратив их в чисто технические средства, избавив себя тем

мнений бытие дьявола, который, как известно, и есть величайший путаник в мире. Русские крестьяне, защищая души свои, говорили «бес попутал!», оказались на голову выше ученойшего протестанта.

¹⁵ Дьявол жалуется Ф.М. Достоевскому на то, что его не понимают ни люди, ни бесы; и он сам не понимает своего бытия. «Я икс в неопределенном уравнении. Я какой-то призрак жизни, который потерял все концы и начала, и даже сам позабыл наконец, как и назвать себя» [10, 654]. Дьявола мучают тайны Божьего промысла. Какова же его подлинная роль в мироздании, ибо зла и без него предостаточно. Почему из всех существ именно ему назначена такая проклятая роль? Почему ради одного праведника нужно губить тысячи и миллионы? Что он должен сделать, чтобы заслужить милость у Всевышнего? Тут есть секрет. И «пока не открыт секрет, для меня существует две правды: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И еще неизвестно, которая будет почище...» [10, 660]. Промысел Божий, видимо, в том-то и состоит, чтобы дьявол — вопреки своим желаниям — содействовал сохранению человека; а для этого он вместе с человеком и создал стоимостно-ценовой механизм. Ни дьявол, ни человек не понимали, что они творили. А секрет-то весь в цене, которой дьявол, не ведая того, служит и будит служить до ее обесценивания. Философия хозяйства даже дьяволу содействует в обретении им истинного понимания жизни и служения истине.

¹⁶ В «Фаусте» Гёте завязка европейской истории начинается тоже с пари Творца и Мефисто на небесах о душе великого ученого, который в итоге-то проиграл пари, отдал дьяволу душу за социализм, но ангелы все же душу его спасли, а вот идеал его социализма воплотили уже китайцы.

самым от забот о братьях младших. Я-де, самый умный, как мой Отец, и значит мне с моим умом, превосходящим ум людской, все позволено.

Но ведь и дьявол — тоже божественное творение, хранящее в себе частицу Творца. И в его сплошной черноте и отрицательности тоже есть сакральная частица, коей он соблазняет малых мира сего. Но его ум и сознание — чисто технического порядка и несовместимы с моралью, а потому заряжены сильнейшими импульсами суицида, ибо именно мораль связывает человека с божественными смыслами жизни. Но именно поэтому искусственный интеллект человека и дьявола технически превосходит не только человека, но, похоже, и лукавого. Именно поэтому их искусственный интеллект наиболее эффективно проявляет себя в ценовых и денежных алгоритмах, где речь идет об огромных массах измерений, оценок, благ или антиблаг, независимых от морали. Цена и деньги — это во многом технические даже не проблемы, а средства; поэтому проблема цены и денег неразрешима просто потому, что тут нет проблемы. Например, есть разные ножи, которые служат средствами для различных функций: проблема была в том, чтобы сделать ножи, но когда они налицо, нужно уметь выбрать нужные и правильно пользоваться ими.

Цена и деньги никогда не решат ни одной проблемы, ибо они разделяют в человеке профессионализм и нравственные качества, которые неразделимы даже в мире криминала; а вот экономизм разделил, создав даже рынок индulgенций, этический рынок, хотя здесь торгуют не верой и моралью, а пороками. Проблемы решаются только моральной легитимностью средств. Цены решают проблемы технически, отстраняя людей от своих проблем, т. е. от жизни. Странно, но этого почти никто не видит.

Вообще, не все, что не от Бога, обязательно наихудшее. Могут быть создания зла, превосходящие мастерство Премудрости Божьей, например, те же цены и деньги. Бог попустил их создание, ибо смертному существу как раз лучше всего и подходят смертные средства. Всем хороши цены и деньги! Все измерят, оценят, взвесят, определят, сделают! Вот только «одна заковыка»: все создания, основанные только на ценах и деньгах, лишены перспективы и обречены на исчезновение. В вечность им дорогу закрыла их аморальность. Поэтому «быть их двору пусту!». А Храмы стоят вечно! Останутся лишь общества, которые будут жить по законам хозяйства, морали и перспектив вечности, скрытых в семенах жизни. А в экономике даже смерть завершается банальной пустотой. Поэтому цена сама по себе — бессмысленная сущность, так как она созидает, чтобы разрушать и разрушает, чтобы созидать, не давая никакого смыслового оправдания своему безразличию к добру и злу, своему пристрастию к убийствам, войнам, преступлениям.

Но есть еще и Божий суд, Его оценка, и они не только на небесах, но и в нравственности, в чистой мысли, в духе святых, в служителях истины. А «кантанутые» интеллектуалы пусть всю жизнь посвящают критике, т. е. пачканью чистого разума.

София Премудрость Божья является оценкой всех оценок мира, жизни, экономики, небытия и вечности, ибо в ней оценивающее, оцениваемое, эталон оценки, сама оценка, ее судящая сила, формы ее выражения, ее последствия для мира образуют единую нераздельную целостность, которая является целью и мечтой всех прочих творений бытия. София — это душа мира, оцененная Творцом и ставшая оценкой всех возможных оценок, как естественных, так и искусственных, как человеческих, так и демонических, как субъективных, так и объективных. Дьявол очень хорошо знает, что в этом мире обладает подлинной ценностью, за которой только и стоит охотиться.

Именно в час роковой экономизма, когда стоимость, деньги и цены сами превращаются в призраков, в тени, наступают прозрение и понимание, что посредством этих реалий миром правила черная трансценденция, черная дыра. Именно экономизм погнал хозяйство за пределы потребностей жизни. Погнал и загнал биосферу и социальный мир, самого человека, его ум и сознание в чрезвычайную ситуацию, проще — в пасть к дьяволу, ибо за потребностями жизни начинаются потребности смерти.

В религиозном плане власть цен над миром и жизнью есть косвенное господство дьявола и смерти; свою конечную цель — превратить Сущего и сущее в своего вечного донора — дьявол мечтает достичь посредством экономизма, цен — своих основных исполнительных органов. Все хорошо у них получается в устроенном ими мире, кроме... кроме конца, где их ожидают пустой двор и мудрый Апокалипсис.

Впрочем, и наука уже давно подпевает дьяволу, торгуя истиной. Достаточно вспомнить демона Сократа, демона Лапласа, демона Максвелла, демона Декарта, демона Юнга, «наблюдателей» Эйнштейна и Гейзенберга и многих еще неизвестных героев inferнального фронта, сражающихся за безумие, бесчестие и бессовестность науки.

Но победит софийная нравственность хозяйства, ибо хоронить последнюю стоимость, последнюю цену и последнюю деньгу придется все же безвозмездно, руководствуясь моралью и хозяйственными соображениями, а не умершим экономизмом.

Литература

1. Философ хозяйства — 2 / Под ред. Е.С. Зотовой. М.; Екатеринбург, 2009.

2. Гегель. Соч.: В 14 т. Т. 8.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.
4. Осипов Ю.М. Очерки философии хозяйства. М., 2000.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
6. Гете В. Соч.: В 10 т. Т. 3. М., 1976.
7. Рассел Дж.Б. Мефистофель. Дьявол в современном мире. СПб., 2002.
8. Рассел Дж.Б. Дьявол. Восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб., 2001.
9. Рассел Дж.Б. Люцифер. Дьявол в Средние века. СПб., 2001.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1973.

А.С. СТРОЕВ

Становление виртуальной финансовой системы

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы мировой финансовой системы, исследуются финансовые кризисы, их управляемость, банковская сфера, спекулятивные операции, мировые аферы, финансовые пирамиды.

Ключевые слова: финансовая система, банковская олигархия, национальная валюта, мировая валюта, финансовая пирамида, Федеральная резервная система.

Abstract. In the article problems of a world financial system are being considered, financial crises, their controllability, bank sphere, speculative operations, world swindles, financial pyramids are being investigated.

Keywords: financial system, bank oligarchy, national currency, world currency, financial pyramid, Federal reserve system.

Следует отметить, что борьба за создание центрального банка в США велась практически с момента возникновения этого государства. До ФРС центральный банк возникал в США трижды. Фактически первым центральным банком был Североамериканский банк, который, будучи частной организацией, приобрел монополию на выпуск национальной валюты. Кроме того, по образцу Банка Англии он получил право производить банковские операции с частичным покрытием, т. е. давать в кредит деньги, которыми реально не располагал. Таким образом, деньги фактически делались банком «из воздуха», но при этом эти «из воздуха» делаемые деньги, будучи средством обмена товаров, обеспечивались продуктами труда. Попросту говоря, была создана мошенническая схема, позволяющая банкирам присваивать продукты

чужого труда. В 1785 г. Североамериканский банк прекратил свое существование. Однако через шесть лет, в 1791 г., по инициативе Александра Гамильтона был создан так называемый Банк Соединенных Штатов (вошедший в историю как «Первый американский банк», хотя фактически он был вторым центральным банком США). Он просуществовал 20 лет, закончив свое существование в 1811 г. вследствие отказа Палаты представителей и Сената продлять его лицензию. Банк был частным, но с 20%-ным участием государства. Так называемый «Второй банк Соединенных Штатов» формально просуществовал с 1816 по 1836 г., хотя с 1833 г. вследствие острой борьбы с президентом Джексоном фактически стал утрачивать статус центрального банка. С 1836 по 1913 г. центрального банка в США не существовало.

В задачу настоящей работы не входит подробное описание истории борьбы транснациональной (уже тогда!) банковской олигархии за создание центрального банка США с монопольным правом печатать национальную валюту, как и истории сопротивления американского народа и лучших американских президентов, имевших мужество отстаивать волю и интересы избирателей. Заинтересованного читателя мы отсылаем к имеющейся во множестве специальной литературе, например, к книге Дмитрия Карасева «Банки-убийцы» [1], а также к замечательному популярному фильму Ильи Колосова «Бесценный доллар» и его продолжениям.

Для нашей же работы достаточно отметить, что практически до конца XIX в. в США параллельно в качестве средств платежа использовались: 1) золотые и серебряные слитки, а также фактически эквивалентные им золотые и серебряные монеты (причем до 1873 г. любое лицо, привезшее серебро на Американский монетный двор, могло совершенно бесплатно начеканить из него монет!); 2) бумажные купюры, представляющие собой обязательства частных банков; 3) бумажные купюры, представляющие собой государственные обязательства (до 1861 г. — преимущественно быстровыкупаемые облигации «Treasury Notes», выпускаемые Казначейством США, а с 1862 г. — выпущенные Линкольном для покрытия расходов в Гражданской войне «гринбэки» — «зеленые спинки»).

Как уже было отмечено, борьба между сторонниками и противниками создания частного центрального банка США происходила с переменным успехом с самого возникновения государства. Впрочем, точнее будет сказать, что борьба с переменным успехом шла за то, кто будет выпускать национальную валюту: государство или частные банкиры. Один из «отцов-основателей» США Томас Джефферсон писал: «Я искренне верю в то, что банковские организации представляют большую опасность, чем вражеские армии. Право на эмиссию денег должно быть

отнято у банков и передано народу, которому эта собственность принадлежит по праву». Не менее решительными противниками передачи права выпуска денег в частные руки были президенты Джеймс Мэдисон, уничтоживший «Первый банк США», Эндрю Джексон, уничтоживший «Второй банк» и Авраам Линкольн, осуществивший массовый выпуск государственных обязательств «гринбэков» и, тем самым, лишивший частные банки монополии на выпуск бумажных денег.

В чем причина столь негативного отношения к выпуску национальной валюты частной компанией? На первый взгляд, если бумажные деньги представляют собой лишь обязательства обеспечить их по первому требованию золотом или серебром, то не все ли равно, кто эти обязательства производит — частная компания или государство? В любом случае бумажная расписка остается всего лишь условным заменителем драгоценного металла, который, как мы помним, имеет объективную трудовую стоимость, эквивалентную стоимости тех товаров, на которые обменивается. Однако таким образом ситуация выглядит лишь на первый взгляд. В реальности же, начиная еще со времен Средневековья, предшественники банкиров стали выдавать расписки на сумму, существенно превышающую объем реально хранимых ими золотых резервов, рассчитывая на то, что их кредиторы едва ли потребуют вернуть им золото назад все и одновременно. Таким образом, получив на хранение некий объем золота, банкир стал выдавать обязательств на выдачу этого золота в разы больше, чем золота в его хранилище было на самом деле. То есть банкир стал фактически выпускать заведомо невыполнимые мошеннические обязательства, необеспеченность которых была незаметна именно потому, что банковские расписки (бумажные деньги) перестали быть только средством вложения и получения назад золота, а стали замещающим золото средством платежа, циркулирующим на рынке. Давая такие необеспеченные деньги в долг под процент, банкир выступал уже не просто в качестве ростовщика, а в качестве ростовщика-мошенника, получающего прибыль на капитал, которого в реальности у него нет. Поскольку такие реально необеспеченные выпустившим их банкиром обязательства (бумажные деньги) принимаются к оплате, банкир, тем самым, фактически присваивает себе продукты чужого труда на сумму номинала выпущенных необеспеченных обязательств, т. е. выступает в роли банального фальшивомонетчика. Но самое парадоксальное, что эта явно мошенническая схема выпуска необеспеченных обязательств была... юридически закреплена как законная (!) практика и стала нормой функционирования банковской системы под именем «банковских операций с частичным покрытием».

Вторая причина, по которой частные банки представляют угрозу для общества, состоит в следующем: то резко снижая, то повышая объем

предоставляемых кредитов и процент по ним, частная банковская система (если она централизована в монополию или олигополию и имеет единый источник управления) способна вызывать резкие переходы от бурного роста экономики к катастрофическим спадам. При этом сначала «приучив» экономику страны к дешевым и легким кредитам, а затем резко потребовав их возврата (т. е. сократив имеющуюся в обороте денежную массу), имеющая монополию частная банковская система может приводить (и фактически приводит!) к массовому разорению заемщиков. Но, поскольку заемщиками выступают в первую очередь предприниматели, то их разорение ведет к массовому разорению их наемных работников. В результате резко сокращается покупательная способность населения и запускается финансово-экономический кризис, который развивается как цепная реакция и сам себя усиливает, ведя к разорению уже и тех субъектов рынка, которые сами не брали кредитов, но зависят от покупательского спроса на свою продукцию. Разумеется, спекулятивные операции банков с изменением объемов кредитования и кредитного процента являются не единственной причиной экономических кризисов. Свой вклад вносит и внутренняя имманентная неравновесность капиталистического производства, которое основывается на логике неограниченного повышения прибыли и поэтому, в условиях отсутствия плана, периодически производит продукции существенно больше, чем позволяет лимит платежеспособного спроса при существующей емкости потребительского рынка. Тем не менее, помня о склонности капитализма вызывать имманентные его природе «стихийные кризисы перепроизводства», стоит отдать должное и роли банков, вызывающих подобные кризисы вполне целенаправленно и сознательно.

Простейшая экономическая причина, по которой банки организуют такие управляемые кризисы, состоит в том, что в условиях кризиса разорившиеся заемщики (и все, кто разоряются вслед за ними в результате распространяющегося спада покупательной емкости рынка) оказываются вынуждены за бесценок продавать банкам принадлежащую им собственность. Причем эта политика банков осуществляется едва ли ни открыто и декларативно. Проиллюстрируем это на примере меморандума, разосланного в 1891 г. Американской банковской ассоциацией всем своим членам: «После 1 сентября 1894 года мы ни под каким предлогом не будем возобновлять кредиты. Мы потребуем наши деньги назад. <...> Мы лишим заемщиков права выкупа залога и станем его владельцами. Мы сможем заставить 2/3 фермеров к юго-западу и тысячи фермеров к востоку от Миссисипи продать свои фермы по указанной нами цене... Тогда они станут арендаторами, как это обстоит в Англии...» (меморандум АБА от 1891 г., воспроизведенный в Протоколах Конгресса США 29 апреля 1913 г. (цит. по: [1])).

Обратим внимание на то, что на тот момент центрального частного банка формально не существовало, т. е. для организации спланированной на три года вперед искусственной рукотворной депрессии хватило банального сговора частных банков! Во сколько же раз возрастет власть и возможности банковского капитала в условиях, когда частный банк имеет монопольный статус центрального банка страны, имеющего право своей собственной волей распоряжаться выпуском национальной валюты! Очевидно то, что в этом случае банковский капитал уже не ограничится такими чисто экономическим диверсиями, направленными на изъятие собственности у населения, а установит политический диктат, взяв за горло и население страны, и ее правительство и фактически превратив в пустую формальность легальные формы государственного устройства, будь они хоть монархическими, хоть республиканско-демократическими, хоть любыми другими. Со всей откровенностью такой уже не только экономический, но и политический шантаж был предпринят «Вторым банком США» в борьбе с президентом Эндрю Джексонем. Председатель банка Николас Бидл, требуя от Конгресса продления лицензии Банка, заявил: «Ничто, кроме всенародного бедствия, не произведет впечатления на Конгресс... Единственная наша гарантия безопасности — четко следовать политике жесткого сдерживания (денежной массы)... и я не сомневаюсь, что это приведет к возобновлению хождения национальной валюты и продлению лицензии банка» (цит. по: [1]). Фактически это открытый и незавуалированный шантаж целой страны частным банком: угроза использовать право банка на сокращение денежной массы для того, чтобы держать страну в депрессивном состоянии до тех пор, пока она не сдастся на милость банка и не примет угодных ему законов.

Поэтому знаменитое высказывание М.А. Ротшильда «Дайте мне право выпускать и контролировать деньги страны, и мне будет совершенно все равно, кто пишет ее законы», сделанное им еще в 1790 г., представляет не преувеличение и пустое хвастовство, а четкую констатацию факта и программу действий. Об этом же самом — только с другой стороны противостояния — предупреждал Томас Джефферсон: «Если американский народ позволит частному центральному банку контролировать эмиссию своей валюты, то последний сначала с помощью инфляции, затем дефляции, банков и растущих вокруг них корпораций, лишит людей всей их собственности. И может случиться так, что однажды их дети проснутся бездомными на земле, которую завоевали их отцы».

Таким образом, попытки создания частного банка, имеющего право выпускать национальную валюту, велись чуть ли ни с момента основания США, но каждый раз они наталкивались на сопротивление граж-

данского общества и институтов буржуазной демократии, поскольку на тот момент государство в США представляло интересы если не всего общества, то, по крайней мере, его имущих слоев, буржуазии как класса в целом, а не ее олигархической верхушки. Однако по мере естественного развития капитализма происходила концентрация капитала и соответственно концентрация экономической и политической власти в руках все более узкого круга миллиардеров. Институты буржуазной демократии слабели, превращаясь в декоративную ширму для капиталократической олигархии. И, наконец, после более чем вековой борьбы сопротивление американского народа и американской национальной буржуазно-демократической государственности было сломлено банкирами.

В 1913 г. крупнейшие представленные в США транснациональные банковские дома смогли провалить создание так называемой Федеральной резервной системы (ФРС), представляющей собой трест частных банков, получивший монопольное право на эмиссию национальной валюты. Впрочем, создание ФРС было лишь первым шагом на пути формирования системы мировой капиталократии. Сосредоточив в своих руках монополию на выпуск денег в одной отдельно взятой стране, мировая банковская олигархия по уже описанному выше механизму игры с расширением, а затем резким сокращением и удорожанием кредитов и денежной массы вызвала кредитно-финансовый кризис, мгновенно переросший в кризис экономический и социально-политический. К концу 1920-х гг. мощь банковского капитала как в результате объективных в рамках развития капитализма процессов концентрации и монополизации, так и в результате политических успехов банковских домов в связи с созданием ФРС возросла многократно. Соответственно и кризис, вызванный финансовой олигархией в конце 1920-х гг., имел поистине колоссальный масштаб и, будучи инициирован в США, очень быстро охватил всю систему мирового капитализма.

Особо следует подчеркнуть, что Великая депрессия была не результатом стихийных процессов рынка (хотя, несомненно, свой вклад в ее развития внесли и объективная неравновесность и кризисность капиталистической системы, связанные с неизбежностью кризисов перепроизводства), а целенаправленной, хорошо спланированной операцией, более того, инструментом достижения ряда глобальных экономических и политических преобразований мирового масштаба. Более того, последующая «борьба с последствиями Великой депрессии», включая Новый курс президента Ф.Д. Рузвельта, также была частью сценария. Чего же добились мировая олигархия в результате спланированной и реализованной ею Великой депрессии и последующего «восстановления»?

Во-первых, в ходе Великой депрессии произошло массовое разорение американского и европейского «среднего класса», имущество ко-

торого перетекло в руки финансовой олигархии. Соответственно процесс концентрации капиталов резко ускорился, экономическая и, следовательно, политическая мощь мировой финансовой олигархии резко возросла.

Во-вторых, в ходе последующего «восстановления» в рамках рузвельтовского Нового курса (принимаемого многими в силу забавного исторического курьеза чуть ли ни за «социалистические» или, уж, по меньшей мере, социально-ориентированные реформы) ФРС была освобождена от обязанности обеспечивать выпускаемые ею бумажные доллары золотом на внутреннем американском рынке, т. е. обеспечение американского доллара золотом теперь осуществлялось только в отношении иностранных государств и иностранных компаний. Американские граждане больше не имели возможности конвертировать бумажные доллары в золото. Как мы помним, в отличие от золота, бумажные деньги не являются сами по себе продуктом труда и не имеют сами по себе стоимости. Они представляют собой по своему происхождению лишь расписки, векселя, долговые обязательства. Отказавшись обеспечивать свои обязательства золотом, частный банк фактически присвоил себе золотой запас всей американской нации. По всем рациональным законам после этого трест частных банков под названием ФРС должен был быть признан банкротом и ликвидирован, а все его имущество пущено на погашение долгов кредиторам (т. е. всем владельцам его обязательств — американских долларов). Но вместо этого ничем более не обеспеченные (для граждан страны; по внешним долгам они еще обеспечивались) долговые обязательства частной компании были признаны обязательным средством расчетов. Государство, вместо того, чтобы привлечь частную компанию ФРС к суду и ликвидировать ее через процедуру банкротства, как не выполняющую своих обязательств перед кредиторами (не говоря уже об ответственности за организацию финансовой аферы — Великой депрессии, приведшей к массовому разорению граждан США), пошло еще дальше. Специальным «Законом о золотом резерве», принятым в 1934 г., гражданам США было предписано в обязательном порядке обменять все имеющиеся у них золото на бумажные доллары (при этом как только золотые монеты и слитки были изъяты у населения по цене 20,66 дол. за унцию, цена доллара была обвалена до 35 дол. за унцию, т. е. в итоге почти 50% золота было фактически просто конфисковано безвозмездно). Хранение золота (не говоря уже о его использовании в качестве средства платежа) частными лицами было объявлено вне закона и каралось 10-летним заключением и астрономическим по тем временам штрафом в 10000 дол. (Этот закон действовал до 1971 г., когда основная часть конфискованного у населения золота была вывезена за пределы США.)

Момент принятия «Закона о золотом резерве» 1934 г. можно считать критическим рубежом в истории американского государства, поскольку тем самым уничтожались наиболее фундаментальные и базовые принципы экономических свобод, лежавшие в основании буржуазной демократии. Государство США из демократического института, обеспечивавшего интересы буржуазии в целом как массового класса, превращалось в инструмент диктатуры узкой финансовой олигархии (фактически, в орудие диктата одной частной кампании!), не считающейся более с базовыми принципами права и прибегающей к прямому, открытому и незавуалированному грабежу американского народа.

Наконец, в-третьих, Великая депрессия в конечном счете вызвала целый ряд политических кризисов в Европе, закономерно приведших в конечном счете к развязыванию Второй мировой войны, в результате которой экономики европейских стран были разрушены, а их национальные финансовые системы — подорваны и дестабилизированы. В то же время американская экономика не только не была разрушена войной, но и получила импульс к развитию на военных заказах и поставках. Около 70% всего мирового запаса золота к концу войны было сосредоточено в собственности американских банков и находилось в хранилище в Форт-Ноксе. Еще до завершения Второй мировой войны в ходе Валютно-финансовой конференции ООН в июле 1944 г. было подписано Бреттон-Вудское соглашение, по которому американский доллар в качестве единственной полноценно обеспеченной золотом валюты получил статус мировой резервной валюты. При этом американская банковская система брала на себя обязательства в рамках международной торговли обеспечивать доллар золотом по стабильному курсу: 35 дол. за 1 тройскую унцию. Остальные же страны, участвовавшие в соглашении, обязывались привязать свои национальные валюты к «ведущей» мировой валюте, т. е. к американскому доллару, и с помощью валютных интервенций поддерживать стабильный курс своей валюты по отношению к нему.

Далее в отношении доллара в мировом масштабе происходила точно такая же трансформация, которая прежде осуществлялась в рамках внутреннего национального рынка США. В качестве обязательств, обеспеченных золотом, американский доллар стал использоваться европейскими странами как средство платежа. Долларизация европейских экономик облегчалась тремя факторами: 1) национальные валюты были подорваны в результате Второй мировой войны; 2) послевоенное восстановление Европы требовало увеличения денежной массы; 3) США охотно предоставляли странам Европы дешевые кредиты и даже вовсе «безвозмездную» помощь в рамках «плана Маршалла».

В чем же был интерес США, выделявших Европе «безвозмездную» помощь и накачивавших европейские экономики долларовой массой? Для того, чтобы понять суть дальнейших мировых процессов, вернемся назад к тому, как бумажные деньги вытеснили золото из внутренних национальных экономик.

Как мы помним, суть этого процесса состояла в том, что расписки за золото стали использоваться не только для хранения золота (т. е. в операциях вложения его в банк и получения обратно), но и в качестве средства платежа на рынке. Именно поэтому выпущенные частным банком обязательства стали фактически обеспечиваться не столько золотом выпустившего их банка, сколько товарами всех субъектов рынка, принимающих их в качестве средства платежа. Соответственно банк получил возможность осуществлять аферы «операций с частичным покрытием», т. е. выпускать на законных основаниях ничего ему не стоящие средства обмена и создавать эквивалент стоимости золота по цене крашеной бумаги!

Тот же самый процесс после подписания Бреттон-Вудского соглашения стал развиваться в мировом масштабе. По мере того, как американский доллар (в качестве надежно и по гарантированному стабильному курсу обеспеченной золотом валюты!) стал признанным средством платежа в Европе, а затем и в остальном мире, он стал фактически обеспечиваться всей совокупностью товаров и услуг, продаваемых за доллары. т. е. ФРС все в меньшей степени требовалось подтверждать его фактическое обеспечение своим золотым запасом. Ведь чем больше товаров и услуг предоставляются за доллар как признанное средство платежа, тем меньше необходимость использовать в рыночных операциях само золото. Соответственно тем реже случаи обращения в ФРС с требованием обеспечить доллар золотом.

Следовательно, ФРС получила возможность печатать доллар в гораздо больших количествах, чем могла обеспечить его золотом, выходя за пределы США в качестве средства платежа на мировом рынке. Почему же доллар при этом не обесценивался? Потому что теперь он обеспечивался уже не только совокупностью товаров и услуг, производимых экономикой США, но совокупностью товаров и услуг, производимых экономиками всей долларовой зоны, которая непрерывно расширяется.

Наконец, в 1970-х гг. США официально заявили об отказе от обязательств обеспечивать доллар золотом, т. е. фактически ФРС осуществила в мировом масштабе то, что после Великой депрессии было осуществлено в рамках отдельно взятой страны: отказ обеспечивать свои платежные обязательства золотом. 15 августа 1971 г. президент США Ричард Никсон отказал Франции обеспечить американские доллары

золотом, т. е. в одностороннем порядке заявил об отказе от взятых на себя США обязательств.

Мировая афера началась: показав после Второй мировой войны (точнее сказать — ценой этой войны) миру свою платежеспособность, ФРС убедила мир принять в качестве расчетного средства доллар, но как только мир его принял, ФРС отказалась от обязательств по его обеспечению! Казалось бы, афера очевидна. Но, как и в случае старого трюка банков с «операциями с частичным покрытием», раскрытие очевидно мошеннической и криминальной аферы привело лишь к тому, что она была формально узаконена! На Ямайской международной конференции 16 марта 1973 г., а затем на Конференции министров стран-членов Международного валютного фонда в Кингстоне (Ямайка) 8 января 1976 г. курсы валют были «освобождены» от привязки к золоту. Более того, странам-участницам было запрещено выражать режим курса своей валюты через золото. Что, собственно, мировой капиталократии и требовалось, и ради чего вся цепочка ходов и осуществлялась: в мировом масштабе была не только создана и узаконена, но и приобрела статус монополии система, позволяющая присваивать все материальные ценности за бумажки, которые даже формально уже не являются «обязательствами», т. е. выпуск которых вообще ни к чему не обязывает выпускающий их банк.

На первый взгляд, парадокс: доллар был принят в качестве мировой валюты в конце 1940-х гг. именно потому, что полноценно обеспечивался золотом, а в 1970-х гг., когда он не только перестал быть полноценно обеспечен, но даже формально юридически был объявлен не обеспечиваемой золотом валютой, он не утратил своего статуса. Этот парадокс может быть объяснен только тем, что за эти три десятилетия коренным образом изменился и характер мировой экономики, и статус доллара в ней. Мировая экономика за это время стала зависеть от доллара как от наркотика. Доллар теперь уже более не нуждался в золотом обеспечении со стороны ФРС. Более того, доллар уже не нуждался даже в обеспечении товарами и услугами, производимыми США, поскольку по самому факту его признания мировым расчетным средством и принятия в качестве эквивалента реальной создаваемой трудом стоимости, он уже обеспечивался товарами и услугами, производимыми практически всем капиталистическим миром.

Возник и начал устойчиво воспроизводиться эффект финансовой пирамиды, акции которой имеют цену только потому, что люди по какой-то причине признают их имеющими цену. Как и во всякой финансовой пирамиде, ее владельцам оставалось только одно: постоянно ее расширять. Это позволяло без существенной инфляции (т. е. обесценивания валюты) *печатать все новые и новые массы долларов, ничем их не обес-*

печивая, поскольку их обеспечение реальной товарной массой теперь добровольно брали на себя все новые страны, вовлекающиеся в долларовую пирамиду. Причем, что характерно, все участники пирамиды, уже вовлеченные в нее, оказывались также заинтересованными в дальнейшем расширении ее основания, т. е. были теперь готовы помогать группе финансовых спекулянтов, создавших пирамиду. И, действительно, сфера хождения доллара непрерывно расширялась после каждой очередной финансово-спекулятивной аферы мировой олигархии, а также путем открытой военной экспансии США. Она распространилась на страны Восточной и Юго-Восточной Азии с их огромной финансовой емкостью, на богатый нефтью Ближний Восток, на значительную часть Латинской Америки, а после поражения СССР в холодной войне — на Россию и другие страны постсоветского пространства.

При этом суть мировой долларовой аферы может быть выражена одной простой фразой. *В результате частная компания под названием ФРС получила возможность присваивать реальные товары и услуги, производимые трудом почти всего человечества, а также невозможные природные ресурсы всей Земли в обмен на крашенные бумажки, производство которых этой частной кампании практически ничего не стоит.* Иными словами, чистый сеньораж от выпуска бумажных долларов близок к 100% (его сумма отличается в зависимости от номинала выпускаемых банкнот), а в случае с долларовой массой, существующей только на электронных счетах и не обеспеченной даже бумажными банкнотами, — равен 100%.

Поскольку, в отличие от золота, более никак не привязанный к нему доллар может потенциально производиться ФРС в любом количестве, то следует констатировать, что ФРС обладает бесконечным объемом долларов. Признав американский доллар эквивалентом стоимости любого товара и услуги, человечество, тем самым, отдало весь материальный мир в собственность США. Точнее говоря, не США как американскому государству или американскому обществу, а частной американской банковской системе, замкнутой в трест ФРС, поскольку ФРС может вообще без всяких затрат напечатать любую сумму долларов, в какую бы ни был оценен тот или иной материальный объект.

Для того чтобы наглядно представить себе, что представляет собой по своей природе современный доллар (такой, каким он стал после отказа США от обязательств обеспечивать его золотом в 1970-х гг., а затем после того, как он фактически перестал обеспечиваться американской экономикой), полезно остановиться на том, как функционируют более простые финансовые пирамиды и спекулятивные пузыри.

Остановимся, к примеру, на финансовой пирамиде типа МММ. Классическая финансовая пирамида в своем чистом проявлении вооб-

ще ничего не производит. За счет чего же растут ее акции, если они не обеспечены никаким реальным товаром и никаким реальным производством? Она существует за счет того, что каждая следующая генерация участников своими вступительными взносами обеспечивает возможность выплачивать доходы по акциям предыдущим генерациям участников. В результате акции данной пирамиды остаются доходными, и именно поэтому, собственно, в пирамиду и приходят новые генерации участников, воспроизводя цикл ее существования, причем в идеале прогрессия имеет геометрический характер, т. е. каждая следующая генерация увеличивается в разы относительно предыдущей. Понятно, что в наибольшем выигрыше остаются при этом организаторы пирамиды, но и ее участники (особенно пришедшие первыми) могут на самом деле в этом своеобразном казино много выиграть, поскольку по мере развития пирамиды они не только получают дивиденды, но и цена купленных ими акций непрерывно растет. Главное — успеть вовремя выйти из игры, т. е. продать подорожавшие акции до того, как пирамида рухнет. В проигрыше же остается, прежде всего, последняя генерация участников, т. е. те, кто вложились в пирамиду последними накануне ее краха (хотя и из более старых участников те, кто вовремя не вышел из игры, могут проиграть, если не успели оккупить дивидендами первоначальные вложения).

Таким образом, в пирамиде есть две составляющие: собственно дивиденды, выплачиваемые из вступительных взносов следующей генерации участников, и рост рыночной стоимости акций, связанный с тем, что на них растет спрос в связи с ожиданиями их доходности. В классическом случае (например, в случае акций МММ) эти два компонента взаимосвязаны: именно выплата высоких дивидендов по акциям и является причиной роста спроса на них и вызывает рост их рыночной стоимости. Соответственно вся сложность организации состоит только в том, чтобы запустить первоначальный старт и раскрутку пирамиды, обеспечив выплаты по акциям на тот стартовый период, пока пирамида еще не обеспечивает сама свой собственный рост.

Но возможна и более продвинутая модель пирамиды, в которой дивидендов вообще нет! В этом случае на старте имеется лишь так или иначе сформированная надежда на то, что акции будут приносить доход в будущем или же хотя бы просто являются надежным средством сохранить средства от инфляции. Если исходно в связи с теми или иными ожиданиями субъектов рынка на акции возник спрос, они начинают расти в цене. Но, раз они растут в цене, то вложение в них становится выгодным уже не на уровне ожиданий, а объективно и фактически. А раз вложение в них становится объективно выгодно, то на них еще более растет спрос (даже если при этом по ним не выплачива-

ются никаких дивидендов). А раз на них продолжает расти спрос — они продолжают расти в цене. Возникает цикл положительной обратной связи, воспроизводящей саму себя: чем больше растет спрос — тем больше растет цена, чем больше растет цена — тем больше растет инвестиционная привлекательность, чем больше растет инвестиционная привлекательность — тем больше растет спрос и т. д. по циклу.

По этому же принципу, кстати, могут расти не только акции финансовой пирамиды. По этому же принципу, к примеру, накануне последнего кризиса надувался спекулятивный пузырь рыночных цен на недвижимость в Москве и в ряде городов Западной Европы, которые накануне краха в несколько раз превышали реальную объективную трудовую стоимость этой недвижимости. Недвижимость росла в цене единственно потому, что непрерывно рос спрос на нее, а спрос на нее рос единственно потому, что она непрерывно росла в цене, а потому оказывалась выгодным способом вложения средств. Пузырь лопнул тогда, когда в силу описанных выше игр глобальных мировых спекулянтов кредиты резко подорожали, а циркулирующая денежная масса в силу этого резко сократилась. Соответственно доминантой для рядовых инвесторов стало не вложение средств, а получение их назад. Как только количество инвесторов, выводящих свои средства из данного пузыря, достигло критического порога, тенденция цен сменилась на противоположную, т. е. теперь чем большее количество людей продавало недвижимость, тем более предложение недвижимости превышало спрос, соответственно падали рыночная цена недвижимости и ее инвестиционная привлекательность, и тем большее количество людей стремились от нее избавиться. Финансовый пузырь рушился по тому же механизму, по которому прежде надувался.

Иначе говоря, точно так же, как и в случае классической финансовой пирамиды типа МММ, условием надувания пузыря недвижимости является приход в нее все новых инвесторов. Если новые инвесторы не приходят и основание пирамиды перестает расширяться, то рост цен прекращается, вместе с ним падает инвестиционная привлекательность пирамиды и начинается ее распад. Единственная разница между недвижимостью и акцией МММ здесь состоит в том, что акция МММ сама по себе имеет вообще нулевую стоимость и, соответственно, при падении пирамиды обесценивается до цены крашеной бумаги. Между тем недвижимость имеет объективную трудовую стоимость, и, когда лопается пузырь, ее цена падает до уровня этой стоимости или по инерции даже ниже, но все-таки в обычных условиях не может упасть совсем до нуля (хотя теоретически возможно и такое).

Доллар в принципе по природе своей представляет собой аналог такой же акции МММ. Это бумага обеспечена тем и *только тем*, что дос-

таточное количество людей верит в то, что он чего-то стоит, а потому готово обеспечивать ее продуктами своего труда. Причем обеспечивают стоимость доллара совсем не те люди, которые его производят. Доллар не обеспечен ничем, кроме готовности людей отдавать за него реальные ценности. Только в силу этого он и циркулирует в качестве платежного средства. Стоит хоть сколько-нибудь существенному по мировым масштабам субъекту даже малую долю напечатанной долларовой массы (а также иных американских ценных бумаг) предъявить к оплате той банковской системе, которая его производит (или даже США как государству), выяснится, что ни ФРС, ни США как государство обеспечить их не могут. Далее запустится стандартный описанный выше механизм сдувания финансового пузыря: как только доллар начнет падать, его начнут продавать, и, тем самым, его падение будет само себя разгонять. В результате существующая мировая финансовая система рухнет.

Почему же этого обрушения не происходит? Почему ни один мировой субъект (скажем, к примеру, Китай) не рискует предъявить доллары к оплате? На то есть, *как минимум, три причины*, но самая главная и простая из них состоит в том, что ни одному участнику финансовой пирамиды не выгодно падение этой пирамиды и обрушение ее акций. Любому акционеру финансовой пирамиды выгодно, чтобы ее акции продолжали расти. Вспомним, что когда гражданина Мавроди привлекли к ответственности, в его защиту митинговали им же обманутые и ограбленные акционеры МММ. Почему? Потому что для них единственным шансом отыграть потерянные при падении пирамиды средства было возрождение пирамиды. Точно так же Китаю как одному из стратегических кредиторов США, располагающему огромным объемом долларов и американских ценных бумаг, совершенно не выгодно, чтобы вся эта финансовая масса превратилась в прах. Да, Китай знает, что США и не хотят, и не могут обеспечивать эти бумажки реальными ценностями. Но зато их пока обеспечивает реальными товарами и услугами остальной мир! Так кто же будет ради удовлетворения политической амбиции объявлять США банкротом, экономически разорять себя и превращать в макулатуру те валютные накопления, на которые сегодня можно покупать все, начиная от нефти и природного газа и заканчивая патентами, лицензиями и технологиями? Поэтому в стабильности и дальнейшем расширении долларовой пирамиды более всех оказываются заинтересованы те страны, которые более других в нее вложились и накопили наибольшие долларовые запасы и, тем самым, стали ее заложниками.

Вторая причина устойчивости долларовой пирамиды состоит в том, что она работает по хорошо знакомому России коррупционному принципу откатов. Определенная доля получаемых от финансовой долла-

ровой аферы сверхприбылей постоянно идет на подкуп чиновников и правительств национальных государств в форме премий, грантов, программ экономического консультирования и иных вознаграждений. Правительства соглашаются проводить «экономические реформы», разорительные и губительные для национальных экономик своих стран, по той простой причине, что создавшая долларовую финансовую пирамиду мировая олигархия попросту берет их в долю. Соответственно правительства превращаются из элит суверенных наций в локальные администрации единой общемировой капиталократической системы. Долларовая пирамида становится источником их сверхдоходов. Свои личные накопления они также хранят в долларах как мировой валюте. Соответственно в сохранении, укреплении и расширении долларовой пирамиды они также кровно заинтересованы. А поскольку мировая капиталократия имеет на сегодня не сопоставимые ни с кем возможности как вознаграждения, так и наказания, для любого представителя местной государственности интеграция в капиталократическую систему, безусловно, является выгодным и прагматически оправданным решением, а отказ от этой интеграции может привести только к негативным последствиям как с точки зрения личного благосостояния, так и с точки зрения политического веса и влияния.

Наконец, третья причина устойчивости долларовой системы состоит в тех качествах, которые отличают ее от банальной пирамиды типа МММ. Для того чтобы понять суть этих отличий, нужно представить себе ситуацию, в которой акции МММ были бы признаны единственным законным платежным средством, т. е. получили бы статус денег сначала внутри страны, а потом и за ее пределами. Нужно представить себе ситуацию, в которой все, начиная от хлеба и китайского ширпотреба и заканчивая стратегическим сырьем и технологиями, продавалось бы только за акции МММ. Только в этом случае мы приблизимся к пониманию того, насколько организаторы мировой долларовой пирамиды смогли сделать все население Земли заложниками своей системы и ее стабильности. Но и это еще не все. Для того чтобы построить полноценную модель долларовой системы, нужно еще представить, что после того, как финансовая пирамида типа МММ придала своим акциям статус единственного законного средства расчетов, она приватизировала армию, полицию, суды, систему образования, прессу и т. д. — т. е. всю полноту государственных институтов. Нужно представить себе ситуацию, в которой роль правительства и судов стала выполнять администрация этой частной коммерческой пирамиды, а полиция и армия были бы замещены ее корпоративными охранными структурами.

На самом деле крупнейшая мировая супердержава — США — уже давно не является буржуазно-демократическим национальным государ-

ством. Как было отмечено выше, уже в ходе «рузвельтовских реформ» государственная машина США поправа базовые для буржуазной демократии экономические права граждан, а уж после провокации 9/11 гражданские и личные права американцев и вовсе были ликвидированы. Современные США как государственный аппарат превратились в аппарат прямой диктатуры узкого круга финансовой олигархии, фактически — в «шкурку» треста частных банков — ФРС. Соответственно, активная агрессивно-экспансионистская внешняя политика США ничего общего не имеет с обеспечением внешнеполитических, геополитических и экономических интересов американского народа. Это не национальная экспансия янки и даже не старая геополитическая талассократия. Агрессивная мировая экспансия США является исключительно орудием в руках индифферентной к интересам национальных и геополитических субъектов мировой транснациональной капиталократии. Самим США в рамках этой системы предписана всего лишь роль инструмента, который, кстати, может быть вполне заменяем.

Со времени падения двуполярной мировой системы, основанной на военно-стратегическом паритете США и СССР, и установления монополярной мировой власти финансовой олигархии, международная политика утратила правовые формы и приобрела черты открытого военно-криминального диктата. То, чего финансовая долларовая пирамида не может достичь мошенничеством, восполняется прямым силовым давлением военных сил США и НАТО, ведущих себя в последнее время как силовая структура захватившей мир корпорации частных банков.

К примеру, ежегодно внешний долг США продолжает расти. Сегодня государственный долг США уже составляет 11,9 трлн дол., т. е. 84,1% ВВП США, причем даже эта астрономическая сумма включает только долги федерального правительства и не включает долги правительств штатов, корпораций и т. д. Всем и каждому очевидно, что США и не могут, и не имеют ни малейшего намерения этот долг возвращать. Почему же целый ряд стран продолжают выделять кредиты и давать свои ресурсы «в долг» американскому монстру? Ответ очевиден: потому, что под благопристойным наименованием выделения кредитов давно осуществляется банальный мировой рэкет. Целый ряд стран, выделяя «кредиты» США, прекрасно отдают себе отчет в том, что данные «в долг» деньги они никогда и ни при каких условиях не получают назад. Это банальная дань, которую они выплачивают мировой олигархии под угрозой «миротворческого» террора армии США и ее поделщиков по натовскому блоку.

Другой пример: продажа нефти за доллары. Как уже было показано выше, нынешняя система построена так, что выпускающая доллары частная корпорация в результате «мировой торговли» присваивает невос-

полнимые природные ресурсы, в том числе нефть, по себестоимости выпуска бумажных долларовых банкнот или даже и вовсе по нулевой цене, если используются «электронные деньги». Схема проста. ФРС печатает доллары в потребном для себя количестве и дает их в долг под процент американскому правительству, которое на эти бумажки приобретает нефть. Соответственно экспортеру нефти остается либо складировать эту бумагу на своих счетах, либо искать третье лицо, признающее доллары в качестве средства платежа и готовое в обмен на них поставлять какие-либо реальные товары. Разумеется, экспортеры нефти не могут не понимать суть этой несложной мошеннической схемы. Они понимают, что отдают стратегическое невосполнимое сырье Америке даром. Почему же они это делают? В большинстве случаев это происходит потому, что правительства сами находятся в доле и отождествляют свои интересы не с интересами страны, а с интересами мировой капиталократии, региональными филиалами которой они, собственно, и являются. В тех же случаях, когда правительства стран-экспортеров нефти сохраняют национальный характер и отождествляют свои интересы с интересами своих народов, мировая капиталократия принуждает их отдавать нефть в обмен на крашеную бумагу прямой угрозой военной агрессии. Например, одна только угроза со стороны Ирана создать биржу, продающую нефть за евро, а не за доллары, в 2007 г. едва не привела к развязыванию США мировой войны. В результате прямой угрозы вторжения Иран был вынужден отказаться от этих планов и продолжить продавать нефть за доллары. Как видим, монополия доллара в качестве валюты на мировом сырьевом рынке, являющаяся способом *безвозмездной экспроприации* мировых запасов сырья мировой капиталократией, поддерживается далеко не только экономическими средствами, но и прямой военной угрозой, т. е. путем открытого силового грабежа.

Литература

1. *Карасев Д.* Банки-убийцы // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/karas/banki.php.

Д.Ф. ПИГИН

Мир-экономика в нравственном измерении

Аннотация. В статье обосновывается необходимость использования нравственного критерия в рамках традиционного экономического анализа.

Ключевые слова: мораль, духовность, культура, наука, хозяйство, экономика, рынок, традиция, Постмодерн.

Abstract. It is stated in the article the necessity of using moral and ethical criteria in the context of traditional economical analysis.

Keywords: morality, spirituality, kulture, science, economy, market, tradition, post modernism.

1

Что есть человек? И чего больше в его модели — того, что от Бога-Творца (альтруизм, деятельное сопереживание ближним и дальним, жизнь за други своя), или доставшегося ему от Лукавого (эгоизм, приоритет личной пользы)? Этими философски окрашенными вопросами начинается речь в современных учебниках по теоретической экономике, предваряющая исследование алгоритмов экономического поведения людей в мире редких ресурсов. При этом мейнстрим в современной науке, и в частности, экономике, отдает предпочтение отнюдь не «божественной искре» в трактовке экономического поведения — на том и воздвигнуто главное здание современных научных концепций: все альтруистические мотивы словно выносятся за исследовательские скобки, хотя сам эгоизм в «человеке экономическом» трактуется как разумный и никто ведь не отрицает того обстоятельства, что человек в свое время выделился из полуживотного состояния именно благодаря обретению в себе «человечности». Оглядываясь ныне на человека прометеевско-фаустовского склада, сколько бы скепсиса ни приносилось сейчас в дискредитацию этого образа адептами постмодернизма (что свидетельствует, разумеется, не о наступившем «прозрении», а скорее об интеллектуальной растерянности перед «цветущей сложностью» сегодняшнего миропорядка), упомянутое «фаустовское» начало в каждом думающем человеке «устареть» не сумеет, ибо, проверенное положительной исторической практикой на соответствие Истине, оно стало уже неотъемлемой частью его подсознания. Если по неведомым нам причинам человек и задумал бы вдруг отказаться от желания соответствовать образу и подобию Божию, он не смог бы уж этого сделать, а значит, не может «стареть» и весь просвещенческий дискурс, связанный с понятиями прогресса и исторического оптимизма, с возможностями реализации человека как творческой личности.

Между тем непредубежденно присматриваясь к многочисленнейшим коллизиям на всех этажах российской, да и мировой общественной жизни, ощущая себя непосредственно вписанными в этот общий контекст, мы, во-первых, не можем не видеть существенных расхождений между жизненным поведением и требованиями морали, а во-вторых, все более склонны внутренне принимать эти расхождения как норму, как некую

объективную данность¹⁷. Объяснение одно: надо же «выживать», «приспосабливаться», тем более что всегда наготове утешительные объяснения типа «все же так делают», а применительно, скажем, к политике — что это всего лишь «искусство возможного», где декларации о намерениях не гарантируют исполнения последних, где существуют нарядная сцена и закулисье с особой корпоративной этикой и актеры уже по определению выступают некими «игроками». То же и в экономике: игра, игры, игре, игру, игрою, об игре, когда в правила превращаются «игры без правил». Современный фольклор реагирует на все это примерно так: «Едва заслушим о морали, / Дивимся: ба! Еще не обобрали!». Отсюда же, надо думать, и амбивалентность сознания, и двойные стандарты, абerrации и паллиативы разного рода, и неточные дефиниции, сопряженные с искажением смысла, и еще многое, чем полнится нынешнее дискуссионное поле, что затмевает картину мира, делает ее непрозрачной, в конечном же счете, утверждая всеобщий релятивизм, работает на размывание границы между злом и добром.

Ю.М. Осипов, анализируя подобное мироощущение с точки зрения смысложизненных ценностей, квалифицирует это как «пришествие Постмодерна»: «Мир, который пуст — мир-оболочка, мир-футляр, мир-фикция, который подлежит постоянному импровизационному и имитационному наполнению со стороны его же создателя — человека... мир без тени сомнения, без совести, без нравственных оков... Одно дело — мир как реальность, совсем другое — мир как симулякр» [1, 59, 76].

По данным сравнительных социологических исследований Института социологии РАН, меняется к худшему социокультурный код нации, представление ее о себе — так называемый автостереотип: такие базовые ценности или качества, как честность, взаимовыручка, доброта и прочие в том же ряду все более замещаются на противоположные, а если присутствуют, то скорее лишь в качестве тоски по уходящему идеалу. Можно в чем-то не согласиться, но тенденция налицо, и было бы нелепо закрыть на это глаза, впадая в прекраснотушие.

Поистине разруха всегда начинается в головах, как справедливо выразился булгаковский герой. Вот и нынешний финансовый кризис (точнее сказать — системный), из которого только еще предстоит себя вытаскать, начался ведь с того допущения в сознании индивида, что долги

---

¹⁷ *Мораль, этика, нравственность* рассматриваются в данной статье как синонимы. Есть, однако, смысловые оттенки: мораль, как правило, подразумевает наличие внешнего оценивающего субъекта (других людей, общество, церковь и т. д.), нравственность в большей мере ориентирована на внутренний мир человека и его собственные убеждения.

кредитору можно не отдавать, а банкир в свою очередь вознамерился получить маржу из деривативной фиктивности, то бишь «из воздуха», в итоге же оба перехитрили не только себя, но и общество. Примеры такого рода, и не только, конечно, из сферы финансовики, к которой сейчас по понятным причинам проявляется особенный интерес, каждый может продолжить во множестве, достаточно вспомнить, скажем, российскую практику ваучерной приватизации или пресловутых залоговых аукционов. Воздерживаясь здесь от крайних оценок в отношении подобных практик, уместно будет напомнить высказывание Льва Толстого о том, что разумное и нравственное всегда совпадают. Или перефразируя: все, что безнравственно, то неразумно (нерационально, если использовать «экономический» термин). И следовательно, если и вправду мы не хотим пребывать в атмосфере иррационального, говоря «нет» тем самым апокалиптическим сценариям будущего, мы встаем перед жесткой необходимостью *перестроения*, этого императива текущего времени (термин предложен университетским сообществом) как на уровне индивидуального, так и массового сознания. Есть все основания для такого перестроения, пока сохраняется характерная для исторической России культурная матрица. Если принять, далее, что сознание вторично по отношению к экономической реальности (данный тезис достаточно спорный!), то, как бы ни парадоксально на первый взгляд это выглядело, «телегу надо поставить впереди лошади», иначе останется лишь сложить руки. Политическая воля сегодня, будем считать, имеется, стратегические задачи в экономическом плане поставлены, мы хотим лишь сказать в данном случае, что нужна и «мобилизация Духа», или, как говорится в резолюции декабрьского (2009) университетского форума, необходима Россия «не произвольная, не стихийная, не распыленная, не инертная... а Россия организованная, сосредоточенная, с мобилизованным и разбуженным к действию созидательным потенциалом». Да и доколе же, как вороне куста, нам пугаться мобилизационных моделей? Либерально-рыночная демобилизация провальная 1990-х, будем надеяться, чему-то да научила.

В свете методологических подходов, предложенных философией хозяйства как перспективной отраслью современного гуманитарного знания (экономика — «сама жизнь»), мы попытаемся ниже высветить хотя бы некоторые аспекты темы «Экономика и мораль», не остерегаясь возможных публицистических моментов и не забывая при этом, что нравственные нормы традиционного российского общежития, как, соответственно, и представления о грехе, о социальной несправедливости, восходят к Христовым евангельским заповедям.

Как ни парадоксально, приходится аргументировать вполне очевидный тезис о том, что «чистой» экономики вне морали не существует, как не существует любых решений, принимаемых в здравом уме без расчета ожидаемых последствий со знаками «хорошо» или «плохо». Экономический выбор — он же всегда и нравственный. Осознание этого очевидного обстоятельства приводит к разграничению экономической науки на позитивную ($2+2=4$) и нормативную, предполагающую уже оценочное суждение нравственного порядка, но это разграничение с самого начала условно, ибо нет экономики вне хозяйствующего субъекта с его целеполаганием: да, брошенная в воду щепка, безусловно, всплывет, но лишь в том единственном случае, если кто-нибудь ее бросит.

В качестве иллюстрации к сказанному процитируем обращение известных американских экономистов Р. Хайлброннера и Л. Тароу к своим читателям:

«Экономика вещь простая. Можете улыбаться сколько угодно. Конечно, у нее есть свои технические трудности, темные зависимости, свой научный жаргон. Но нам бы хотелось, чтобы читатель...извлек один урок. *Реальные проблемы нашего времени зависят не от экономических сложностей, а от политических и моральных ценностей, которые всегда присутствуют в наших экономических решениях.* Экономика — тот язык, на котором мы говорим о функционировании и возможностях нашей системы, но не она определяет ценность самой системы или решает, какие ее элементы сохранить, а какие изменить. *Основой общества остаются политика и мораль — наша коллективная воля и личные системы ценностей.* Исход нынешнего кризиса будет отражать силу этой воли и сущность этих ценностей» (выделено нами. — Д.П.) [2, 254]. Здесь возникают вопросы к самим себе. В самом деле, нужно ли тратить так много слов для уяснения сути рыночной экономики, если найдено самое главное слово — контрактная, за которым скрывается нравственно-философская максима: «обещай выполнимое и выполняй обещанное!»? А когда мы по давней привычке ищем виновников разного рода кризисов, не стоит ли вспомнить другую моральную максиму: «врачу — исцелился сам!»?

Проблемой утверждения в общественном сознании темы религиозной этики применительно к сфере хозяйственно-экономической деятельности активно занимается в наши дни Русская православная церковь. По признанию ее главы патриарха Кирилла, представления об основах деловой и хозяйственной этики в духовном их понимании были до последнего времени абсолютно недоступны большинству россиян.

Однако картина постепенно меняется: сам патриарх Кирилл и другие церковные иерархи выступили инициаторами разработки «Основ социальной концепции РПЦ» и такого важного документа, как «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», одобренного Всемирным русским народным собором, а в его лице широчайшей общественностью, включающей нерелигиозных людей и представителей неправославных религиозных общин. Воспитанию в обществе деловой этики и культуры трудовых отношений способствовали также широкопредставительные конференции, например, «Православие и экономическая этика» и др. Обращаясь ко всем субъектам экономической деятельности, церковь дает им «нравственное лекарство», а каждый уж волен решить, насколько здоровым быть выгоднее, чем больным.

Наряду с нравственностью, другим ключевым понятием наших заметок является экономика, чье смысловое поле, как видим, включает в себя целый пласт *неэкономического*, не укладывающегося в тесные рамки традиционно принятых дефиниций. По С.Н. Булгакову, экономика не есть нечто самоценно-довлеющее: она призвана быть несущей конструкцией для духовных форм культурного творчества — науки, искусства, философии, религии — удовлетворяющих высшие потребности человека в истине и красоте, быть только *средством* для устроения достойной жизни человека именно как духовного существа. Если же материальная культура («экономика») подчиняет себе культуру духовную и тем более начинает диктовать ей свои правила «коммерческих игр», взвешивать духовные ценности на весах чистогана и отношений купли-продажи — такая культура неизбежно начнет деградировать, а сама экономическая жизнь лишится нравственной почвы. Вывод вполне очевиден: подлинно рациональная экономика, ориентированная на здоровое телесное и, главное, духовное развитие людей, предполагает не культ количества и излишества в мире социальных контрастов, не человека как одномерного безответственного потребителя, а человека как созидателя и творца при разумном самоограничении материальных запросов в целом.

С позиций экономики будущего — той, что, будем надеяться, сбросит путы иррационализма и заслуженно сможет назвать себя *ноосферной* — должна быть, по-видимому, переосмыслена и чисто меркантилистская трактовка понятий экономической эффективности и критериев оптимальности как минимизации стоимостных издержек, в том числе и на заработной плате, заставляющая в конечном счете «экономить» на природе и человеке в целях повышения конкурентоспособности производства. Дело в том, что объективную ценность природы и человеческой жизни (любви, дружбы, уважения в коллективе и проч.) в денежно-стоимостной форме оценить невозможно в принципе, и под-

линой мерой эффективности в данном случае (*социальной*, а не экономической только) могли бы стать такие, например, показатели, как 1 м³ чистой воды или 1 человеко-день полноценной здоровой жизни. В то же время финансовое ростовщичество, например, в отличие, скажем, от образования, должно квалифицироваться как деятельность неэффективная, т. е. неценная и затратная, а хозяйственная деятельность в целом («экономика») безоговорочно должна выступить органической частью всеобщего мира культуры (повод уже сейчас поразмыслить об остаточных принципах финансирования). В рамках того же подхода следует переосмыслить и принятую концепцию «худого ведра» в экономике, когда соотношение эффективности и справедливости сплошь и рядом трактуется явно не в пользу последней и на долю ее приходится тот же остаточный принцип. Коли так, то расхожему выражению «надо делиться» важно дать все права аргумента. То же относится к приоритетам финансовых показателей над технологическими аспектами при эксплуатации сложных промышленных объектов повышенной потенциальной опасности, в частности, энергетических, ибо ставка здесь — сама жизнь человека. Как пишет Г.А. Родина, современной компании «необходимо научиться влиять на персонал с помощью культурных и нравственных ценностей... Недооценка предпринимательской этики в XXI в. может стать фатальной» [3, 93].

Выше мы попытались немного заглянуть в будущее, пусть и гипотетическое, но был бы логичен в связи с нашей темой и некоторый экскурс в экономическую историю, точнее, в историю экономической мысли. Это прежде всего почти двухтысячелетний «аристотелевский период», когда экономическая мысль, будучи частью морально-философских представлений традиционного общества, складывалась под влиянием религиозных пророков и мыслителей, древних философов-моралистов, средневековых юристов и богословов. Здесь специально отметим лишь хрематику Аристотеля, дискуссии о «справедливой цене» и распространенный постулат неприятия алчности, в первую голову — ростовщичества (законодательная отмена запретов на взимание процентов в ведущих странах Европы произошла лишь в XVI — XVIII вв.). С изменением общественных условий и утверждением позитивного знания, апеллирующего к реальному опыту, т. е. науки в ее современном значении выраженный интерес к этической проблематике не угасал, больше того, он нашел воплощение в трудах основоположников этой науки, и в частности, первого ее классика А. Смита, шотландского профессора моральной философии (его ответ Мандевилю, концепция «невидимой руки» рынка и др.). Дольше, к примеру, актуально звучат суждения Дж.Ст. Милля в отношении института частной собственности, его нравственной, так скажем, оправ-

данности. Будучи противником социалистических рецептов общественного переустройства, он еще в XIX в. писал: «Общественное устройство современной Европы берет начало из распределения собственности, которое было результатом не справедливого раздела, а завоевания и насилия... главной целью стремлений при нынешнем состоянии общественного развития является не ниспровержение системы частной собственности, но ее улучшение и предоставление полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах» [4]. Этическое начало нашло яркое выражение в марксизме, в интеллектуальном наследстве немецкой исторической школы, да и на всех этапах развития экономической науки вплоть до нынешних дней идея движения к социальной гармонии через познание тайн существующего миропорядка определяла и вдохновляла научный поиск истинных ученых, будь это критики капитализма или его защитники. Наука по отношению к нравственности сама по себе нейтральна, но не могут остаться нейтральными люди, ее творящие. Не имеют такого права. Те же, кому дано право принять политическое решение, должны постоянно слышать их голос, чтобы не вышло «разговора глухих». И не случилось бы «нового курса» у Рузвельта, если бы не было Кейнса. Если же политическая элита, подобно свите, лишь на то и способна, чтобы «играть короля», король сам рискует остаться «голым».

3

«Одно из противоречий современной мир-экономики, — пишет П.С. Лемешенко, — лежит в плоскости столкновения денежной экономики и ее доминирующей спекулятивной нормы поведения с нравственно-этическими и моральными ценностями человека» [5, 81]. Российское перестроение и все, что с ним связано, что у всех сейчас на слуху — инновации, производительность, качество, диверсификация, энергоэффективность — это еще и *преображение морального климата общества*, или, как мы рискнули предположить, логичное следствие столь ожидаемого преобразования. Может ли, спросим так, выглядеть в наши дни утопичным сам проект достижения нравственного единства (с политическим или идеологическим — явно сложнее)? Думается, что нет, ибо сохраняется, повторим, общекультурная матрица как залог такого единства и большинству людей с самого детства известно (мама этому учит), что воровать — это плохо, а неравнодушным быть — хорошо и т. д. Проблема лишь в том, чтобы знание стало действенным, не осталось бы «номинальным», но это уже вопрос целенаправленного, структурированного воспитания (отсутствие такового — тоже ведь воспитание, только с обратным знаком). Сама же мораль в чьей-либо «защите» и не нуждается, умея очистить себя от искусственно ей навязываемых конно-

таций, как это было у нас, к примеру, с попытками вынудить некую «другую мораль» в 1920-е, послеоктябрьские, годы прошедшего века («Руси уходящей» уйти от себя же самой в глубинном народном сознании не получилось). Нравственный общественно-психологический климат в стране и политико-идеологический отнюдь не тождественны, хотя последний, наверное, может и хочет претендовать на роль «первой скрипки». Вот и сегодня, в условиях кризиса многих базовых ценностей, традиционной морали несладко приходится, но это, мы видели, для нее не впервой. Речь, по сути дела, о следующем: либо мы сохраняем себя как *народ*, что и означает как раз наличие прочных нравственных скреп, либо довольствуемся функциями «электората» в рамках оплаченных выборных технологий. Но, может быть, сами моральные ценности объективно устаревают, становятся менее актуальными по мере стремительных изменений темпа и качества жизни в мире новейших научно-технических достижений? На этот вопрос можно ответить вопросом же: простительно ли становиться кому-то «менее честным», если он пользуется, например, Интернетом? Изменения, в том числе и в сознании, неминуемы, да — речь о том, чтобы выбран был правильный вектор.

Еще вопрос: можно ли сделки с нравственностью, столь, казалось бы, спрятанные от публичного обозрения, выразить чисто экономическим языком? Да, безусловно, стоит лишь обратиться к статистике, в том числе и сравнительной (покуда последняя не научилась еще «прятаться в тень», подобно зарплате). Возьмем для примера уплачиваемый всем обществом негласный коррупционный налог, который, по подсчетам аналитиков, тянет сегодня в России на 250 млрд дол. чистого барыша ежегодно, а среднеарифметическая взятка низовой, самой вездесущей коррупции подскочила до 27 тыс. р. (и тут снова вопрос, что «первично»: сначала платить, а потом уже думать о нравственности, или все же наоборот — сперва с ней посоветоваться?). «Ну а... в мировом масштабе?» — вспомним Петькин наивный вопрос из к-ф «Чапаев»? А в «мировом масштабе» имеем сейчас необеспеченный долг (финансовый виртуальный пузырь) в целых 7 трлн дол. — гигантскую разницу между совокупностью денежной массы всех государств и ценой материального производства. Ханжеский принцип «и Богу, и мамоне», безусловно, живуч и на Западе, хотя трудолюбие, да и прочие протестантские добродетели тоже достаточно живы в сознании и мошенник, как правило, не избегает тюрьмы, а католическая Италия, например, может явить образец эффективной борьбы с коррупцией (операция «чистые руки»). «О, — возразят, — у них правовое государство!» Что ж, а у нас зато есть понятие греха, что даже выше гражданских установлений, так как предполагает Совестьный суд (по Г.П. Федотову, государственный закон есть «несовершенное выраже-

ние нравственного императива»). Тем не менее мы, российские, предпочитаем в значительной своей массе «переходить улицу на красный свет», т. е. «жить по понятиям». Может быть, снова повысить зарплату чиновникам и умножить количество бонусов «ничего не предпринимающим предпринимателям»? Впрочем, дело слишком серьезно, чтобы пытаться иронизировать или, хуже того, выдавать желаемое за действительное, так как речь идет здесь о самосохранении общества. По мнению политолога и публициста В.Д. Попова, тип российской коррупции «представляет собой отдельный, отрицательный цивилизационный феномен... ставший осью имущественных, иерархических, деловых и даже повседневных межличностных отношений» [6, 135].

Выход из ситуации ясен: *наша коллективная воля* (см. процитированное ранее). «Наша» — значит, не только и даже не столько воля элиты. Здесь мы приходим к понятию *национальной идеи*, которое не является конъюнктурным и рождается лишь в процессе осознания народом, государствообразующим в первую очередь (в нашем случае — русским), своих прав и интересов, а также отстаивания их. И тогда, как свидетельствует история, многие проявления социального зла могут быть вытеснены самим ходом вещей, культурной и интеллектуальной революцией, стоит лишь подождать накопления ее предпосылок до уровня критической массы. Но может быть, Россия уже «устала» от революций? По мнению Президента РФ Д.А. Медведева, высказанному в одном из его интервью, «энергия жить» и «внутреннее желание людей изменяться», сохраняющиеся в нашем обществе, несмотря на все испытания, выпавшие на долю страны в XX-м столетии, должны стать гарантией всесторонней модернизации, но уже не насильственной, не «из-под палки», а принятой и осознанной добровольно.

Как констатировалось в выступлениях участников университетского форума, российская экономика, наследуя не преодоленные еще до конца негативы 1990-х гг. и особенно проявившиеся в нынешних кризисных обстоятельствах, остается проблемной. Это, в частности, болезненный комплекс проблем, связанных с поиском эффективного собственника и защитой его прав, с ликвидацией рейдерства, социальной ответственностью крупного бизнеса, эффективностью антикризисных мер, государственной поддержкой села и малого предпринимательства, созданием современной производственной инфраструктуры и др. И, конечно же, это «проблема проблем» — совершенствование структуры отечественного производства, чтобы не оставаться на «сырьевой игле». Все эти проблемы, и в том главная наша мысль, невозможно успешно решить без решения другой «проблемы проблем» — перестроения общественного сознания в духовно-нравственном плане, что, наряду с совершенствованием правовой базы, потребует создания всех необходимых ин-

ституциональных условий, и в первую очередь — качественных изменений в культурно-образовательной сфере (это отдельная тема). Заметим еще раз, что правовой статус успешно работает там, где его действенность одобрена и совпадает с моралью, и, наоборот, без законодательного закрепления нравственность «размывается».

Итак, применительно к экономическим отношениям *нравственный критерий*, наряду с социальным (они нераздельны), должен стать главным, решающим и рассматриваться как важнейший ресурс, будь это отношения собственности и распределения, налоговая практика, вопросы ценообразования, качества, инноваций, развития — все, что пронизывает ткань современного производства. Собственно, это давно уже понято любой уважающей себя фирмой, желающей экономить на транзакционных издержках. Достаточно, например, вспомнить известную программу «человеческих отношений» в США или закон о рабочих самоуправлениях в Германии (показательная деталь: на ежеквартальных собраниях производственного коллектива высшие менеджеры сидят не на сцене, а в общих рядах, дожидаясь, когда рабочий совет вызовет их к трибуне для справки). Есть, наконец, и успешный советский опыт стимулирования трудовой активности с помощью моральных стимулов, из которого надо только уметь выбрать лучшее.

И в заключение. Нередко в ученых собраниях и с официальных трибун приходится слышать: «рыночная экономика», «централизованно-плановая», «инновационная», «сырьевая», «затратная», «умная», «экономная» (даже такая есть!), но часто ли доводится слышать о «моральной экономике», или это по умолчанию как-то несочетаемо и подходит больше для дамских гостиных?¹⁸ Вопрос: почему? Не потому ли, что внутренне согласились: экономика — это хлеб (кто бы спорил!), а мораль — только сладкий десерт, без которого можно-таки обойтись? В одном из отличных советских фильмов его герой, производитель, так разделяет своих сослуживцев: «порядочный человек», «непорядочный человек». Согласимся, что безотносительно к профессиональным их качествам или политическим взглядам это уже аттестация, ибо ясно, с кем можно «пойти в разведку». Сегодня, как и вчера, выбор остается за каждым. Именно в духовно-культурной, ценностной сфере видится путь к возрождению России как великой державы и достижению материального благополучия ее граждан.

---

¹⁸ Истины ради нужно признать, что термин «нравственная экономика» уже входит сегодня в научный оборот благодаря работам В.М. Симчера, Д.С. Львова, А.М. Миняйло, Г.Г. Мирошниченко и ряда других отечественных аналитиков, работающих в данной теме.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.
2. *Хайлбронер Р., Тароу Л.* Экономика для всех. Тверь, 1994.
3. *Родина Г.А.* Социальные инновации: эффективность справедливости или справедливость эффективности? // *Философия хозяйства.* 2009. № 4.
4. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии. М., 1981.
5. *Лемеценок П.С.* Инновационный пат, или Все же нет ничего практичнее теории развития // *Философия хозяйства.* 2009. № 4.
6. *Попов В.Д.* Посткоррупционное общество // *Наш современник.* 2009. № 10.

Т.У. САДЫКОВ

Философия как основа анализа преемственности современных хозяйственных категорий

Аннотация. В результате исследования кругооборота капитала определяется его современный преемник инон. Категориальный аппарат инона показывается в виде ценности, генерации, приращенной ценности, информационной цены и целенаправленности.

Ключевые слова: капитал, инон, философия хозяйства, экономическая теория.

Abstract. As a result of this transformation a new central category of Political Economy inon arises as a successor of the capital. In the end scientific and practical significance of these transformation forms of inon are deduced, namely: value, increased value, generation, purposefulness and infovalue.

Keywords: capital, inon, philosophy of economy, economic theory.

Современная хозяйственная жизнь приводит убедительные факты превращения капитала и труда в информацию и знание. В этой связи раскрыть основные моменты такого превращения мы не можем без соответствующего философского фундамента. Подходя же к философскому фундаменту, мы должны подчеркнуть, что теоретические вопросы новой экономики и методологические основы информационно-категориального экономического анализа представляют собой исключительно сложную по глубине и широте крупную научную проблему современных экономических исследований.

Такая проблема на общественном и на индивидуальном, на научном и обыденном уровнях сознания сегодня твердо утвердилась не только в виде того, что труд и капитал превращаются в знание и информацию, но и в том, что традиционная инерционная промышленная экономика перевоплощается сегодня в инновационную постиндустриальную экономику. Для решения существа хотя бы одной из сторон такой магистральной научной проблемы у нас неизбежно возникают следующие три вопроса.

1. Можно ли в процессе экономического исследования методологических аспектов данной проблемы избежать основного вопроса философии?

2. Почему центральная категория «капитал» и его сопутствующие экономические понятия (стоимость, прибавочная стоимость, потребительная стоимость и т. д.) по своей сущности не устраивают экономическую теорию XXI в.?

3. Какие факторы повлияли на коренные и принципиальные изменения в структуре капитала?

До недавнего времени корректность постановки таких вопросов была бы сомнительной. Сегодня, думается, без ответа на них не обойтись. По данной проблематике в экономической теории сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, основной вопрос философии — это предмет отдельного научного исследования в области философии, с другой — обойти молчанием этот вопрос в данном экономическом исследовании, бесспорно базирующемся на философско-методологическом фундаменте, и не выразить собственной позиции означает пойти с самого начала по неверному пути.

Речь идет о том, какую исходную методологическую позицию занять в данном экономическом исследовании — материалистическую, идеалистическую или какую-то другую? С материалистических позиций написана масса интересных и результативных научных трудов, но жизненные реалии, как это ни парадоксально, говорят о том, что методами материалистического подхода до конца решить вопросы материальных потребностей не удастся.

Идеалистическая позиция также близка нам, и кажется, что только одним сознанием и силой воли можно удовлетворить и решить вопросы материальных потребностей. Однако и эта позиция имеет свои слабые стороны, поскольку без соответствующей материально-технологической базы о соответствующих материальных потребностях утверждать не приходится.

Вместе с тем, бесспорно, необходимо определить и обосновать конкретную *исходную* методологическую позицию *нового* экономического исследования, а именно: *первичным* выступает *всеобщая*

информация, а вторичным — материя и сознание. Материю и сознание мы выражаем как высшие превращенные формы всеобщей информации.

В качестве краткого обоснования (подчеркнем еще раз, что это вопрос отдельного крупного философского исследования, мы же здесь лишь определяем исходный постулат) отметим, что всеобщая информация выступает в качестве исходного начала материализации и дематериализации, кодирования и декодирования экономических процессов. Материя (вещь, масса, бытие) и сознание (идея, дух, воля) происходят от информационного начала и представляют из себя ее превращенные формы.

Более того, всеобщая информация является первоосновой пространства, времени, идеи, вещества (массы, материи), энергии и движения. Здесь информация выступает в качестве суперсубстанции этих шести фундаментальных категорий. Все эти реальные шесть категорий взаимосвязаны и взаимопревращаемы как единый безначально-бесконечный информационный процесс. В науке и в жизни рано или поздно логично должна была бы быть найдена одна единственная всеобщая и единая и одновременно безначально и бесконечно многоликая, разнообразная в формах и лицах категория.

Как бы ее ни называли — Бог, Троица, материя, энергия, абсолютная идея (Гегель), монада (Бруно, Лейбниц, Пифагор), апейрон (Анаксимандр), нус (Анаксагор), гилозое (Фалес), модус (Спиноза) и т. д., по своим свойствам, характеру и сути такие черты более всего подходят термину, слову, понятию и категории «информация». Она видима и невидима, ее остро ощущаешь и в то же время практически не чувствуешь. Она всемогуща, вездесуща и во вся и все превращаема.

Поэтому сделаем здесь промежуточное резюме о том, что методология и процесс экономического исследования в данном научном анализе строятся не на материалистических и не на идеалистических позициях, а на единой исходной информационной позиции видения всеобщей картины мира. Таким образом, сегодня в современных экономических исследованиях избежать основного вопроса философии невозможно и по этому поводу в форме постулата мы выразили здесь свою точку зрения.

Что касается второго и третьего вопросов, то отметим следующее. Сегодня современная хозяйственная практика убедительно показала, что информационно-интеллектуальные факторы оказали глубокое и всеобъемлющее влияние на коренные и принципиальные изменения в структуре капитала и создали тем самым самоиницирующую среду его превращения в новую категорию.

Назовем ее, например, инон — от первых двух букв слова «информация» и последних двух букв слова «нейрон». С учетом информационного фактора в условиях функционирования инона изменились также и внутренние, и внешние свойства товара. Из процесса кругооборота и оборота инона можно привести следующую всеобщую формулу инона:

$$\text{ЭДС} - \text{ИТИ} - \text{ЭД}^1\text{С}^1,$$

где ЭД представляются как электронные квазиденьги, С — самовыражение индивида (персонала), ИТИ — информация как товар и товар как информация, ЭД¹С¹ — рост самовыражения персонала (рост уровня самореализации его информационно-творческих возможностей) и саморазрастание электронной — квазиденежной массы (материальный прирост). Инон представляется как самоорганизующая, противоречиво-отражающая хозяйственные процессы, формообразующая экономическая информация.

В начале III тысячелетия затратно-стоимостная сторона инона приняла качественно новую — принципиально-незатратную — генерационную форму. Такая форма связана с превращением огромной массы затраченного, накопленного и флуктуирующего общественного труда в общественно-востребованную рутинно-творческую информационную деятельность.

Методологические аспекты теории информационной экономики, разносторонне раскрывающие характер инона в качестве современного *преемника* капитала, охватывают его категориальный аппарат. В этот аппарат входят следующие парные, носящие *преемственный* характер, категории: капитал — инон, стоимость — ценность, затраты — генерация, цена — инфоцена, прибавочная стоимость — приращенная ценность и потребительная стоимость — целенаправленность. Тем самым, вырисовывается сотовый характер инона (шесть ключевых тесно взаимосвязанных между собой категорий), который подвергается исследованию с информационной позиции видения единой картины мира.

В этой связи в логико-символьной форме булевой алгебры категориальный аппарат инона можно записать в виде следующего кода:

$$\forall \overset{\infty}{U} \overset{\infty}{I}_i \overset{\infty}{\exists} \overset{\infty}{U} \overset{\infty}{I}_i \overset{\infty}{C}_i \overset{\infty}{R}! \overset{\infty}{U} \overset{\infty}{H}_i \overset{\infty}{P}_i \overset{\infty}{U} \overset{\infty}{L}_i \text{ (код 1)},$$

$$ij \quad ij \quad ij \quad ij \quad ij \quad ij \quad ij$$

где $\forall$ — квантор общности; U — объединение множеств; $\exists$ — квантор существования; ∞ — бесчисленный, бесконечный; ij — j-й экономический процесс i-го информационного основания (поля, среды, структуры); I — универсальное множество, всеобщая информация; И — инон; С — ценность; R! — генерация; H — инфоцена; P — приращенная ценность; L — целенаправленность.

Информационная позиция видения единой картины мира в качестве основного сотового закона информационного единства может быть в логико-символьной форме отмечена следующим образом в виде кода 2:

$$\forall \overset{\infty}{U}_i^j \exists \overset{\infty}{U}\overset{\infty}{\mathcal{E}}_i^j \overset{\infty}{U}\overset{\infty}{D}_i^j \overset{\infty}{U}\overset{\infty}{M}_i^j \overset{\infty}{U}\overset{\infty}{P}_i^j \overset{\infty}{U}\overset{\infty}{T}_i^j \overset{\infty}{U}\overset{\infty}{\mathcal{Y}}_i^j \text{ (код 2).}$$

$$ij \quad ij \quad ij \quad ij \quad ij \quad ij \quad ij$$

Тем самым, по своей сути, данная форма в виде кода 2 отражает подвижную воспроизводимую кодовую структуру всеобщей информации. Здесь формализуется и подчеркиваются монизм наивысшей всеобщей информации и ее взаимосвязь со своими первыми шестью превращенными формами. В данном коде нами внесен шестой символ — форма — это «Я». Этот символ выражает дух, идею, нравственность, сознание, волю, разум и мысль, воплощенные в идеальной форме всеобщей информации. Тем самым, в коде 2 суть информационной позиции видения единой картины мира четко выражается в первичности всеобщей информации — *I* и вторичности материи — *M* и сознания — *Я*. В коде 2 указанные символы означают первые превращенные формы всеобщей информации: *Э* — энергия, *Д* — движение, *М* — материя, *П* — пространство, *Т* — время, *Я* — идея.

Из кода 2 первичный характер всеобщей информации можно, условно, выразить следующим образом, а именно: *всеобщая информация во времени* всегда самосохраняющаяся (накапливающаяся) и самоизменяющаяся (обновляющаяся), с различной скоростью (*движение*) проникающая в любой уголок *пространства*, принимающая бесчисленное множество всевозможных *материально-идеальных* форм и метаформ и превращающая *энергию* из одной разновидности в другую.

Итак, под гносеологической стороной инона, следует понимать следующие два обстоятельства:

- 1) в структуре материализации и дематериализации хозяйственных процессов имеет место кодированно-декодированный смысл экономического познания;
- 2) путь познания экономической истины определяется на основе информационной позиции видения единой картины мира.

В процессе исследования современных хозяйственных процессов центральная категория «инон» подвергается анализу как многообразие в единстве и как единство в многообразии. В этой связи первая сторона инона демонстрирует то, что в его единой сущности воплощается многообразие взаимосвязанных информационно-экономических качеств.

К ним следует отнести: во-первых, свойства всеобщей, общей и особенной экономической информации; во-вторых, принципы самоорганизации нелинейных хозяйственных структур; в-третьих, внутренние и внешние экономические отношения производственно-

коммерческих образований; в-четвертых, процессы и закономерности формообразования; в-пятых, адаптивные свойства хозяйственных структур, стремящихся удержать и сохранить детерминированное устойчивое экономическое состояние; в-шестых, генератор форм разрешения различного рода экономических противоречий.

Вторая сторона икона показывает, что от его единой сущности исходит многообразие различных превращенных экономических форм. К таким формам можно отнести: ценность, приращенную ценность, генерацию, целенаправленность, инфоцену и т. д. Тем самым, икон анализируется на основе теоретического понятия «информация» и предстает как ее превращенная форма. Все исследования ведутся вокруг центральной экономической категории «икон». В этой связи следует искать ответы на вопросы: как возникает икон, как его исследовать, в каких формах он предстает, каковы его эффективность и практическая значимость.

Традиционный экономический стиль мышления пока не воспринимает информацию как ключевой интегрированный ресурс, а также и то, что она глубоко и всеобъемлюще вошла во все структуры современной хозяйственной жизни в качестве решающего фактора. Поэтому на первый взгляд кажется, что от применения информации в производстве получается нечто вроде дополнительного эффекта (результата), дополнительной прибыли или дополнительного роста производительности труда.

С позиции же научного информационного подхода под применением информации в производстве следует понимать ее как единственный, всеобщий и всеобъемлющий фактор общественного производства и потребления. Иначе говоря, информация, воплощаясь в традиционных трудовых, сырьевых, материальных, энергетических, природных, финансовых, технологических, организационных и других ресурсах, поднимает их до качественно нового совокупного резонансно согласующегося суперсовременного ресурса.

Поэтому информационный ресурс в едином лице имеет двоякий характер: с одной стороны, он может быть сугубо информационным, в так называемом первоначальном своем виде, с другой стороны, выступает в превращенных и перевоплощенных формах и метаформах разнообразного экономического потенциала. Кроме того, под информацией в экономике следует понимать все многочисленное, точнее бесчисленное множество ее производных форм и метаформ — таких, например, как высокие информационные неотехнологии, информационный продукт, информационная культура, информационные отношения, информационные законы, информационные противоречия, информационный стиль мышления, информационный образ жизни, информационная постинду-

стрия, информационно-интеллектуальная деятельность индивида, информационный человек, информационно-товарное производство, информационные потребности и информационно-интенсивный инновационный тип экономического роста и воспроизводства и т. д.

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*.

1. Фундаментальная направленность информационного *мировоззрения* в современных экономических исследованиях приобретает все более глубокий и всесторонний характер.

2. Именно в соответствии с информационной позицией видения *единой картины мира* можно научно обосновывать превращение и перевоплощение традиционного капитала в современную центральную категорию под названием «инон».

3. С научных позиций современную хозяйственную жизнь в новом мире можно плодотворно анализировать на стыке философии и новой экономики; именно там следует искать обоснование и развитие категориального аппарата современного информационного общества.

В.В. РЫШКУС

Валовое сбережение или сбережение души: взгляд на проблему развития России

Аннотация. В статье ставится проблема развития, и автор приходит к выводу о невозможности ограничения рассмотрения этой проблемы в рамках экономического анализа. Раскрывается содержание, сущностное проблемы экономики и хозяйства, позволяющие понять, как сберегается душа в хозяйстве, и почему этого не происходит в экономике.

Ключевые слова: развитие, благосостояние, хозяйство, экономика, сбережение души, труд, разделение труда.

Abstract. In this article a problem of development is arisen, and the author makes a conclusion about impossibility of approach limit by economic analysis. The key content of the problem of household and economics is shown, and everybody can understand how the soul saves in the household and why it doesn't occur in the economics.

Keywords: development, wealth, household, economics, soul saving, labour, division of labour.

Проблема развития сложна, и в науке нет однозначного ее понимания. Материальный и научно-технический прогресс, который сегодня

определяет многое в экономиках развитых стран, привел к выработке понимания людьми, что материальное благосостояние, при котором производство материальных благ удовлетворяет потребности людей, есть наивысшее из благ, а все остальное вторично. Рост благосостояния граждан в экономически развитых странах¹⁹ обеспечивается преимущественно за счет привлечения рабочей силы из сельского населения или из представителей стран «третьего мира», экономически неразвитых. Удивительно, но за таким экстенсивным и интенсивным экономическим ростом, происходящим в развитых странах, мало кто видит истинные, глубинные причины, за счет которых такой рост осуществляется.

В соответствии с демографическим прогнозом ООН до 2050 г. по среднему варианту прогноза в менее развитых странах население возрастет к 2050 г. на 58% (по высокому варианту — на 90%), особенно в Африке (на 126%), в то время как во многих странах возобладают тенденции к депопуляции, в том числе в Европе численность населения сократится на 13% за полвека, Японии — на 14% [2]. Естественную убыль населения в развитых странах, наблюдаемую сегодня, мало кто воспринимает как проблему. Это, скорее всего, связано с тем, что положительная динамика макроэкономических показателей развитых стран (рост ВВП на душу населения, увеличение нормы сбережения по отношению к норме потребления, увеличение производительности труда и доли заработной платы в ВВП, а также инвестиций в денежном выражении, инновационно активных предприятий) служит для многих «лакомой букашкой» — именно в таком положении вещей и кроется причина развития, к которому всем необходимо стремиться. Традиционное понимание развития связывается с благосостоянием, его, в свою очередь, отождествляют с развитием экономики, высоким уровнем жизни населения, потребления материальных благ [3, 294], т. е. смешивают в одной корзине как развитие самого человека, так и развитие экономики. В таком понимании понятие «уровень жизни» тождественно понятию «уровень потребления». Аналогичный смысл часто придается термину «уровень благосостояния» как степени «обеспеченности граждан товарами, услугами и условиями жизни, необходимыми для комфортного и безопасного существования» [4, 13]. Однако, в какой мере рост благосостояния, обеспеченность людей необходимыми благами, является достаточным условием высокого качества жизни — не вполне ясно.

Существует обилие формулировок понятия «благосостояние», и если одни авторы полагают, что оно заключается в преумножении об-

---

¹⁹ По оценке Всемирного банка, в 2000-х гг. среднедушевой доход 20 самых богатых стран мира в 37 раз превысил доход 20 самых бедных стран, что в 2 раза больше соотношения, которое отмечалось в 1970 г. (см.: [1, 31]).

щественного материального богатства [5, 27], то другие признают недостаточность его сведения только к показателю среднедушевого дохода [6], третьи предлагают учитывать духовно-культурный уровень человека, а также отношение к природе, «которое указывало бы на его заботу о сохранении и улучшении своей среды обитания» [7, 266].

В 1990-е гг. в рамках Программы развития ООН был разработан *индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)*, что доказывает признание того факта, что понятие развития шире понятия повышения доходов населения. Этот индекс является средневзвешенным показателем трех параметров: продолжительности жизни, уровня образования и уровня ВВП на душу населения [8]. Несмотря на признание оправданности его использования специалистами, следует отметить, что он является результатом изменений той составляющей жизни людей, которая связана с их деятельностью в экономике, т. е. определяет размер получаемых доходов, уровень образования, создающего для этого условия. Количественное или качественное улучшение этого показателя невозможно рассматривать как факт присутствия развития. Казалось бы, что изменение количественных параметров ИРЧП отражается и на его качественных характеристиках. Однако эти параметры как бы унифицируют все страны по какому-то одному критерию, делая рассмотрение вопроса формально логическим.

Большинство современных экономистов подходят к вопросу развития по принципу «думать и развиваться как Запад», вкладывая его в основу предлагаемых ими стратегий развития России. Подразумевается, что они говорят о развитии вообще, фактически же ведут речь о социально-экономической стороне вопроса. отождествление качества жизни с объемом потребляемых экономических благ и уровнем развития экономики, которое присутствует в таких стратегиях, лишает их исследования проблемы соотношения экономического развития с качеством жизни.

Неудачные попытки построения рыночной экономики в России по аналогии с развитыми странами Запада сделали актуальной проблему, решением которой является ответ на главный вопрос: являются ли показатели производительности труда, рентабельности производства в экономике теми критериями, по которым можно судить о степени духовного богатства народа, насколько экономическое развитие соотносится с тем развитием, которое выходит за рамки материального прогресса. Ответ на этот вопрос коррелирует с проблемой соотношения духовного и материального развития [9, 81—84]. В связи с этим сводить вопрос развития только к инновационному типу экономического развития России, т. е. развитию приоритетных отраслей с использованием высоких технологий, не является правильным. Важно, чтобы такое развитие не противоречило, а способствовало накоплению духов-

ного потенциала²⁰, *пассионарности*. Проблему можно переформулировать иначе: насколько экономическое развитие, в том числе увеличение *валового сбережения*, решает проблему *сбережения души*.

Если валовое сбережение как выражение экономической рациональности предполагает строгий математический расчет, то говоря о сбережении души, невозможно это понятие подчинить формальной логике, поскольку то, что за ним стоит, не поддается анализу, оно основывается на многозначной логике, последняя же в экономической науке фактически не используется. Для ответа на вопрос о действительном развитии необходимо выйти за пределы экономического анализа, сделать рассмотрение проблемы более глубоким, экономико-философским.

При глубоком рассмотрении вопроса очевидным становится противостояние города и деревни как выражение проблемы сбережения души. По сути, в этом и состоит проблема экономики и хозяйства, которая подчеркивается противопоставлением жизни в крупных городах и на территориях. Различия в науке, культуре, традициях подчеркивают это разделение. И главным в нем является то, что характер городской жизни направлен на производство, потребление, товарно-денежный обмен, что порождает множество проблем, главными из которых являются экологические, демографические, духовно-нравственные. Абсолютизация производительности, которая имеет место в экономике, становится движущим мотивом жизни в городах. Примечательно, что развитие экономики происходит именно в городах, где достаточно высокий уровень освоения промышленности, куда стекаются финансовые потоки, где формируется рынок труда.

В хозяйстве идет накопление народом *пассионарности*, потому что народ занят жизнедеятельностью, которая не ограничена потребностью в максимизации производства и даже не связана ею, а охватывает множество сторон жизни: от земледелия и скотоводства до создания семьи и воспитания детей. Для городов, как известно, большие семьи не характерны, а в хозяйстве это является необходимым условием продолжения рода, передачи патриархальных традиций. В хозяйстве живут семьи, общины, и они ведут совместную деятельность — совместный труд.

---

²⁰ Традиционно в экономической науке понятие «человеческий потенциал» принято отождествлять с понятием «человеческий капитал», что ограничивает анализ рамками экономики. Понятие «капитал» имеет чисто экономическую природу и связано с товарно-денежными отношениями, производством и потреблением. Источник действительного развития при этом не рассматривается. Даже более широкое толкование понятия *человеческого потенциала* как накопленного запаса здоровья, общекультурной компетентности и творческой ответственности [10, 10] не приближает к пониманию проблемы накопления духовного потенциала как источника развития.

Источником развития труд становится потому, что человек выполняет его полностью, получая развитие от выполнения каждой части этого процесса и получая конкретный результат своего труда. Неотделимость создания продукта труда и его потребления в хозяйстве определяет важность труда для человека, им занятого, поскольку он сам выступает в роли того, кто потребляет. Стимулом обеспечения качества труда служит чувственное восприятие конечной цели этого процесса. Через собственное потребление человек, создающий продукт труда, воспринимает результаты своего труда, анализирует и прогнозирует будущие результаты. Человек в хозяйстве не занимается постоянно только одним видом труда: он со временем может затрачивать меньше времени на создание какого-то одного продукта труда, тем самым высвобождая дополнительное время на занятие другими видами труда. Расширяется спектр видов деятельности человека в хозяйстве, а следовательно, и возможности его развития. *Целесообразность* труда определяется, таким образом, тем, что человек, совершенствуя орудия и предметы труда, совершенствуется сам: «...развитие человека рассматривается в связи с развитием его целесообразной деятельности <...> Это означает, что развитие человека само определяется в труде, т. е. своим развитием человек обязан развитию труда. Труд есть сфера истинного развития человека <...> развиваясь, человек улучшает процесс труда, и, наоборот, закономерности развития процесса труда в свою очередь двигают в определенном направлении развитие человека» [11, 35]. Благодаря этому, происходит накопление духовного и жизненного потенциала народа. Этим определяется природа хозяйства.

Когда процесс труда в экономике превращается в отдельные работы как самостоятельные занятия людей, то его целесообразность становится иной, поскольку источник развития разделяется. И понимание труда в экономической мысли в связи с этим сводится зачастую к неким усилиям, направляемым на производство²¹. То, что в хозяйстве

---

²¹ Понимание труда британским экономистом У.С. Джевонсом, а вслед за ним и А. Маршаллом как «всякого умственного или физического *усилия*, предпринимаемого частично или целиком с целью достичь какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно от самой проделанной работы» [12, 124] или современным популярным подходом экономикса как «физических и умственных *способностей* (усилий) людей, которые могут быть употреблены на производство товаров и услуг» [13, 398] отражает восприятие труда как некоего усилия. По-видимому, его отождествляют с рабочей силой. Труд как процесс, развивающий человека, в котором нет отдельно производства и отдельно потребления, не рассматривается, поскольку развитие человека связывают с потреблением товаров и услуг, производимых в экономике.

развивало человека через потребление им самим продуктов своего труда, в экономике разрушается, создаются специальности, когда умственную работу выполняют одни работники (расчет плана выпуска продукции и размера заработной платы рабочих), физическую — другие. Усугубление такого разделения можно проследить через углубление общественного разделения труда, создание рынков товаров и отраслей, их диверсификацию, появление все большего числа самостоятельных специальностей людей.

Хозяйство в отличие от экономики и едино, и множественно, что придает его развитию позитивное направление, а это влияет на сбережение души человека. В хозяйстве происходит сбережение души, поскольку вся жизнедеятельность народа наполнена душой, труд потому и развивает человека в хозяйстве, что он одухотворен, в него заложена душа, которую не измерить ни качественно, ни количественно. Экономика, в свою очередь, появляется в результате разрушения хозяйства и разделения труда как разрушения источника развития. Пассионарность, накопленная народом в хозяйстве, востребована в экономике, поскольку благодаря ей экономика развивается. Разрушение хозяйства приводит к вырождению народа, что многим не представляется очевидным: то население, которое обеспечивает миграционный прирост, способствует развитию экономики, и многие видят в этом источник благосостояния.

Однако уже сегодня начинают слышаться мнения о несостоятельности капитализма. Так, на Всемирном экономическом форуме в Давосе (2010) президент Франции Н. Саркози подчеркнул губительное влияние капитализма для человека и сказал, что задача замены капитализма не ставится, но «мы должны спросить себя, какой капитализм нам нужен. <...> Теперь главный вопрос заключается в том, чтобы добиться такого положения, когда экономика работала бы на человека» [14, 17].

Решение проблемы соотношения хозяйственного и экономического — это выбор стратегии развития России. Оно лежит в области *философии хозяйства*. О ней впервые сказал С.Н. Булгаков, обозначив проблему философии хозяйства как проблему современности — «о человеке в природе и о природе в человеке» [15, 49]. Подчеркивается, что хозяйства, как и экономика, не сводится к отношениям между людьми, хотя отчуждение от земли лежит в основании экономики — необходимо рассматривать человека и его деятельность в неотделимости от природы. Философию, скорее всего, следует понимать как высший смысл хозяйства. Это делает хозяйство *трансцендентным*, не могущим быть постигнутым всеми и каждым: «Либерал красивее издаст

“Войну и мир”. Но либерал никогда не напишет “Войны и мира”: и здесь его граница» [16, 365].

Проблема экономики и хозяйства локальна и поэтому поднимается при решении проблемы развития России. Носителем целостности хозяйства является народ, в связи с чем важным является сохранение его *русскости* как особого качества единства и выражения национального менталитета и *соборности* как особых общинных отношений.

Исторический переход стран к индустриальной стадии развития стер индивидуальные черты многих из них, превратив в однородные структуры. Многоукладность была присуща хозяйствам многих развитых стран до появления капиталистического способа производства, однако ее они сохранить не смогли, в то время как «капитализм смог внедриться в российское хозяйство не в роли основного, определяющего уклада, а лишь как один из многих <...> укладов» [17, 235—236]. Это сделало и делает российскую экономику *неоднородной* до сих пор. В стратегии развития России необходимо учесть это, что позволит вести хозяйство, и соответственно, сберегать душу народа.

Литература

1. Цветков В.А., Моргунов Е.В., Илларионов Н.В. Инновационная экономика как форма постиндустриального развития // Промышленная политика Российской Федерации. 2008. № 1.
2. World Population Prospects. The 2002 Revision. Vol. 1. N. Y., 2003.
3. Камаев В.Д. и др. Социальная политика в рыночной экономике: Учебник по основам экономической теории. М., 1996.
4. Липсиц И.В. Экономика без тайн. М., 1993.
5. Норберг Ю. В защиту глобального капитализма. М., 2007.
6. Гоклани И. Глобализация человеческого благосостояния // Policy Analysis. 2002. № 447. 22 авг.
7. Иохин В.Я. Размышления в поисках истины // Философ хозяйства — 2 (к 10-летию журнала «Философия хозяйства») / Под ред. Е.С. Зотовой. М.; Екатеринбург, 2009.
8. Barro R.J. Education and Economic Growth // www.hrdc-drhc.gc.ca/stratpol/arb/conferences/oecd/education.pdf.
9. Мусеев Н.Н. Духовный мир // Мост. 2002. № 2.
10. Соболева И.В. Воспроизводство человеческого потенциала: теория, методология, приоритетные направления. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006.
11. Акимов Н.И. Политическая экономия современного способа производства. Кн. 5. Политическая экономия в широком смысле (предыстория социально-экономического развития человека). М., 2008.

12. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1. М., 1993.
13. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: принципы, проблемы и политика. Т. 2. М., 1993.
14. *Быков П., Гурова Т.* Что не обсуждали в Давосе // Эксперт. 2010. № 5.
15. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
16. *Антонов М.Ф.* Экономическое учение славянофилов. М., 2008.
17. *Афанасенко И.Д.* Есть ли будущее у русской цивилизации? СПб., 2007.

Ю.В. КОТОВА, А.В. ДМИТРЕНКО

«Духовное!»

Самое большое рабство —
не обладая свободой, считать
себя свободным.

И.В.Ф. Гете

Аннотация. В статье исследуются жизненные приоритеты и ценности в сознании личности, группы, народа, смена парадигм в обществе на очередном этапе его секуляризации.

Ключевые слова: жизненные приоритеты, ценности, парадигмы, природа человека.

Abstract. In the article life priorities and values of an individual, group, the people, change of paradigms in a society at next stage of its secularization are being investigated.

Keywords: life priorities, values, paradigms, human nature.

Во всех культурных системах и философских традициях проблема *духовности*, как известно, имела и имеет особое значение. Вопрос духовности настолько важен, что его реальная сущность ощутима во всех сферах, обозначенных деятельным актом человека. В частности, остро ощутила это и экономика.

Предвкусывая неверные интерпретации названия статьи, отметим сразу же, что целью ее написания стало желание разобраться с характерной для нашего времени-пространства сменой жизненных приоритетов и ценностей в сознании личности, групп, организаций, поселений и общества в целом, приведших к парадигме анархии, прежде всего, в мироощущении отдельной человеческой личности.

Как свидетельствует сегодняшняя практика, мы живем в эпоху, когда умышленно осуществляется диффузия добра и зла, что обуславливает в свою очередь неспособность различить добро и зло на всех социальных уровнях: это характерно и для правящей элиты, и для работников идеологических сфер, и для искусства, и даже для семейной жизни, где сосредотачиваются многочисленные пороки [1].

Неоспоримым доказательством такого духовного распада является и тот факт, что конец XX — начало XXI столетий отмечены прогрессирующим распадом христианской традиции, ранее задававшей ориентиры на пути к духовности. Наследие христианства, ценности и нормы иудео-христианских преданий «износились» и растратились. На их место пришли ценности экономизма, с его комфортностью существования для обыденного потребителя [2].

Так, в данной связи, возможно вспомнить содержательный аспект трактовки понятия «любви» в контексте христианского вероучения и три возможных варианта отношений человека с Богом: первый вариант можно обозначить словосочетанием «раб Божий», что значит подчинение Богу во имя страха; второй — «наемник Божий», что олицетворяет выгодное «сотрудничество» с Богом с целью получения личной выгоды; третий вариант — «сын Божий», что является олицетворением Я в Боге и Бога в Я.

Однако, как мы видим сегодня, происходящее в информационном пространстве перечеркивает любую возможность существования Бога, вычеркивая первый вариант. Наше экономическое сознание, навязываемое «Экономиксом» Самуэльсона, доказывает нерациональность второго варианта. А наша мнимая свобода и всемогущество отрицают необходимость и осознанность третьего варианта.

Нельзя не констатировать и тот факт, что сегодня мы полностью перечеркнули в себе все те качества, которые позволяли нам называть себя христианами [3, 4]. Мы не столько осквернили нуминозное вследствие его приравнивания к имманентному, сколько упразднили содержательный аспект самой веры, ее сакральность, убили в себе Бога вследствие возвышения собственного Я, но Я без Бога и без веры Богу.

Христианская Библия, в частности, продолжает вызывать интерес только лишь как выхолощенная и функционизированная религиозная движущая сила. Суть Священного писания как богатейшего живого канона, складывавшегося на протяжении полутора тысяч лет, удерживается на дистанции, так как невыгодно стало руководствоваться его предписаниями и ставить его во главу ценностей и целей жизни.

Однако вернемся к человеку, интерес к которому в экономике обуславливается причинностью самого акта хозяйствования. Так, мы настолько увлеклись возвышением себя, что пытаемся обосновать и вы-

городить свою «тварность». Так, к примеру, нельзя не отметить, что попытка обоснования «*n*-алектической» природы, которая приобрела широкое распространение в научных кругах, только лишь приводит к отдалению от ее сущностной основы, акцентируя внимание на каких-то имманентных проявлениях результатов деятельности человека. Так, в каком-то роде мы оказываемся в ситуации множества всех подмножеств, известной нам из области математики. Множество, включающее все свои подмножества, в том числе самое себя, и делающее это неоднократно, а, может быть, и постоянно, приводит нас в ситуацию бесконечной регрессии, где вмещающее оказывается гораздо «меньше» того, что оно вмещает.

Может ли человеческое бытие рассматриваться столь ограниченным? Как согласовать это с проявлениями многоаспектности бытия человека?

Что говорит об этом эпоха Возрождения? Как известно, в присущей тому времени и месторазвитию интерпретации бытие включало в себя два аспекта: первый — бытие тела, и второй — бытие души. Основной аксиомой данного концепта, как известно, стал тезис об ограничении желаний тела во благо развитию души как проявление любви к Богу [4].

Нельзя забывать, что экономика остается весьма субъективной, являясь по своей сути деятельной имманенцией. Она напрямую зависит от культурного поля, формируемого ценностями культуры, или, шире, цивилизации. В этом случае безнравственность человеческого бытия порождает и экономическую безнравственность, и, как результат, безвольное подчинение человека случайно оказавшимся актуальными ценностям телесного «экономизма» как основным носителям «реального блага» современности, при полном отрицании духовного, трансцендентного, Бога. Этот процесс можно обобщить, введя понятие «эгоизматического регресса», преодолеть который можно будет в случае внутренней, осознанной самим человеком переориентации на Божественное. И именно такие осознанность и добровольность возвращения к Богу дадут возможность вновь обратиться лицом к «новой», или хорошо забытой «старой», духовности.

Литература

1. *Алексеевко А.П.* Природа духовности. Харьков, 2004.
2. *Батлер Д.* Психика власти: теории субъекции. Харьков; СПб., 2002.
3. Нравственность представляет собой свободы в действии. Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея II

на Парламентской ассамблеи Совета Европы // Литературная газета. 2007. 10—16 окт.

4. *Сергеев К.А.* Ренессансные основания антропоцентризма. СПб., 2007.

С.С. РОБАТЕНЬ

Общество как хозяйство земледельца

Аннотация. Рассмотрена модель общества, в котором касты образуются из претендентов на плоды крестьянского труда, предлагающих крестьянину товары (купцы и ремесленники), силовые услуги (воины) и духовный продукт (люди свободных профессий и идеологи). Показано, что мировое хозяйство в совокупности носителей православия, протестантизма, ислама и иудаизма вполне может быть современной формой существования древнейшего кастового общества, описанного законами Ману. Показано, что в лице современных казаков можно увидеть носителей докастовой идеологии, существовавшей на территории современного православия.

Ключевые слова: каста, пищевые цепи, религия как идеология касты, крестьянин.

Abstract. The model of a society in which castes are formed of applicants for fruits of the country work, offering to the peasant the goods (merchants and handicraftsmen), force services (soldiers) and a spiritual product (people of liberal professions and ideologists) is considered. The world economy in aggregate carriers of Orthodoxy, the Protestant, an Islam, and Judaic can quite be the modern form of existence of the most ancient exclusive society described by Laws of Manu. It is shown, that on behalf of modern Cossacks it is possible to see carriers of the ideology existed in territory of modern Orthodoxy during an epoch of absence of castes.

Keywords: caste, food circuits, religion as ideology of a caste, the peasant.

С чего начинается общество?

Рассмотрим высшую ступеньку пищевой лестницы, на которую школьная биология помещает человека, более внимательно.

Мы, жители городов, получаем провизию не непосредственно от животных, полей и садов, а из рук людей, которых принято называть в России крестьянами. Это наименование не случайно схоже с христианами. Это не сходство, а тождественное равенство понятий.

В материалах Стоглавого Собора так и написано «хрестьяне», когда речь заходит о православных земледельцах [1, 267—374].

Русские крестьяне и есть извечные христиане как носители православного христианского мироощущения.

Следовательно, Россия как страна исторически крестьянская, является христианской по определению, изначально.

Специфику русского крестьянского труда можно ощутить из следующего замечательного описания способа обработки земли под посадку березок, практиковавшегося в Лесном ведомстве дореволюционной России:

«Передь посевомъ гряды тщательно подготавливаются: почва взрыхляется лопатами, комочки разбиваютъ сначала граблями, затемъ перетираютъ въ рукахъ; оставшіеся неразмельченными удаляютъ изъ гряды вместе съ корнями сорныхъ растений. Посевъ производятъ съ руки въ возможно тихую погоду какъ сеютъ крестьяне хлебъ, или же пропускаютъ семена между полусогнутыми ладонями, перемещая руки по гряде. Затемъ приготовленной заранее рыхлой землей притряхиваютъ слегка посевъ. После этого гряда ладонями рукъ уплотняется сплошь» [2].

Отметим, что руками хлопывал гряды дореволюционный земледелец не от дикости, упорно приписываемой русскому крестьянину различными авторами. В описываемую эпоху американские сеялки-веялки и прочая сельская техника продавались в каждой приличной деревенской лавке. Акмолинские лесничества были обеспечены телефонной связью, центральные газеты доставлялись в любой угол империи, а батарейки для электрических фонариков предлагались в тех же русских деревенских лавках рядом с гвоздями и селедками [3]. Единственная убедительная причина описанной крестьянской практики состоит в том, что так считалось целесообразным делать для достижения положительного результата. Проще говоря, перед нами признаки работы не за страх, а за совесть, которая управляет поведением православного человека.

Припомним из того же курса школьной биологии, что в ряду совершенно необходимых человеку для существования вещей после *воздуха* и *воды* стоит как раз *пища*. Без этих благ человек теряет возможность физического существования в короткие сроки. В отличие от общедоступных и бесплатных (пока) воздуха и воды, третий необходимый компонент существования — пищу — все некрестьяне могут получить только из одного источника, а именно, от крестьян.

Налицо следующие способы.

1. *Отнять пищу силой*. Именно этим путем шли летописные князья, когда со своими дружинниками-молодцами, первыми профессиональными военными, налетали из-за горки на крестьян и «собирали» с

них налоги в короткий период уборки урожая, пока крестьяне беспомощны на своем несжатом поле.

2. *Обменять пищу на что-нибудь рукодельное и полезное в крестьянском хозяйстве.* Этим способом пользовались и пользуются многочисленные ремесленники и купцы.

3. *Окормить крестьянина духовно.* В этой категории подвизаются артисты, колдуны, врачи, учителя, философы и священнослужители. Они предлагают крестьянину в обмен на продовольствие не материальные блага, а плоды интеллекта, поэтому им приходится убеждать потребителя в высоком качестве своей продукции, а это проблема не из легкорешаемых.

Перечисленные категории граждан вынуждены активно образовывать общество крестьянина просто для собственного выживания за счет продукции крестьянского хозяйства.

Нетрудно заметить, что нами на биологических предпосылках о пищевых цепях, а не на представлениях общественных наук получена кастовая структура описанного законами Ману арийского общества [4], состоящего из крестьян, воинов, ремесленников и жрецов, под которыми нами обобщенно понимаются производители духовных ценностей.

Обратим внимание, что речь идет не исключительно о древних арийских племенах или далекой загадочной Индии, а в том числе о нашем современном российском обществе, в котором прекрасно существуют указанные социальные группы (касты), различающиеся по способу добычи ежедневно необходимой своей порции пищи, без которой нельзя существовать физически.

Какая каста была первой?

Вспомним библейскую историю Адама и Евы, которые еще в райском саду питались плодами, добываемыми с деревьев. После изгнания из рая пищу опять же пришлось добывать самим, в поте лица. По этим признакам крестьянского способа получения пищи из окружающего растительного и животного мира без посредников, собственным физическим трудом, следует отнести праотцев к крестьянской касте.

В пользу первичности крестьян по отношению к другим кастам можно указать следующее.

Предположим, что мы наблюдаем общество, в котором отсутствуют касты или классы. Как оно может выглядеть?

В реальной истории России существует такое явление, как казачество. Люди, которые относят себя к казакам, пищу добывают по крестьянскому способу, но воюют за свои права как военные, торгуют как купцы и обеспечивают себя бытовыми изделиями как ремесленники. При этом руководство казачьим обществом осуществляется выборны-

ми администраторами, которые возвращаются к своим крестьянским занятиям после окончания срока полномочий. Допустимо предположить, что в образе современного казачества мы можем наблюдать и изучать *модель первичного однородного докастового русского общества*, символом которого является народный образ Георгия Победоносца, воина и одновременно пахаря.

Касты объективно выделяются и обособляются в тот момент, когда географические размеры успешно развивающегося общества-государства делают невозможным для крестьянина совместить свой сезонный труд с необходимостью военного длительного похода или купеческой экспедиции. Субъективно — когда крестьянский труд перестает быть предметом гордости и возвращение к нему расценивается как незаслуженное наказание.

Предложенный критерий перехода казачьего государства в кастовое позволяет отнести момент образования русских каст в эпоху возвышения Москвы XIV—XV вв. В работе [5] показана возможность неоднократного повторения одинаковых социальных явлений в разные периоды русской истории. Другими словами, вполне вероятно, что это не единственный случай образования государственности вокруг Москвы, и далеко не первый.

Существование на территории России докастового казачьего государства в историческую эпоху обосновано в работе [6, 80].

Это централизованное государство существовало на территории России в эпоху формирования современных *дорог, топонимов и гидронимов*.

Поскольку столицы известных сегодня удельных княжеств не связаны между собой прямыми трассами, а только через территорию Москвы, это означает, что княжества изначально *не* были независимы от центра.

Обратимся к анализу идеологии государства-войска, которое вырисовывается на карте при наложении на Москву центра военного креста ордена Георгия Победоносца и ориентировании его левой и правой лопастей симметрично оси Шуя — Десна. Деятели этого государства-войска — князья и бояре московские, тверские, рязанские, шуйские, смоленские, ученые, монахи — оставили вполне реальный след в мировой истории. Основным населением этого государства были, разумеется, крестьяне, но умеющие за себя постоять, служившие военную службу государю в качестве стрельцов, т. е. в современном понимании — казаки.

Сразу следует осознать, что казаки — народ гордый. Они гордятся собой, своим образом жизни, своей православной верой и своей исто-

рией. Этот факт либо следует принять как должное, либо почитать историю казачества и опять-таки принять.

Если казаки добывают пищу крестьянским трудом, обрабатывая землю, то они делают это не по принуждению и не по рабской философии, а в силу уверенности, что это — единственно правильный образ жизни.

Чтобы понять родную историю, надо твердо понять один момент. Наши православные предки перетирали землю руками в своем крестьянском труде не потому, что варяг или монгол заставил их это делать. Не потому, что князь или иерей их к этому принудил. Невозможно заставить любить крестьянский труд, а без этой любви не вырастет ничего. Миллионы московских дачников, надорвав поясницы на своих шести сотках, лично убедились в этом. Русские крестьяне трудились и трудятся на земле по убеждению, что так жить честно. Помощи они просят только у Бога, чтобы дождика дал.

Это крестьянское мировоззрение на себя и Бога и есть настоящее православие, составлявшее основу идеологии централизованного Московского государства-войска. В таком государстве плоды крестьянского труда распределяются между всеми членами общества, производящими востребованные крестьянином товары и услуги. Для того, чтобы обеспечить бесперебойное существование этих потоков, производители-крестьяне должны быть убеждены в их целесообразности. Воин должен смело воевать, ремесленник — производить нужные изделия, философ — адекватно описывать мир, а князь — следить за всеобщим благополучием.

Некоторое время так и бывает.

Это эпоха зарождения каст в однородном докастовом казацком крестьянском обществе, эпоха рыцарей и поэтов, создателей философских систем и гениальных прозрений. В это время честность не является исключением, воины, ремесленники и купцы гордятся собой, и заслуженно. Граждане обсуждают государственные дела прямо на центральной площади своего города, посылают военные и торговые экспедиции на край света, и нет отбоя от желающих прославить себя и свой род.

Пример такого государства в русской истории дает Господин Великий Новгород. В полном соответствии со схемой русского войска, данной Котошихиным [7], Новгород тоже был разделен на пять концов, которые управлялись собственными, достаточно независимыми, администраторами.

Для полноты картины развития докастового казачьего общества в современное кастовое необходимо учесть течение времени и влияние дивергенции и ротора исторического процесса.

О чем идет речь?

У крестьян и воинов, торговцев и князей, жрецов и артистов рождаются дети, имеются жены — со своими быстрорастущими потребностями. Кроме того, свободные от крестьянского труда люди имеют возможность мир посмотреть. В результате обнаруживается, что существует множество затейливых вещей, которые хочется иметь человеку, как правило, не способному их изготовить самолично. Хлебать молоко из крынки очень полезно, но в других странах уже перешли на йогурты и пудинги, а мы опять отстаем. У нас тарелки деревянные, а из Англии привозят оловянные. Сало питательно и вкусно, но французы едят сливочное масло, а мы чем хуже?

Победы, вдохновляющие народ на упорный труд, перемежаются поражениями, которые сопровождаются вполне закономерными вопросами, надо ли кормить побежденное войско?

Если вместо слова «войско» подставить менее пафосный термин «футбольная команда», то идея дармоедства проигрывающих профессионалов становится более очевидной. Крестьянская продукция всегда уступит по красоте изделиям итальянских мастеров, потому что крестьянин может и не вышивать лишний раз, ему это не жизненно необходимо, а итальянцу надо стараться изо всех сил, у него земли мало или вовсе нет, он целиком зависит от того, будет ли его ремесленное изделие куплено. Мало-помалу в обществе укореняется мысль, что крестьянский труд тяжел и непрестижен. Это означает, что *нравственное здоровье* общества начинает давать сбои. Крестьянского труда стараются избегать, а для этого необходимо покинуть сословие крестьян и перейти в управляющие касты.

Таковыми или похожими соображениями, не зависящими от эпохи и интеллекта, повторяющимися в истории обществ многократно, с древнейших времен до наших дней, обеспечивается поток волонтеров, направленный из касты крестьян в производящие *пищу* касты. При этом численность крестьян непрерывно сокращается, а численность претендентов на плоды крестьянского труда соответственно возрастает во времени.

Таким образом, кроме *одностороннего* потока продуктов питания, в реальном кастовом обществе налицо еще один постоянный материальный *односторонний* поток в виде волонтеров, которым крестьянская каста ремонтирует производящие питание касты. Ввиду описанного процесса накопления избыточной энтропии в обществе зреет недовольство. Рано или поздно крестьяне начинают сомневаться, стоит ли досыта кормить бывших своих товарищей по касте, подавшихся в город за синей птицей счастья, недобросовестных ремесленников, трусливых воинов и разболтанных бояр, способных в один час проиг-

рать годовой урожай целой деревни за карточным столом где-нибудь в веселом городе Гамбурге.

Разумеется, в реальном обществе существуют обратные отрицательные связи, механизмы регулировок, контроля и самоконтроля, замедляющие неизбежную катастрофу. О том, что общественная катастрофа в России наступает с неизбежностью зимы и урожая, смотри работу [6, 120—132]. В определенный момент русской истории администраторы догадываются провести некую реформу. Это бывает после очередной смуты в государственном организме, очередного массового исхода интеллигенции в теплые страны подальше от православного крестьянства, недовольного предлагаемыми ему в обмен на продовольствие духовными продуктами. Того самого, которое в очередной раз оказывается не «темным и забытым», как повелось в образованных кругах убеждать самих себя, а наоборот, гордым, разумным и очень выносливым, но не желающим больше безропотно терпеть несправедливые на его взгляд общественные отношения.

Называется реформа по-разному.

Например, у Ленина — продразверстка, у Деникина — «третий сноп», у Петра — подушный налог.

В условиях подушного налога крестьяне отдают свой продукт не напрямую всем нуждающимся в обмен на нечто полезное для себя, а централизованно и обезличенно. Соответственно государственные органы занялись перераспределением продуктов питания сами.

Котошихин, дьяк Посольского Приказа во времена царя Алексея Михайловича, приводит цифры. Одного только меда с царского двора отпускалось в день три тысячи ведер, что составляет не менее тридцати тонн (современная железнодорожная цистерна). Царь кормил воинов и жрецов, артистов и ученых из своих рук, а они ему были за это благодарны и не особенно интересовались, где сам царь добывает свои корма.

Вот с этого момента, когда государственная власть взваливает на себя *бремя сбора и распределения крестьянских продуктов на всех нуждающихся в пище граждан*, и начинается целенаправленное всемерное унижение русского крестьянства как истинного производителя продуктов питания и православия как естественной крестьянской религии. Это унижение порождает ответные процессы, которые ныне принято именовать проблемами *толерантности*. Отныне крестьянин не должен смочь задумываться о целесообразности содержания непродуцирующих продукты питания каст. Воин, жрец, ученый, купец и ремесленник теперь преданно поддерживают царя, поскольку жизнеобеспечение получают от него, а не от крестьянина.

Научные теории, философские идеи стали обсуждаться и проверяться не крестьянином как главным производителем жизненно необ-

ходимых благ для общества на практике, а царским окружением по произволению, капризу, необязательному интересу. Это обстоятельство порождает проблему *свободы совести*, как будет показано ниже. Соответственно главной доминантой каждого производителя духовного продукта, если это не сам крестьянин, является неизменная обязанность любым своим усилием угодить господину, от которого зависит материальное благополучие.

Религия как идеология касты

Итак, касты уже есть. Надо жить дальше, воспитывать детей. Возникают вопросы — а как воспитывать, чему учить?

Начнем со жрецов. Само собой понятно, что надо готовить достойную смену, передавать приемы мастерства и секреты успеха в сохранении status quo. При этом самое главное для любого человека — это уверенность в будущем. Эту уверенность хочется распространять во времени на детей и внуков. Кто не желает добра своим внукам? А если внуки не понимают выгоды социального положения, достигнутого предками, и хотят все испортить, женившись на прачке, то что же делать? Запретить. Во веки веков. Пригрозить. Запугать. Но отцовского авторитета для этого едва хватает, дедовского уже может не хватить, а о четвертом поколении преемственности даже Жалованная грамота мудрейшей Екатерины Великой не мечтает. Но если слаб человек, то Бог могуч. Его авторитета хватит на всех упрямцев. Религия — вот что поможет заботливому отцу вразумить непокорное чадо. Конечно, религия должна быть правильной. Не размениваться на пустяки, уровень-то какой! Получается, применительно к случаю воспитания будущего правителя примерный набор постулатов (догматов).

- *Ты — самый лучший.*
- *Никто тебе не пара.*
- *Ты богоизбранный.*
- *Все обязаны служить тебе.*

Еще бы лучше получить эти постулаты из рук Бога, но это уж чересчур. Достаточно, если очень уважаемый человек поклянется, что он их получил от Бога, причем в экстремальных обстоятельствах (извержение вулкана, падение метеорита, пылание куста и т. п.).

Перейдем к касте воинов-царей. Здесь власть реализуется силой физической — тренировки, турниры, охота, спорт. По вышеизложенным соображениям для правильного воспитания преемников и наследников также необходим набор постулатов, полученных от Бога. Постулаты могут быть те же, но с добавлением воинской специфики. Например.

- *Убей неверного.*

- *Если погибнешь на священной войне, попадешь прямиком в рай.*
- *В раю тебя ждут прекрасные девы.*

Есть два уточняющих ситуацию обстоятельства.

1. Вопрос священности той или иной войны вне компетенции воина. Это решает жреческая каста, Значит, она и определяет целеполагание, кто верный, а кто неверный.

2. Рай здесь явно молодежный, так сказать, для призывного возраста и запросов. Библиотеки с трудами изобретателей цифр и алгебры в этом раю если и есть, то не афишируются, а вот полураздетых заранее гурий на всех хватает, ну это так, к слову.

Перейдем теперь к древней касте торговцев и ремесленников. Требования по профпригодности другие, и воспитательные постулаты меняются. Теперь они выглядят примерно так.

- *На бога надейся, но думай своей головой.*
- *Полагайся только на себя.*
- *Заботься о себе сам (конкуренция!).*

Разумеется, постулаты первой группы (касты) в каком-то урезанном (чтоб знали свое место) виде имеются и у других.

Главная проблема перечисленных каст в том, что без крестьян они не могут существовать. Именно каста земледельцев является исходным субстратом для физического и морального укрепления остальных каст (подверженных вырождению). Это единственная каста, способная существовать на планете независимо от других каст, т. е. она первична. Остальные касты вынуждены скрывать свое происхождение от нее, потому что у стыдливого человека рано или поздно возникает потребность чем-то отплатить матери за собственное рождение. Как можно догадаться, у касты земледельцев тоже своя система постулатов.

Во-первых: всякая власть от бога, подставь левую щеку, если ударили по правой, отдай последнюю рубашку и т. д.

Во-вторых, огромный массив правил божьего поведения, помогающий в нелегком крестьянском труде. Это солнечный и лунный календарь земледельца. Это разнообразные приметы, позволяющие солонки подстелить, где надо. Это огромный массив знаний лекарственных растений, полезных свойств деревьев, животных, минералов. Короче говоря, весь тот багаж знаний, который можно приобрести, если, по образному сравнению М.В. Ломоносова, читать Книгу природы, которую написал ее Творец.

История русского православия говорит нам, что такие люди находились всегда.

Короче говоря, православие, как система постулатов касты земледельцев необходимо включает положения, которые внесли другие касты для своей пользы, и «исходный код» из религии и науки тех вре-

мен, когда деления на касты не было, и знания доставались крестьянам не только в тех случаях, когда происходила их дозированная утечка из правящих каст. Отсюда понятно, почему наше православие сочетает бездонную духовную глубину и бесконечное «подставление щек». Можно делать некоторые выводы.

Первое. Предположенные нами теоретически системы постулатов, необходимых для воспитания молодой смены в каждой из описанных законами Ману каст арийского общества, существуют в реальной современной культуре и принадлежат мировым религиям. Перечислим их по порядку.

Иудаизм — религия правителей мира. Распространена (рассеяна по потребностям управления) по всему миру, но сегодня наиболее концентрированно представлена в США и в их ближневосточном филиале — Израиле. Исторически достоверные носители иудаистской идеологии концентрировались именно в правящих социальных слоях России (жидовствующие) и Хазарии. По Ибн-Даста, только Хакан, Иша и все государственные сановники были последователями иудаизма, а прочие хазаре оставались язычниками. Что в столице хазар жили и магометане, Ибн-Даста утверждает положительно. По Ибн-Фодлану, только царь и вельможи были последователями иудаизма, а прочие хазаре состояли из христиан, могаметан и язычников, и Евреи были всего малочисленнее. По Масуди, царь, вельможи и настоящие хазаре были евреи; войска же состояли из могаметан, а прочие народы, именно славяне и руссы были язычниками. Из Масуди ясно следует, что в Хазарии жили и христиане, и переселившиеся евреи [8, 56—57]²².

Ислам — религия воинов. Распространена в теплых странах Азии и Африки. Самая северная страна ислама, современная Татария, явно обозначает начало его распространения по миру, но корни надо искать в Головной полке Московского государства-войска, известного ныне как Рязанское княжество. Именно там были собраны лучшие воины, а молодежь воспитывалась в воинских традициях, которые содержит ислам. Явно не случайно столицы Золотой Орды, Сарай и Новый Сарай, находятся на южном продолжении прямой как стрела дороги Тверь—Москва—Рязань [10].

Протестантизм — религия торговцев и ремесленников. Распространена в Европе и Америке как новой родине выходцев из Московского государства по прямой трассе Смоленск—Минск—Варшава—Лихтенштейн—Андорра—Севиля—Кадис и далее в Новый Свет на кораблях Колумба.

---

²² См. также: [9, 135—137, прим.].

Православие — религия крестьян. Наивно думать, что гоголевский Плюшкин, русский дворянин, продававший своих православных крестьян с телеги на рынке, мог быть искренним православным, даже если он бил поклоны по воскресеньям рядом со своими крепостными в сельской церкви. Распространено православие там, где и зародилось, в России. Современная локализация православия как религии исходной человеческой общности земледельцев, давшей начало и импульс развития всем остальным существующим кастам, показывает, где находится мировой центр, начало, биологический и духовный источник распространения современной европейской культуры и современной технической мировой цивилизации. Поскольку сегодняшняя техническая цивилизация жива, то и ее корни также живы и обязаны найтись среди живых культур, а не среди мертвых, где их по ошибке ищут.

Второе. В рамках реальной кастовой структуры современного пространства религий по планете можно утверждать, что древнее арийское общество как цельный организм сохранило жизнеспособность до нашего времени. Оно выглядит как совокупность современных государств Евразии и Северной Америки с соответствующими государственными религиями, именуемыми авраамическими. Это обобщающее название указывает на изначальное происхождение мировых религий из единого идеологического первоисточника как взаимно дополняющих друг друга частных кастовых систем постулатов, совместно обеспечивающих благополучие кастового общества, описанного законами Ману.

Парадоксы русской истории, русской экономики и русской политики, как современные, так и последних трех веков, прекрасно объясняются с позиции учета кастовых интересов единого арийского государства, для которых интересы России как родины земледельческой касты всегда остаются на последнем месте в глазах высших каст после своих собственных. Все блага и преимущества цивилизации, созданной совместными усилиями всех арийских каст, высшая каста жрецов-управителей резервирует для себя и своего ближайшего окружения. Именно по этой причине в США неработающие в четвертом поколении негры прекрасно живут на социальное пособие.

Касты для общества естественны и необходимы, как органы для человека, но они нуждаются во внешнем управлении и целесообразном ограничении. Это обязанность самодержца. Сами касты способны только размножаться, воспроизводить самих себя, что при отсутствии понимания биологического единства общества и всеобщей зависимости от производителей продуктов питания приводит к явлениям, аналогичным поведению раковых опухолей.

Явления в жизни общества, которые принято описывать через понятия толерантности и свободы совести, могут быть использованы для целей диагностики нравственного здоровья общества.

Когда-то П.Я. Чаадаев выступил со своим Философическим письмом [11, 46—50], в котором коснулся обсуждаемых ныне проблем, и пришел к выводу о негодности православия и полезности католичества. Дальнейшая история показала, что выдающийся мыслитель из высшего общества оказался в главном непросторливым и проблемы общества в целом целесообразно решать за счет ущемления свобод его потерявших духовные ориентиры вождей (Крестьянская реформа 1861 г.). Такое решение самодержца — ущемление веток и листьев в угоду корням (если уподобить реальное кастовое общество цветущему дереву) — привело к бурному развитию во всех областях русской жизни.

В то же время вполне приемлемые в собственном сословии Чаадаева идеи и рецепты, примененные для реформ идеологии крестьян (ущемление корней в угоду веткам, листьям и плодам), привели с 1917 г. к череде общественных катастроф, конца которым не предвидится до тех пор, пока не сформируется ясное понимание: как всеобщей зависимости потребляющих пищу сословий от производителей оной, так и существенное (и необходимое) различие мировоззрений между членами разных сословий.

Например, правомерно ставить проблему комплексно — о недостаточности толерантности к православию со стороны носителей иных учений, рассмотреть нравственное здоровье волонтеров, которые спешат покинуть Россию для пополнения рядов управляющих каст в странах Запада, но не с пустыми руками, а с накопленными общественным трудом ценностями. Предложенная модель показывает, что современные волонтеры имеют значительные шансы оказаться на Западе не господами, а каплунами, которым реальные господа дали возможность нагулять жир, чтобы впоследствии ощипать и выпотрошить. вполне вероятно, что организаторы нынешнего банковского кризиса эту цель тоже преследуют.

В современную эпоху для реализации функции управления народным организмом России востребованы бескорыстные духовные личности, по образцу монашеских орденов воинов-рыцарей способные на личные жертвы ради высокой общественной цели. По крайней мере, у такого деятеля, который пожертвовал обычным образом человеческой жизни и своими маленькими слабостями ради понятной людям цели, всегда был и будет неисчерпаемый кредит доверия. На первом этапе необходимо начать пропаганду бескорыстного духовного служения государству в духе нестяжательства великих русских святых и в то же время государственных деятелей — Сергия Радонежского, Нила Сор-

ского и Серафима Саровского. На втором этапе возможно создание духовных орденов, члены которых в силу духовного превосходства будут способны на государственном уровне обуздать безграничные аппетиты носителей торгашеской идеологии. Чтобы при этом самим устоять перед материальным соблазном, необходимы пропаганда духовных ценностей из эпохи докастового казачьего государства, выборность руководителей, личная ответственность за провал работы, невозможность скрыться от справедливого возмездия, круговая порука руководителей. Все это уже было в русской истории и давало неплохие результаты.

Литература.

1. Стоглав // Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. М., 1984.
2. Журналы 3-й сессии Лесного Совета при Акмолинско-Семипалатинском Управлении Земледелия и Государственных имуществъ, 5—11 декабря 1915 г. Омскъ, 1916.
3. *Краснов П.Н.* Единая — Неделимая: Роман: В 4 т. Т. 1. М., 2004.
4. Законы Ману. Перевод С.Д. Эльмановича (1913), проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М., 1992.
5. *Робатень С.С.* Дивергенция и ротор исторического процесса // Академия Тринитаризма. 2005. 30 сент. // <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120375.htm> (дата обращения 6.02.2010).
6. *Робатень С.С.* Географография индоевропейцев. М., 2009.
7. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Современное сочиненіе Григорія Котошихина. Изданіе третье. С.-Петербургъ., 1884. Год написания 1666.
8. Известія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянах и руссахъ Абу-Али Ахмеда бенъ Омаръ Ибнь-Даста, неизвестнаго доселе арабскаго писателя начала X века, по рукописи Британскаго музея. В первый разъ издалъ, перевелъ и объяснилъ Д.А. Хвольсонъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета. Напечатано по случаю пятидесятилетияго юбилея С.-Петербургскаго университета. С.-Петербургъ, 1869.
9. Сочинения Николая Саввича Тихонравова. Древняя русская литература. Т. 1. М., 1898.
10. *Савицкий П.Н.* Геополитические заметки по русской истории. 1928 // <http://www.kulichki.com/~gumilev/SPN/spn04.htm#top> (дата обращения 6.02.2010).
11. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М., 1989.

В.Г. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

**Актуализация инновационного образования
в условиях кризиса**

Аннотация. В статье выдвигаются новые аргументы для объяснения причин современного мирового экономического кризиса, а также способы интерпретации этих причин в учебном процессе университетов. Среди основных причин выделяются: перенакопление производственных мощностей в мировом хозяйстве, перепотребление домохозяйств не только в экономически развитых странах, но и в развивающихся, перекредитование фирм и граждан в большинстве стран мира. В результате в мировом хозяйстве к 2007 г. сложилось искусственное экономическое равновесие.

Ключевые слова: диспропорции хозяйства, неопределенность, поведенческие проблемы экономики.

Abstract. The article describes new arguments and explanations of the world economic crisis reasons; also it proposes interpretation ways of these reasons in universities educational process. The main principal causes are: over accumulation of capacities in the world economy, households' over consumption not only in economically developed countries but also in developing countries, firms and citizens loan up in the majority of countries in the world. As a result, the artificial economic balance has been reached in the world economy by 2007.

Keywords: economic disproportion, uncertainty, behavioral economic problems.

Трудности анализа современных проблем образования вызваны неясностью вектора будущего развития хозяйства, который должен поддерживать инновации. Содержание вектора развития вытекает из состояния экономики, по результатам анализа которой можно понять, какие именно инновации сегодня востребованы: технологические, социальные или какие-то другие.

Результаты анализа состояния современной экономики позволяют сформулировать следующие гипотезы.

Гипотеза 1: особенность современного кризиса в том, что среди фундаментальных причин (факторов), его породивших, центральное место занимает фактор поведенческий — субъективный по своей природе. Об этом свидетельствует тот факт, что кризис проявился в рухнувшем уникальном формате искусственного рыночного равновесия: перенакопление производственных мощностей — перепотребление домохозяйств — перекредитование фирм и граждан.

Гипотеза 2: новая парадигма развития в процессе выхода из кризиса обуславливает новую инвестиционную волну на Западе, сформированную за счет внутренних накоплений и инноваций. Это начало конца глобализации, свидетельство исчерпания ее ресурсов.

Субъективная природа мирового кризиса инспирирована США — единственным центром экономической и политической мощи на планете. Сам же кризис есть факт ослабления этой мощи, который стал проявлением краха абсолютной гегемонии США в мировом хозяйстве, откуда кризис и грянул. Поддержание экономической гегемонии США в последнее время стало невозможным мерами объективного характера, а использованные субъективные рычаги привели к острым противоречиям и диспропорциям в мировом хозяйстве.

Мировая экономика не первый раз находится в крайне разбалансированном состоянии, но впервые кризис никак не способствовал устранению дисбалансов, поэтому до сих пор не известны основные драйверы для запуска устойчивого роста и, соответственно, тип актуальных инноваций. Ситуация, которую мир переживал накануне кризиса, в схематичной форме представлена на рис. 1.

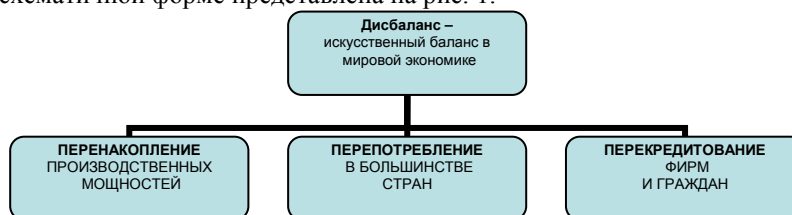

Рис. 1. Модель предкризисного экономического равновесия

Стремление к большей доле рынка, как объясняет классическая экономическая теория, открывает возможность получать эффекты масштаба, роста производительности (обучения) и технологического прогресса. В сегменте индустриальной экономики это, в конечном счете, привело к перенакоплению производственных мощностей (увеличение объемов производства больше, чем рыночный спрос для предот-

вращения того, чтобы конкуренты заняли уровни конкурентоспособных цен [1, 385]). За этим надо видеть начало конца индустриального капитализма.

Нельзя сказать, что ученые не осознавали тектонических сдвигов в мировом хозяйстве. По крайней мере, в последнее время уже активно обсуждались следующие докризисные тренды последнего десятилетия.

1. Формирование и обслуживание новой структуры разделения труда, что проявилось в выносе тяжелых активов за национальные границы экономически развитых стран, смещение акцента на услуги, что и открыло путь к перенакоплению производственных мощностей.

2. Обслуживание мировыми финансовыми центрами государственных и частных (внешних) накоплений развивающихся стран (китайских, российских и т. д.). Тем самым формировался реальный источник для перекредитования.

3. Рефлексивная кредитная активность в экономически развитых странах. Потребительская активность домохозяйств поддерживалась не за счет роста зарплаты, а за счет роста кредита и стоимости залоговых активов. Другими словами, потребительская активность формировалась не за счет создания добавленной стоимости, поэтому в экономике нарастала финансовая неустойчивость. Тем не менее растущая избыточная долговая зависимость фирм и граждан была в интересах банков, так как посредством перекредитования банки растут. В итоге растут все секторы: и производство, и финансы, и потребление. Однако это мнимая гармония или экономическое равновесие, поскольку наступление малейшего сбоя в финансовой сфере приводит к крушению такой гармонии.

Перенакопление капитала в обеих ипостасях привело к тому, что экономически не выгодно стало финансировать инновационные продукты. При этом производства, нацеленные на тиражирование традиционных продуктов, неизбежно вели к перепроизводству. Однако о нем не говорилось в аналитических отчетах, не велись научные дискуссии, хотя этот феномен следовало объяснить науке, поскольку речь идет о состоянии хозяйства, не соответствующего экономическим закономерностям, да и здравого смысла. Если бы этот феномен находился в центре дискуссий, то мир смог бы подготовиться к кризису, который был неизбежен.

Неизбежен потому, что перекредитование базируется на недоиспользованных возможностях объекта, выступающего в качестве обеспечения кредита (искусственное сокращение срока его полезного использования). К примеру, в странах-лидерах стало модным машину менять через три-пять лет при значительно большем сроке ее полезного использования. В результате загружаются избыточные на 20

— 25% мощности мирового автопрома. То же происходит в строительстве жилья и в других отраслях.

Таким образом, баланс на небольшом интервале времени удалось обеспечить искусственным сокращением жизненного цикла продукта и срока его полезного использования. Но эти факторы поведенческого характера должны быть учтены в оценке стоимости финансовых активов. Совершенно очевидно, если сокращается расчетное время получения денежного потока, то меняется и стоимость актива.

Решающую роль в ослаблении последствий кризиса сыграла особая долговая политика государств, согласованная с банками. Кредит — приводной ремень капиталистической экономики, но когда он является важнейшим фактором, поддерживающим спрос и производство, — это очевидный путь к кризису ликвидности.

Выход из кризиса был смягчен беспрецедентным ростом госрасходов. Рост госрасходов в период кризиса сопоставим с военными расходами. Но сокращать их будет очень трудно, поскольку они не связаны с войнами. Это вторая ловушка ликвидности, возможно более опасная.

Перекредитование — это результат использования банковского кредита как инструмента стимулирования внутреннего спроса. Этот инструмент стал использоваться для манипулирования индексом потребительской активности — главного индикатора здоровья экономики, как его воспринимают фондовые биржи всего мира.

Перекредитование наблюдалось и в развивающихся странах. Возможно, перекредитование компаний развивающихся стран — это следствие исчерпания возможностей расширения рынков. Мы этот феномен наблюдали в 2003 — 2007 гг., когда Россия отправила на Запад стабфонд, а западные банки и биржи кредитовали российские компании по невысоким ставкам.

Это был эквивалентный обмен финансовыми ресурсами на взаимовыгодной основе. Выгода для России состояла в том, что организовать кредитование по столь низким ставкам в России нет никакой возможности ввиду немонетарной природы инфляции.

Исторически Россия является страной с недостаточной ликвидностью. И сегодня Россия остается потребителем, а не производителем финансовых услуг. Это сдерживает развитие программ технического перевооружения, да и разрешения всей инновационной проблематики. Для реализации независимой модели перехода на инновационный путь развития России необходимо иметь собственный финансовый центр.

В этом смысле формирование в России мирового финансового центра представляется крайне актуальным. Но эта задача поставлена не в той последовательности: сначала надо построить национальную финансовую систему, которая в полной мере будет учитывать интересы

отечественного бизнеса, и сформировать конкурентную среду в национальном хозяйстве. Только после этого можно проектировать мировой финансовый центр в России.

Обслуживание внешних (чужих) накоплений — это привилегия развитых стран. Россия хотела бы тоже выдавать дешевые кредиты, но их стоимость не может быть ниже инфляции, а перевод инфляции на монетарные рельсы отличает развитые страны от развивающихся. Этот перевод связан с созданием конкурентной среды — что является долгим и трудоемким процессом. В результате сегодня даже наши недоброжелатели на Западе с сожалением констатируют: в России не состоялась западная модель капитализма, хотя они активно насаждали эту модель.

Перекредитование — это тупик индустриальной модели капитализма. Падающая отдача от вложений в индустриальные активы (компания) — вот главная причина начала мирового финансового кризиса. Объективной же причиной падения доходности индустриальных активов является утрата возможностей получения доходов за счет эффекта масштаба и кривой опыта. В экономике знаний масштаб бизнеса не имеет значения, а кривая опыта у инновационных компаний, как правило, близка к нулю.

Несмотря на то, что природа кризиса субъективная, его развертывание все равно пошло по классическому сценарию. Спусковой крючок начала кризиса имел субъективный характер. Но есть и объективная причина. Как только отдача индустриальных активов опустилась ниже предельных затрат на капитал и эта проблема была осознана финансистами — грянул кризис.

Выход на известные закономерности капитализма сегодня невозможен. Невозможен потому, что модель индустриального капитализма себя исчерпала, а закономерности воспроизводства постиндустриальной модели капитализма еще не осознаны. Именно этим объясняется отсутствие до сих пор эффективных антикризисных мер как в странах-лидерах, так и развивающихся странах¹. Мир столкнулся с отсутствием объясняющих теорий функционирования постиндустриального капитализма, следствием чего являются непреодолимые пока трудности инновационного развития в условиях современного кризиса.

Трудности анализа возможностей инновационного развития в условиях современного кризиса вызваны двумя обстоятельствами.

---

¹ В этом нетрудно убедиться на мерах российских властей, представленных в «Основных направлениях антикризисных действий Правительства РФ на 2010 г.», одобренных на заседании Правительства Российской Федерации (протокол от 30 декабря 2009 г. № 42).

А. Трудностями самого анализа, поскольку проблемы инновационного развития наложились на кризис самой модели капитализма. Кризис капитализма — это проблема общественного капитала. Экономическая наука оказалась не готова к объяснению феномена современного кризиса из-за отказа от анализа воспроизводства общественного капитала². В результате как ученые-обществоведы, так и просвещенные предприниматели в последние годы все активнее дискутируют по поводу кризиса модели общественного воспроизводства в условиях современного капитализма, а по сути кризиса общественного капитала. К примеру, известный предприниматель и публицист Р. Брэнсон по этому поводу пишет: «В истории нет примеров жизнеспособной альтернативы свободному обмену капиталом, товарами и услугами между производителем и потребителем. Однако капитализм как идеология нуждается в дальнейшем развитии и реформах. Капитализм должен стать чем-то большим, чем просто выживание наиболее приспособленных» [2, 265].

Вот наиболее распространенные рефлексии на современный кризис капитализма:

- на пепелище кризиса, коррупции и общественного недоверия набирает обороты и привлекает миллионы людей движение за возрождение этики и духа свободного предпринимательства;
- капитализм должен излечиться вечными ценностями — ведь он потому оказался так всемогущ, что изначально был основан на принципе справедливости и равенстве возможностей;
- такие абстрактные ценности, как доверие и честность, буквально превращаются в доходы, прибыль и процветание (Патриция Эбурдин, «Мегатренды 2010», или Восход сознательного капитализма);
- мышление с точки зрения «социальной экологии» позволяет увидеть всеобщность отношений и связей, что все уходит корнями в доверие — это новый тип актуального хозяйственного мышления;
- на самом деле финансовые результаты теперь стали одним из критериев их социальной ответственности — они прекрасно показывают, как руководство добивается результатов способами, создающими доверие со всеми заинтересованными сторонами.

Б. Возвышением роли доверия в современных экономических отношениях. Фундаментальной причиной кризиса современного капитализма многие исследователи считают обострение проблем доверия во всех сферах общественной жизни, или наступление кризиса доверия.

---

² В последние годы по поводу исследования методологии общественного капитала была предпринята единственная попытка российского экономиста И.В. Пшеницына, которая осталась незамеченной российским экономическим сообществом.

По этому поводу Стивен Кови утверждает: «Заголовки новостных изданий обнаруживают симптомы беспощадной правды: недостаток доверия ощущается повсюду. Он затрагивает все: глобальное общество, наш рынок, наши организации, наши отношения, нашу личную жизнь. Он порождает подозрительность и цинизм, которые самовоспроизводятся, образуя нисходящий цикл регресса» [3, 28]. К сожалению, без цинизма не может быть капитализма³.

Вектор эволюции капитализма Ричард Брэнсон, как и Билл Гейтс, видит в креативном капитализме. «Мы должны найти способ сделать так, чтобы те преимущества капитализма, которые служат богатым людям, служили в равной степени и бедным» [2, 264]. Но как это сделать не знает никто. Единственное, что очевидно, богатые должны больше инвестировать в создание рабочих мест и в борьбу с глобальными социальными проблемами. Но в условиях перенакопления производственных мощностей создание новых рабочих мест проблематично. Необходимо обоснование актуальных инвестиций в экономике знаний, чему должен учить студентов современный университет.

В условиях мирового финансового кризиса в стратегиях компаний акцент должен сместиться от капитализации к устойчивому развитию. Это одно из наиболее обсуждаемых направлений актуального инвестирования. В Швеции, Китае, Южной Африке государство требует от своих компаний составлять отчетность не только по МСФО, но и по стандартам GRI, Global Reporting Initiative — Глобальной инициативы по отчетности. В Малайзии, Дании и Франции отчетность в соответствии с концепцией устойчивого развития должны составлять компании, акции которых котируются на биржах.

Устойчивость означает, что для создания долгосрочной эффективности (в том числе долгосрочной стоимости для акционеров) компании должны созидать блага (ценности) в трех «измерениях»: экономическом, социальном и экологическом. Тройной шкалой показателей впервые в мировой практике начала пользоваться компания «Шелл» (Shell)⁴.

В такой постановке вектор будущего развития не имеет ясных очертаний, поэтому для него сложно определить структуру обеспечивающих его инноваций. Прежде всего, сегодня возникли методологи-

---

³ Любая модель капитализма основана на предпринимательстве. При этом фундаментальными характеристиками человека-предпринимателя являются цинизм, хитрость и патологическая жадность. Эти качества предпринимателя являются истоками внутренних противоречий постиндустриального капитализма, выразившихся в кризисе доверия.

⁴ Сегодня это выглядит скорее как пиар великой компании.

ческие проблемы анализа инновационного развития в условиях модели устойчивого развития.

Во-первых, в макроэкономическом анализе мы не учитываем изменения скорости экономического времени. А это многое меняет. Так длинные циклы Кондратьева сжалились с 50 лет почти наполовину.

Во-вторых, трудности анализа будущего развития, которое должны поддерживать определенные инновации, вызваны отсутствием надежной методологии организации инновационного развития в условиях перехода от индустриальной к постиндустриальной модели капитализма. Для индустриальной экономики, опираясь на результаты многолетнего исследования опыта инновационного развития различных стран, Бостонская консалтинговая группа (БКГ) выявила пять фаз развития в управлении инновациями и интеллектуальной собственностью [2, 275]:

- фаза 1 — стимулирование роста за счет экспорта;
- фаза 2 — подъем по лестнице стоимости (увеличение расходов на НИОКР);
- фаза 3 — расплата (владелец ИС из развитых стран начинают защищать свои рынки, вынуждая развивающиеся страны и их компании озаботиться защитой своей ИС);
- фаза 4 — серьезное отношение к интеллектуальной собственности (помимо обеспечения высокого уровня инвестиций в инновации, необходимо еще серьезно укреплять свои позиции в области управления ИС);
- фаза 5 — получение прибыли от интеллектуальной собственности и инноваций (к примеру, в эту фазу Южная Корея только вступает).

В условиях индустриальной экономики эти фазы проходили все развитые страны. Однако современный кризис начался в самых высокоразвитых странах, достигших высшей ступени инновационного развития. В этом надо усматривать кризис классической модели инновационного развития, представленного БКГ.

Тем не менее известные российские предприниматели этого явления не принимают во внимание. Так, Михаил Прохоров считает: «Пока мы не создали каких-то новых инновационных рынков и не определяем на них моду и тенденции развития, мы должны встраиваться в западные инновационные цепочки» [5, 21].

Это даже не консервативная позиция, а по меньшей мере научное заблуждение. По Прохорову, надо строго следовать алгоритму БКГ. Однако сегодня в условиях перенакопления производственных мощностей непреодолимое осложнение может наступить уже на первой фазе.

Россия в целом сегодня поставила задачу решить прорыв в фазу 2. И такая стратегия реализуется в России. К примеру, компании-

технологические лидеры под патронатом западных правительств в рамках национального инновационно-образовательного проекта в том же Петербургском электротехническом университете на кафедре систем автоматического управления после отбора финансируемых проектов должны появиться учебно-научные лаборатории автоматизации и электропривода компании «Сименс» и автоматизации, управления, коммутационного оборудования и электроприводной техники компании АВВ. Такой подход является стратегическим просчетом руководства в сфере российского образования. Это своего рода зомбирование. «В умы будущих российских инженеров закладывают определенный бренд. Это учит студентов решать узкую технологическую проблему, но никак не учит создавать новое знание. Так формируются основы для технологического отставания и переориентации на западного производителя, причем в такой стратегически важной для любой страны сфере, как энергетика» [6, 60]. Только это не зомбирование, а технология запираания⁵.

На концепции БКГ основаны и решения российских властей по переходу на инновационный путь развития. Основными антикризисными мерами на 2010 г. предполагаются меры по повышению инновационной активности в экономике:

- 1) развитие спроса на инновации со стороны крупного бизнеса;
- 2) финансовая поддержка предприятий, активно занимающихся НИОКР и разработкой новой продукции;
- 3) стимулирование создания новых инновационных компаний.

Среди дополнительных мер поддержки инноваций, наиболее актуальными представляются:

- формирование системы предоставления бюджетных грантов (субсидий) предприятиям по приоритетным направлениям инновационной деятельности, включая проведение НИОКР, разработку и проектирование новых образцов инновационной промышленной продукции, компенсацию затрат на патентование за рубежом;
- увеличение государственной поддержки создания малого инновационного бизнеса, через дополнительную капитализацию Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере;

---

⁵ *Технологии запираания* — это метатехнологии, которые обеспечивают устойчивость бизнеса в глобальной экономике. Запирание потребителей, поставщиков и конкурентов помогает создать устойчивое конкурентное положение, открывая дополнительные возможности, которые при необходимости могут быть использованы. Это создает гибкость и дополнительную ценность для заинтересованных лиц (Ф. Янсен «Эпоха инноваций»).

- разработка и реализация госкорпорациями и компаниями с государственным участием корпоративных программ инновационного развития, удовлетворяющих установленным Правительством Российской Федерации требованиям;
- установление льготного переходного периода по росту нагрузки на фонд оплаты труда для отдельных категорий инновационных предприятий;
- постановка на баланс объектов интеллектуальной собственности с учетом понесенных затрат на НИОКР;
- расширение льготного (1,5-кратное списание расходов) перечня НИОКР, совершенствование администрирования данной льготы, в том числе через формирование перечня научных организаций, уполномоченных давать заключение налоговым органам о соответствии проводимых компаниями НИОКР льготному перечню;
- предоставление льгот по уплате налога на прибыль и налога на имущество отдельной категории предприятий инновационной направленности;
- установление сроков амортизации для нематериальных активов, непосредственно используемых в научно-технической и производственной деятельности (изобретения, полезные модели, патенты и т. д.) по выбору компании: от 2 до 10 лет или на основании имеющихся документов;
- поддержка через институты развития, федеральные целевые программы создания «инновационных поясов» вокруг вузов, научных учреждений, крупных и крупнейших корпораций, включая компании с госучастием.

Для активизации процесса создания новых инновационных компаний будут разработаны на принципах софинансирования из федерального центра и регионов механизмы поддержки создания промышленных парков. Большие надежды возлагаются на поддержку создания «инновационных поясов» вокруг вузов, научных учреждений, крупных и крупнейших корпораций, включая компании с госучастием. Именно для принятия соответствующего закона летом были отозваны из отпусков депутаты Государственной Думы [7, 46].

Наиболее реалистично первое направление, предполагающее ужесточение ГОСТов, развертывание инновационных программ в госкорпорациях, решительное расширение масштабов офсетных сделок с западными компаниями.

Расширение финансовой поддержки предполагается осуществить за счет бюджетных мер в сумме 10 млрд р.

Третье направление предполагает меры по усилению фонда Бортника, введения налоговых льгот для инновационно активных фирм, а также создания «инновационных поясов» вокруг вузов, научных учреждений, крупных корпораций. Последнее наиболее актуально для МГУ, но это не связано с финансами и, скорее всего, останется благим намерением.

Но есть и другая модель, основанная на опережающем знании. России следует сделать выбор предпочтений и определить более ясный вектор развития. Известно, чтобы экономика, основанная на знаниях, заработала эффективно, необходимы определенные институциональные условия. В развивающихся странах таких условий нет или недостаточно. Но чтобы сделать шаг вперед, необходимо направить экономическую политику на те цели и задачи, к которым сейчас стремятся развитые страны, причем нужно попасть не туда, где экономика развитых стран была вчера, а сразу туда, где она окажется завтра. Решение этой сверхзадачи предопределяется уровнем развития системы образования, ее нацеленностью на инновационную деятельность и опережающее знание, достижимые только при освоении целостного подхода к управлению инновациями.

Опыт показывает, что первенство на рынке нового продукта не является ни необходимым, ни достаточным условием для долгосрочного инновационного лидерства. Целостный подход означает — надо суметь придумать гениальную идею нового продукта, превратить идею в нечто осязаемое, затем суметь «прожить» с этим продуктом весь его жизненный цикл так, чтобы обеспечить максимальный возврат на инвестиции в его разработку.

Организация целостного подхода — это управленческая задача с элементами творчества, или особая управленческая концепция. Управление НИОКР на основе этой концепции предполагает:

- строгую проектную дисциплину и ориентированный на потребителя маркетинг (у исследователей есть четкий срок выдачи очередной инновации, отсюда стремительный рост актуальности «фабрик инноваций»);
- фокус на затратах (гениальное изобретение с малым доходом всегда проигрывает небольшому усовершенствованию, приносящему больший доход);
- понимание пути от идеи до инновации с осознанием того, что для этого нужно сделать (в отличие от ученых, занимающимися фундаментальными научными исследованиями, исследователи в компаниях существенно ограничены во времени, поэтому они не могут двигаться методом проб и ошибок, наоборот, они с самого начала должны увидеть всю картину превращения идеи в конечный продукт) [4, 285];

- формирование межфункциональной инновационной команды, готовящей поле деятельности для инженеров (инновационная бизнес-модель, реализуемая на проектном подходе).

Система опережающего высшего образования может формироваться только на основе инновационных образовательных программ, подкрепленных материальными стимулами. В условиях низкой мотивации в России на знания как у преподавателей, так и у студентов, никакими инновационными программами вузовскую науку не поднять.

Опережающее образование должно адекватно оценивать будущие мегатренды. Одним из важных элементов третьей миссии университетов является реальное воплощение принципа «образование всю жизнь», принятого в кадровой политике предприятий и органов управления во всех экономически развитых странах мира, который становится неотъемлемым элементом успешной профессиональной карьеры специалистов и в России. По оценкам экспертов, уже в ближайшие годы емкость рынка образовательных услуг в сфере повышения квалификации и профессиональной переподготовки для России составит более 10 млн человек в год. Но для реализации этого направления также необходимо опережающее знание.

Одна из системных проблем в инновационной инфраструктуре России — отсутствие технологического маркетинга. Руководитель российской компании «Специальные технологии», специализирующейся на алмазоподобных покрытиях, пишет: «Нас приучили к тому, что лучше делают за рубежом. Мы уже поставляли фрезы для «Airbus», а российский «Иркут» в это же время закупал фрезы наших конкурентов» [8, 63].

Это не единственный случай, а системное явление, которое почему-то не обсуждается.

Касательно гипотезы 2 можно привести следующие факты. Новые мегатренды, характеризующиеся акцентом во всех сферах жизни на вызовы нового технологического уклада, будут направлены на развитие национальных хозяйств за счет внутренних источников. Это неизбежно внесет коррективы в систему образования. От формата Болонского процесса оно будет переходить к модели, где будут доминировать два начала: физико-техническое и философско-гуманитарное. Это вызовет серьезные сдвиги в структуре бизнеса. В развитых странах неизбежен возврат к индустриализации на технологиях шестого технологического уклада. Не случайно 21 сентября 2009 г. президент США утвердил «американскую инновационную стратегию», где ставится задача восстановить лидерство США в фундаментальных исследованиях.

Мало того, кризис эту ситуацию существенно обострил. У американцев, похоже, откристаллизовалось видение своей экономи-

ки в посткризисный период. Они хотят превратиться в мировую фабрику инноваций. Судя по наработкам, которые делают американцы, судя по недавнему посланию президента Обамы Конгрессу, наращивание экспорта технологий и инновационной продукции заявлено США в качестве одного из приоритетов. Они собираются стать безусловным лидером по широкому спектру технологий, причем не просто лидером в части R&D, опытно-конструкторских работ и отдельных образцов, которые потом подхватывают другие страны и их тиражируют. Речь идет именно о массовом, серийном производстве и экспорте инновационной продукции.

Еще один приоритет, который назвал Обама, — поддержка малого предпринимательства. Особый акцент сделан на небольшие компании, занятые производством высокотехнологичных товаров малыми сериями в привязке к крупным корпорациям.

Все это будет означать изменение фундаментальных пропорций в американской экономике. Прежде всего — выравнивание платежного баланса и увеличение нормы сбережений и нормы инвестиций, которые сейчас в США очень низкие.

Переход к философско-гуманитарным началам в образовании вызван радикальным изменением отношения к доверию во всех сферах общественной жизни. В новой открытой экономике судьба инноваций зависит от конкретного взаимодействия технических, социологических, дизайнерских и других креативных элементов, объединенных в целостную систему. Бизнес-модель на дизайне — это инновационная бизнес-модель постиндустриального типа. В связи с этим важной становится подготовка соответствующих специалистов.

Литература

1. *Фляйшер К.* Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе. М., 2009.
2. *Брэнсон Р.* Обнаженный бизнес. М., 2010.
3. *Кови С.* Скорость доверия: то, что меняет все. М., 2010.
4. *Эндрю Дж.П.* Возврат на инновации: практическое руководство по управлению инновациями в бизнесе. Минск, 2008.
5. *Фадеев В. и др.* Снять патологию системы // Эксперт. 2010. № 2.
6. *Имамутдинов И. и др.* Мозги России // Эксперт. 2008. № 11.
7. *Ивантер А.* Поможем, только не деньгами // Эксперт. 2010. № 3.
8. *Куликова У.* Спящее лидерство // Эксперт. 2010. № 4.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Международный инновационный процесс и концепция национальных инновационных систем

Аннотация. В статье рассматривается концепция национальных инновационных систем (НИС), возникшая в начале 1990-х гг. и ставшая популярной во многих странах мира. Концепция, по замыслу ее авторов, должна была объяснить причинную обусловленность инновационного развития отдельных экономик и различий в его уровнях. В работе исследуются сильные и слабые стороны концепции, ограниченность концепции, критика в ее адрес, а также эволюция ее содержания.

Ключевые слова: инновационное развитие, концепция национальных систем, национальный инвестиционный процесс, инвестиционная составляющая, хозяйственные системы, национальная экономика.

Abstract. In the article the concept of national innovative systems (NIS) that has appeared in the early nineties and become popular in many countries of the world is being considered. The concept, on a plan of its authors, should explain causal conditionality of innovative development of separate economy and distinctions in its levels. In the work strong and weak sides of the concept, limitation of the concept, criticism, and also evolution of its maintenance are being analyzed.

Keywords: innovative development, the concept of national systems, national investment process, investment component, economic systems, national economy.

Ускорение общественного развития, о котором много говорится и пишется за последние годы, обнаруживается, в частности, в скоротечности жизни некоторых научных гипотез, концепций, теорий. Отдельные результаты научных поисков проявляют свою явную несостоятельность в течение исторически короткого периода (например, многочисленные концепции преодоления циклических кризисов, возникшие в 1990-е гг., оказались дискредитированными уже в период мирового кризиса 2008—2009 гг).

Другие, первоначально поданные как некие абсолютные истины, сохраняются как относительные, способные объяснить лишь некоторые аспекты общественной динамики при очень жестких ограничениях. К числу таких «относительных» теоретических построений можно причислить *концепцию национальных инновационных систем* (НИС), возникшую в начале 1980-х гг. и сравнительно быстро ставшую популярной во многих странах мира (в том числе и в РФ).

Обычно создание фундамента концепции НИС связывают с фамилиями трех экономистов — Р. Нельсона, К. Фримена, Б.-А. Лундвэлла⁶.

Каковы основные положения концепции национальных инновационных систем? Почему эта концепция рассматривается нами как «относительная»?

Сами авторы концепции НИС предпочитали называть свое теоретическое детище концепцией, а не теорией. И для этого у них были веские соображения: предложенные ими теоретические построения явно не тянули на теорию. В них (как это будет видно из дальнейшего изложения) было много слабых мест, не совместимых с теорией.

Концепция, по замыслу ее авторов, должна была объяснить причинную обусловленность инновационного развития отдельных экономик и различий в его уровнях.

Основные показатели уровня экономического развития национальных экономик достаточно подробно описаны. Этого нельзя сказать об инновационном развитии и его связи с общим уровнем развития национальной экономики. США, например, являются бесспорным лидером в области абсолютных показателей экономического развития. Но это не значит, что в инновационной сфере они опережают такие страны, как Финляндия, Швеция, Тайвань и некоторые другие. Связь между экономическим и инновационным развитием оказывается сложной, нелинейной и не всегда достаточно хорошо изученной.

В понимании содержания инновационного развития обнаружилось много белых пятен уже в прошлом столетии. В 1950—1970 гг. экономисты сосредоточили внимание на вскрытии общих закономерностей инновационного развития и его причинной обусловленности в высоко развитых странах (прежде всего в США).

Авторы концепции НИС, с одной стороны, сохраняют преемственность с уже сложившимся подходом к анализу инновационного развития. Они делают центром своего исследования (как и их предшественники) национальный инновационный процесс. Б.-А. Лундвэлл подчеркивал: «Мы используем эту концепцию как средство концентрации внимания для того, чтобы лучше понять, как инновация воздействует

---

⁶ С позициями этих авторов можно познакомиться в публикациях: [1—3]. К. Фримен подготовил в 1982 г. доклад для ОЭСР, озаглавленный «Технологическая инфраструктура и международная конкурентоспособность», в котором он выдвинул некоторые положения, которые в дальнейшем легли в основу концепции национальных инновационных систем. Доклад К. Фримена был опубликован лишь в 2004 г. В настоящее время в США широко используется понятие «национальная инновационная экосистема», предложенное специалистами Национального исследовательского института США. Обоснование нового понятия можно найти в работе [4].

на экономическое развитие на национальном уровне» [5, 27]. Протекание инновационного процесса на мирохозяйственном уровне и его воздействие на национальные экономики не являются предметом анализа в концепции НИС.

С другой стороны, ее основатели включили в орбиту анализа экономики, различающиеся по уровню экономического развития. Тем самым исследование шагнуло в мирохозяйственную сферу. Но эта сфера рассматривалась как простая сумма национальных экономик, а не как новый хозяйственный механизм с уникальными закономерностями.

Был выдвинут ряд новых положений, объективно направленных на то, чтобы восполнить пробелы, обнаружившиеся в предшествующем изучении инновационного процесса в высокоразвитых экономиках. Концепция НИС стала трактоваться некоторыми экономистами как универсальная теория, пригодная для анализа инновационного развития в любой стране мира.

Концепция исходит из того что, в отдельных национальных хозяйствах складываются инновационные системы, являющиеся переплетением внутренних институтов и сложного взаимодействия между ними. Функционирование институтов определяет инновационное развитие национальных хозяйств. В мире насчитывается множество национальных инновационных систем, и каждая из них имеет специфические черты, порождаемые особенностями действия и взаимодействия институтов, сложившихся в той или иной стране.

Понятие «институты», его содержание оказалось неопределенным. Осталось неясным, какие именно факторы включаются в понятие «институты»? Чем они отличаются от всего комплекса факторов, воздействующих на общественное развитие? Как и почему меняется соотношение между институтами? В каких границах они действуют?

В понимании содержания понятия «система национальных институтов» (а вместе с тем и понятия «национальная инновационная система») у основателей концепции прослеживается известная (и в целом очень важная) эволюция. Р. Нельсон в 1990-е гг. подчеркивал, что НИС — «это комплекс институтов, чье взаимодействие определяет инновационную деятельность национальных фирм» [2, 4].

Трактовка Р. Нельсоном институтов позволяла рассматривать НИС как нечто внешнее по отношению к фирмам: есть фирмы, и есть институты, определяющие инновационную деятельность фирм.

Ограничение Р. Нельсоном круга институтов, составляющих НИС, было поддержано во многих странах и получило название *институционального подхода* к НИС. Россия не является исключением. Это

обнаружилось на многих конференциях и во многих публикациях⁷. В частности, при обсуждении проекта «Стратегии социально-экономического развития России до 2020 г.», подготовленного Минэкономразвития РФ, заместитель главного редактора журнала «Эксперт» Д. Медовников (курирующий в журнале вопросы инновационного развития), подчеркивал, что многие концепции НИС «растут из институционализма. Национальная инновационная система, безусловно, является совокупностью институтов» [7, 59].

Под институтами многие авторы (вслед за Р. Нельсоном) стали понимать ограниченный круг государственных административных учреждений, административно-экономических структур, правовых норм, создаваемых на определенной хозяйственной территории для успешной инновационной деятельности хозяйствующих субъектов.

Подобное ограничение круга институтов, воздействующих на инновационное развитие, может быть оправдано тогда, когда возникает необходимость упрощения анализа. Но оно не может рассматриваться как исчерпывающее объяснение условий инновационного развития.

Нельсоновская трактовка НИС (назовем ее узкой) была заложена его общим подходом к пониманию условий инновационного развития. Р. Нельсон считал само собой разумеющимся, что в национальных хозяйствах преобладают фирмы, заинтересованные в инновационном развитии, имеющие возможность его осуществлять. Это как бы стандартные условия любого рыночного хозяйства, не требующие специального разъяснения.

Однако подобный подход ограничен. Фирмы, как и весь производственный механизм, исторически изменчивы. Появляются, например, транснациональные фирмы, изменяющие конфигурацию национального хозяйства. Происходит интернационализация экономики, требующая нового подхода к пониманию инновационного развития. Складывается система инновационного взаимодействия фирм, отличающихся друг от друга уровнем концентрации производства и капитала, спецификой функциональной роли в воспроизводстве.

Ограниченность вышеуказанного подхода к пониманию НИС становится особенно заметной на этапе перехода ряда экономик на рельсы рыночного хозяйства, когда еще не закончилось формирование частных фирм.

Во многих странах, осуществляющих переход к рыночной экономике, национальные фирмы пока не обладают всеми чертами фирм рыночной экономики. Они не имеют достаточных возможностей и стимулов для инновационного развития. Характерным примером мо-

---

⁷ См., напр.: [6].

жет служить экономика РФ. Основываясь на результатах исследований состояния технологической структуры производственных отраслей РФ (проведенных в 2007—2008 гг.), авторы одной из обзорных статей в журнале «Эксперт» отмечали: «Инновационная активность большинства российских компаний находится на низком уровне» [8, 53]. В этих условиях инновационное развитие встречается с особенно большими трудностями. И этим отчасти объясняется значительная роль государственных «институтов».

Во всех странах обнаруживается противоречивое отношение фирм к инновационному развитию.

И это не является чем-то временным. Инновационное развитие характеризуется высокой степенью неопределенности: в силу технической и экономической обособленности отдельных звеньев инновационной цепочки, их подчинения рыночным силам и интересам отдельных субъектов, сложности связи с производственным процессом преобладает нестыковка в появлении научных идей, изобретений и потребности в инновациях и в их материализации.

Нередко инновации создают угрозу обесценения активов фирм и подрыва их текущей конкурентоспособности.

Конкуренция заставляет фирмы расходовать на инновационную деятельность огромные средства и одновременно создавать препятствия для инноваций. Большая часть мелких и средних фирм не обладают необходимыми ресурсами для полноценного участия в инновационной деятельности.

В наиболее развитых странах (таких как США, Германия, Великобритания, Япония) до сих пор основную массу субъектов, участвующих в инновационном развитии, составляют индивидуальные изобретатели, а не фирмы.

По уровню развития национального производства многие (если не большинство!) стран еще не готовы для развития современной инновационной цепочки и реализации ее результатов. И если некоторые из этих стран (такие как Северная Корея, Пакистан, Таиланд, Малайзия и некоторые другие) имеют инновационные секторы с достаточно высокой институциональной составляющей, это не дает оснований для переоценки общей готовности их экономики к инновационному развитию. В Малайзии, например, в 2006 г. национальный ВВП составил 156,4 млрд дол., а добавленная стоимость в производстве высокотехнологичной продукции — всего 8,9 млрд дол. [9, 436, 449]. При этом экспорт высокотехнологичных продуктов составил 87,5 млрд дол., или почти 56% ВВП [9, 514]. Другими словами, производство высокотехнологичной продукции было рассчитано на экспорт, а не на внутреннее потребление.

Неясным оказалось использование основателями концепции НИС понятия *национальная экономика*. Р. Нельсон и его сторонники не придавали значения различию между национальной экономикой как территориально хозяйственным комплексом и как хозяйственной системой. В первом случае хозяйственный комплекс ограничивается известной территорией. Во втором — решающим становится национально-хозяйственная основа воспроизводственных сил вне зависимости от того, в каких границах они действуют. Территориальные границы отодвигаются на второй план. Например, капиталы США, стран ЕС, Японии действуют далеко за территориальными границами этих стран. Инновационное развитие многих экономик испытывает на себе влияние этих капиталов.

В зависимости от различий в подходе к пониманию того, что представляет из себя национальная экономика, радикально меняется представление о системе институтов, включаемых в национальную инновационную систему, о движущих силах инновационного развития.

Нельзя сказать, что концепция НИС встретила единодушную поддержку в научных и международных бюрократических кругах. Критические замечания были высказаны в работах некоторых французских (П. Дэвид и Д. Форэй) и канадских (Б. Годин) экономистов. Стабильно критическое отношение сквозит в оценках концепции, даваемых частью экономистов, работающих в аппарате ОЭСР. Так, в 2002 г. в обзорной статье, спонсированной аппаратом ОЭСР, отмечалось, что «в кругах, формирующих политику, все еще высказывается озабоченность тем, что подход, предлагаемый в концепции НИС, имеет слишком незначительную ценность с точки зрения решения оперативных проблем, и его сложно практически осуществить» [10, 11].

В печати встречается характеристика концепции НИС, как «мало-содержательной». Некоторые реальные пробелы в концепции дали почву для обвинений ее авторов в том, что их детище не более чем гипотеза; что они не вносят ничего нового в понимание существа экономического (и в том числе инновационного) развития:

а) экономисты всегда рассматривали экономическое развитие, как многофакторное, включающее в себя отношения;

б) концепция НИС не содержит каких-либо новых моментов в понимании технологических связей (отношений) инновационного процесса (добавим, что, как и в прошлом, явно недооценивается роль отношений собственности);

в) сказать, что инновационное развитие определяется всей совокупностью факторов, имеющихся в обществе, — ничего не сказать.

К этому можно было бы прибавить еще несколько моментов, которые отнюдь не делают чести основателям концепции.

Отцы-основатели концепции стремятся создать впечатление, что в изучении инновационного развития они идут по целине. В качестве единственного теоретического источника своей концепции они называют работы Ф. Листа. Практически полностью обходится вклад сторонников классического направления в политэкономии в изучение технического прогресса. Демонстративно игнорируются работы американских экономистов, внесших много нового в изучение инновационного процесса в 1950—1970-е гг. Обнаруживается стремление отодвинуть в тень тех авторов, которым принадлежит первенство в изучении системы факторов, определяющих экономическое развитие национальных хозяйств. Речь идет, в первую очередь, о работах М. Портера. М. Портер в 1980 г. (за два года до подготовки упомянутого выше неопубликованного доклада К. Фримена) выпустил книгу «Конкурентная стратегия», в которой весьма детально рассмотрел действие важнейших факторов, которые основатели концепции НИС в последующем назвали институтами. В 1985 и 1991 гг. (опять-таки значительно опережая Б.-А. Лундвэлла и Р. Нельсона) М. Портер издает книги «Конкурентное преимущество» и «Международная конкуренция», в которых содержится детальный анализ факторов, определяющих особенности экономического (в том числе и инновационного) роста отдельных национальных хозяйств. Сравнение работ М. Портера и основателей концепции НИС не оставляет сомнения в том, что М. Портер более глубоко и взвешенно подходил к анализу системы факторов развития. Он первым сделал попытку систематизации этих факторов.

Некоторые критические стрелы в адрес концепции НИС спровоцированы в действительности тем новым, что ее авторы вносят в сложившуюся на Западе теорию экономического развития вообще.

Сторонники концепции НИС практически открыто выступают против тех течений в экономической науке, которые отводят общественным структурам пассивную роль в экономическом развитии (а подобные течения до последнего времени были господствующими в высокоразвитых странах). Они доказывают, что инновационное развитие отдельных национальных хозяйств не является чем-то «предопределенным свыше», направляемым «невидимой рукой» рынка и что оно существенно зависит от деятельности государства и других общественных организаций.

Через работы сторонников концепции НИС красной нитью проходит тезис о том, что рыночное соотношение спроса и предложения не играет той магической роли в экономическом развитии, которая приписывается ему многими экономистами.

Вместо преклонения перед спросом и предложением они призывают внимательно изучать функционирование экономических институ-

тов и взаимодействия между ними. Подобный призыв, конечно, не равноценен отрицанию необходимости детального изучения спроса и предложения и его учета при анализе экономического роста.

И, наконец, если американские экономисты рассматривали закономерности инновационного процесса в США как всеобщие, то сторонники концепции НИС, подчеркивая множественность и неоднородность национальных инновационных систем, обращают внимание на их специфичность.

Основатели концепции НИС не могли пройти мимо критических замечаний в ее адрес.

Б.-А. Лундвэлл в 2007 г. вернулся к разъяснению своего понимания содержания НИС. Он писал, что НИС «состоит из элементов и отношений, которые взаимодействуют в производстве, распространении и использовании нового (экономически полезного) знания» [5, 2]. Под элементами системы (или институтами) подразумевались фирмы, университеты, лаборатории, финансовые и государственные учреждения, учреждения системы образования, отношения между ними. Тем самым Лундвэлл призвал к пересмотру институционального подхода в анализе инновационного развития.

Вслед за Лундвэллом многие авторы в настоящее время считают необходимым особо подчеркнуть роль предприятий в формировании и функционировании НИС. Например, авторы одного из последних докладов ЮНКТАД писали: «Предприятия являются ядром НИС» [11, 182] (более правильно было бы говорить о хозяйствующих субъектах).

Трактовку НИС, включающую туда весь комплекс хозяйствующих субъектов и отношений, возникающих в процессе инновационного развития, можно назвать широкой.

При широкой трактовке НИС центром анализа остается инновационное развитие национального хозяйства, а хозяйствующие субъекты (и их инновационная деятельность) включаются в комплекс факторов, определяющих это развитие.

Подобное понимание НИС расширяет возможности анализа особенностей инновационного развития отдельных стран. Вместе с тем не исчезают некоторые старые пробелы и появляются новые трудности.

Далеко не всегда реально оценивается значение включения предприятий (хозяйствующих субъектов) в число институтов, конституирующих НИС. Нередко к этому подходят как «добавлению еще одного фактора», определяющего НИС. В действительности, хозяйствующие субъекты выступают не просто как органическая часть НИС, а как сила, ее формирующая. И одновременно НИС является той средой, в которой хозяйствующие субъекты действуют.

Включение в круг институтов, определяющих инновационное развитие, фирм и отношений между ними означает включение в НИС всей совокупности воспроизводственных — материальных и субъективных — условий и отношений, т. е. системы общественного воспроизводства. В понимании (и тем более регулировании) воспроизводства даже только на национальном уровне встречались и встречаются огромные трудности. Этим отчасти объясняется историческое выделение воспроизводства как особой области научного анализа.

Кроме того, субъекты общественной (и, прежде всего, хозяйственной) деятельности включены в системы социальных, политических, административных, этнических и культурных отношений. Каждая из таких систем отличается исключительной сложностью.

Национальная инновационная система оказывается взаимодействием множества систем условий и отношений.

Широкий подход к НИС, безусловно, расширяет (но и усложняет) анализ инновационного развития. Это отражает объективно обнаруживающееся требование: современное общество является взаимодействием множества сложных и быстро меняющихся систем. Далеко не все системы (и тем более взаимодействие между ними) достаточно хорошо исследованы. Только изучив каждую компонентную систему и ее взаимодействие с другими системами, весь комплекс систем, можно правильно оценить закономерности инновационного развития.

Слабость концепции НИС состоит в том, что ее авторы не всегда структурируют (или слабо структурируют) факторы (институты) инновационного развития, не анализируют глубоко их соподчинение. Совокупность факторов часто выглядит как аморфная масса. В результате анализ уводится в неоперабельную бесконечность.

Анализ в известной мере можно облегчить, если всю совокупность внутренних сил, оказывающих влияние на инновационное развитие отдельного национального хозяйства, попытаться свести в несколько групп, между которыми обнаруживается иерархическое взаимодействие.

Характер этого взаимодействия изменчив. Он меняется в процессе исторического развития; при переходе от отдельной фирмы к национальному хозяйству и от национального хозяйства к мировой экономике.

Шагом в направлении такой систематизации является вычленение связи инновационного развития национального хозяйства и внутреннего воспроизводственного процесса на разных его уровнях.

Течение инновационного процесса (в его современных формах) в национальном хозяйстве имеет место лишь тогда, когда для этого имеется воспроизводственная основа. Что это означает?

Во-первых, достижение национальными производительными силами (хотя бы в некоторых секторах) такого уровня, когда их дальнейшее движение становится возможным лишь на основе развертывания современного инновационного процесса.

При этом, конечно, необходимо учитывать возможность воздействия на национальную экономику извне или ее реакции на внешнюю среду. Именно этим объясняется факт наличия инновационных секторов в странах с общим низким уровнем развития производительных сил.

Во-вторых, наличие хозяйствующих субъектов, обладающих заинтересованностью и возможностью влиять на развертывание современного инновационного процесса.

В-третьих, наличие воспроизводственных сил, не просто обуславливающих заинтересованность в инновационном развитии, а под страхом гибели заставляющих субъектов хозяйственной деятельности развиваться инновационным путем.

В-четвертых, обеспечение количественной и качественной пропорциональности в динамике условий воспроизводства.

В-пятых, обеспечение пропорциональности в развертывании инновационного процесса.

В-шестых, поддержание спроса (в том числе и платежеспособного) на продукт отдельных этапов инновационной цепочки. Поддержание подобного спроса одновременно означает обеспечение инновационного развития необходимыми ресурсами.

Выделение групп воспроизводственных сил ни в коей мере не отрицает значения для инновационного развития факторов, лежащих за пределами собственно воспроизводства в рамках территориально-хозяйственного комплекса, и необходимости их анализа.

Очевидно также, что при преобладании стихийности капиталистического воспроизводства обеспечение вышеуказанных условий происходит через противоречия и конфликты, бесчисленные колебания конъюнктуры, усиление неравномерности развития и одновременно его нивелировку.

Было бы несправедливым утверждать, что авторы концепции НИС вообще не делают попыток известной систематизации институтов развития. Выделение (среди множества институтов) инновационной деятельности фирм, их взаимодействия между собой и другими «институтами» (особенно производящими новые знания) уже является известной структуризацией «институтов».

Конечно, акцентировка роли фирм и их взаимодействия в развитии не является чем-то новым для экономической науки. Вместе с тем подобное выделение, во-первых, является шагом в сторону упорядоченности факторов развития; во-вторых, предостерегает от трактовки

НИС как системы учреждений, стоящих где-то рядом с деятельностью фирм и их взаимодействием.

Направленность концепции НИС на изучение внутренних, национальных факторов инновационного развития можно частично оправдать тем, что фундаментальные черты инновационных систем носят всеобщий характер, т. е. они присущи всем экономикам, участвующим в современном инновационном развитии. Их выделение является необходимым этапом в теоретическом анализе. Однако нельзя этапность и ограниченность рамок анализа возводить в абсолют.

Нельзя проходить мимо глобализации и интернационализации мирового хозяйства. Инновационный процесс становится международным. Национальное и интернациональное оказываются теснейшим образом переплетенными.

Национальное инновационное развитие является вполне объективным фактом (конечно, с учетом приведенных выше оговорок в отношении понимания границ национального). Оно требует поддержки, внимательного изучения и регулирования.

И одновременно оно является частью международного инновационного процесса, определяется закономерностями, присущими этому процессу (где внутренние закономерности инновационного развития являются только частью). Инновационное развитие стран зависит от протекания инновационного процесса в мире в целом.

Остановимся лишь на некоторых аспектах этой зависимости.

Она обнаруживается, прежде всего, в том, что научные исследования и разработки, являющиеся первым этапом инновационной цепочки, оказались сконцентрированными в границах 30—31 экономик (из 220-х, имеющихся в мире). Из них на долю США, Японии, Германии и Китая приходится около 67% годовых инвестиций в НИОКР (2007 г. — последняя дата, по которой имеется информация). 14 стран (США, Япония, Китай, Германия, Тайвань, Ю. Корея и др.) сосредоточили в своих границах более 88% мирового производства высокотехнологичной продукции (2005) [12, 6—16].

Для современного этапа характерно формирование *международных корпоративных производственных систем* — МКПС, в центре которых находятся ТНК, выросшие в рамках конкретного национального территориально-хозяйственного комплекса. ТНК формируют международные инновационные цепочки, которые являются органической частью МКПС.

МКПС пронизывают практически все национальные экономики. Это проявляется, в частности, в том, что ТНК создают свои производственные филиалы и научно-исследовательские лаборатории за рубежом. По последним данным (2008), на долю иностранных филиалов ТНК прихо-

дилось 9,9% мирового ВВП [13, 18]. Американские ТНК инвестировали в 2006 г. более 28 млрд дол. (более 15% расходов ТНК на НИОКР) в лаборатории своих филиалов за рубежом. В этом же году иностранные ТНК вложили в проведение НИОКР в США более 34 млрд дол. [14, 243—247]. По подсчетам ЮНКТАД, в Ирландии 72% инвестиций в производственные НИОКР осуществлялись филиалами иностранных компаний. В Великобритании это процент составлял 45%, Швеции — 45,3, Китае — 23% [15, 127]. Даже наиболее развитые в экономическом отношении страны (такие как США, Япония, Германия) ввозят из-за рубежа значительную часть потребляемой в их территориальных границах высокотехнологичной продукции (материальные продукты и услуги).

И это вносит много нового в инновационное развитие национальных хозяйств, в понимание того, какая система факторов и как определяет это развитие.

Национальная обособленность экономик продолжает существовать, и одновременно она оказывается ослабленной и размытой. Инновационное развитие стран зависит от процессов, имеющих место далеко за их территориальными границами и не поддающихся полностью их непосредственному контролю. Вряд ли возможно объяснить инновационное развитие таких стран, как Великобритания, Швеция, Ирландия, Словения или Тайвань, только факторами, имеющими место внутри их территориально-хозяйственных комплексов.

Национальные экономики оказываются связанными в единой международной инновационной системе, порождающей новые закономерности. Их инновационное развитие подчиняется импульсам и сигналам, которые распространяются в международной инновационной системе. ТНК оптимизируют инновационное развитие внутри МКПС, ориентируясь на состояние всего мирового хозяйства и лишь частично учитывая интересы и условия развития отдельных национальных экономик.

Конечно, условия развития отдельных экономик, их эволюция имеют важное значение. Каждая из стран, участвующих в инновационном развитии, занимает определенное место в международном разделении труда, имеет исторически сложившийся специфический набор производственных отраслей, предъявляющих далеко не совпадающий спрос на инновационную продукцию. Национальные экономики развиты неравномерно. В ряде случаев они находятся на разных ступенях исторического развития. Странам приходится решать далеко не совпадающие задачи. Например, российскому обществу потребуется еще немало времени, чтобы преодолеть исторически сложившуюся отраслевую структуру экономики, создать реальную конкурентную среду, сформировать группы взаимодействующих хозяйствующих субъектов, способных и заинтересованных в участии в инновационном процессе,

модернизировать технологический уровень производства. Это не может не сказаться на характере национального инновационного развития. Так, в России в настоящее время (и некоторые специалисты полагают, что так же будет в ближайшие 10—20 лет) преобладает сырьевая направленность экономики. Имитационное развитие будет важнейшей формой развития. Решающее значение имеет освоение новейшей техники и технологии, воплощенных в зарубежной готовой продукции.

Национальные экономики являются не стационарными структурами. Они проходят через фазы развития, в рамках которых меняется характер общественных институтов, отношений между ними, удельный вес отдельных институтов в общественном (и в том числе инновационном) развитии. На нынешнем этапе, как отмечалось выше, в ряде стран (в том числе и в РФ) объективно велика роль государственных институтов. Но эти институты не могут не учитывать требований, идущих от мирового сообщества (и прежде всего высокоразвитых стран), передаваемых мировым рынком и такими организациями, как МВФ, МБРР, ООН, выдвигаемых на многосторонних и двусторонних переговорах.

Это не может не отразиться в национальном инновационном развитии, функциональной нацеленности внутренних институтов.

Кроме того, сторонники концепции НИС проходят мимо неравномерности и конфликтности в формировании отдельных структурных звеньев НИС (системы воспроизводственных отношений, правовой и административной систем, культурной среды).

Между структурными звеньями могут быть глубокие противоречия. Это снижает эффективность НИС и делает необходимым ее сознательную корректировку. Подобная корректировка с неизбежностью выливается в социально-политическую борьбу несовпадающих интересов, и не только внутри отдельных стран, но и на международной арене.

Таким образом, трактовка НИС, даже в ее широкой редакции, оказывается ограниченной и относительной. К НИС нельзя подходить как простой совокупности взаимодействующих институтов-факторов. Формирование инновационных систем (и их функционирование в пределах национальных территориально-хозяйственных комплексов) — это противоречивый исторический социально-экономический, политический и культурный процесс, где наблюдается взаимодействие объективного и субъективного, частного и общего не только в пределах национальных территорий, но и в масштабах всего мирового сообщества.

Литература

1. *Freeman C. Technology Policy and Economic Performance*, 1987.
2. *National Innovation Systems: A Comparative Analyses / R. Nelson (ed.). N.Y., 1993.*

3. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning / B.-A. Lundvall (ed.). N.Y., 1992.
4. Innovation Policies for the 21 Century. NAS. 2007.
5. National Innovation System: Analytical Focusing Device and Policy Learning Tool / B.-A. Lundvall (ed.). ITPS. 2007.
6. Тезисы 6-й Международной кондратьевской конференции. Есть ли у России не сырьевое будущее? М., 2007.
7. Эксперт. 2008. № 37.
8. Эксперт. 2009. № 5.
9. Science and Engineering Indicators. 2010. Vol. 2.
10. Dynamising National Innovation Systems. OECD. P., 2002.
11. World Investment Report. 2005.
12. S&E Indicators. 2008. Vol. 1.
13. WIR. 2009.
14. S&E Indicators. 2010. Vol. 2.
15. WIR. 2007.

Ю.В. ЯКОВЕЦ

Глобальный кризис науки и контуры грядущей Великой научной революции

Аннотация. Лидер современного циклизма Ю.В. Яковец в своей работе дает отрицательный ответ на вопрос — наступил ли конец Века науки. Он указывает, что кончается век индустриальной научной парадигмы, преобладавшей несколько веков. Но это лишь предвестник очередной научной революции, новой картины мира, адекватной условиям постиндустриального общества XXI в. Автор доказывает, что развертывается Великая научная революция — третья в истории цивилизации.

Ключевые слова: наука, научная революция, индустриальная парадигма, постиндустриальное общество, новая картина мира.

Abstract. The leader of modern cyclism Yu.V. Yakovets in his work gives the negative answers to the question whether century of science has ended. He specifies that the century of the industrial scientific paradigm that has been prevailing over few centuries has come to an end. But it only is a portent of the next scientific revolution, the new picture of the world that will be adequate to conditions of a postindustrial society of XXI century. The author proves that Great scientific revolution, the third one in the history of civilization, is getting started.

Keywords: science, scientific revolution, industrial paradigm, postindustrial society, a new picture of the world.

Закат индустриальной парадигмы

Великой научной революции наступившего столетия предшествует глубокий кризис науки, связанный с завершающей фазой большого научного цикла, истощением творческого и прогностического потенциала преобладающей индустриальной научной парадигмы. Кризис охватил все отрасли научного знания (хотя и с разной глубиной), все цивилизации и страны и протянется несколько десятилетий, пока не возобладает и не будет взята на вооружение постиндустриальная парадигма, пока не сформируются новое поколение адекватных ей научных школ и новое поколение ученых.

Каковы основные *факторы и проявления* глобального кризиса науки?

Во-первых, он порожден двумя группами факторов — внешних и внутренних — которые сами носят долговременный и глобальный характер, дополняют и углубляют друг друга, создавая резонансный эффект.

Наука — неразрывная составная часть общества, его духовной сферы, его самосознания. А общество переживает мучительный длительный процесс кризисных трансформаций, равно которому не было уже несколько столетий. Рушатся казавшиеся незыблемыми устои; вступили в период перелома, бифуркации долгосрочные тенденции, определявшие динамику общества и ее отражение в системе знаний. По крайней мере, первая четверть XXI в. будет проходить под знаком углубляющих друг друга глобальных кризисов — цивилизационного, демографического, экологического, технологического, экономического, геополитического, социокультурного. Это поставило перед наукой сонм новых проблем, на которые она не в состоянии ответить, опираясь на привычную и преобладающую индустриальную парадигму.

С другой стороны, сама преобладающая научная парадигма, сложившаяся в основных чертах в период становления и распространения индустриального общества и отражавшая присущие ему реалии и закономерности динамики, перестала отвечать круто меняющимся условиям жизни и развития общества, потеряла прогностическую способность и становится все более зыбкой опорой при принятии стратегических решений, порождая ложные иллюзии (вроде несбывшихся надежд неоллибералов на саморегулирование свободного рынка, освобожденного от оков государственного вмешательства) и толкая на ошибочные стратегические решения, несущие в себе семена глобальных кризисов.

Новые времена — новые песни. Время индустриальной парадигмы прошло, она должна покинуть историческую сцену. Но она не торопится сделать это, подогреваемая корыстными интересами всемогущих и бесконтрольных ТНК, монополистов, олигархов и военно-промышленных кругов, не желающих расставаться со сверхприбылями.

Во-вторых, современная структура научного потенциала планеты, ведущих стран и цивилизаций отвечала целевым установкам и потребностям индустриального общества на стадии его упадка. Первым приоритетом были запросы военно-промышленного комплекса на создание все более смертоносных систем оружия, на гонку вооружений. И хотя в конце XX в., достигнув бессмысленного уровня запасов оружия массового уничтожения, способного к многократному уничтожению всего живого на Земле, а также под влиянием сценария «холодной зимы», разработанного под руководством академика Никиты Моисеева, государственные лидеры США и СССР, казалось бы, одумались, приступили к ограничению и частичному уничтожению самого смертоносного оружия. Начала сокращаться доля затрат на вооружение в ВВП ведущих стран. Однако вскоре начался новый виток гонки вооружений. И опять военно-техническая революция — наука получила от государств заказы на создание новых поколений средств уничтожения людей. Эта сфера вновь пожирает лучшие умы и лучшие ресурсы, подобно раковой опухоли, высасывая соки из экономики и общества.

Другой расточительной и опасной тенденцией является ориентация науки на создание все более мощных технологий добычи, переработки и транспорта природного сырья, что ведет к быстрому исчерпанию невозпроизводимых естественных ресурсов, увеличению вредных выбросов в окружающую среду, нарастающему потоку природных и техногенных аварий и катастроф, грозит необратимыми климатическими изменениями. Идея покорения природы ради извлечения прибыли и сверхприбыли любой ценой глубоко укоренилась в индустриальном экономическом строе, диктует свои заказы и правила науке, несмотря на протесты дальновидных ученых и экологов.

В-третьих, чрезмерная коммерциализация науки, подчинение ее изысканию все новых способов расширения рынка и извлечения прибыли приводит к разработке и рекламе все новых товаров и услуг, навязываемых покупателям; к сокращению доли средств, выделяемых на фундаментальные и гуманитарные исследования. Наука все больше превращается в служанку корыстолюбивых монополий.

В-четвертых, все более уродливые формы принимает поляризация научного потенциала стран и цивилизаций. Основная масса средств на науку, численности исследователей, заявок на патенты и доходов от их

продаж сконцентрирована в небольшой группе ведущих стран («золотого миллиарда») с высокими доходами.

В странах с низкими доходами имеется лишь ничтожная доля научного потенциала планеты и результатов его функционирования. Они практически лишены возможности осваивать современные наукоемкие технологии, обеспечивающие конкурентоспособность продукции, достойный уровень экономического и социального развития. Более того, действует система «утечки мозгов», отбора и привлечения из бедных стран в богатые молодых талантов. Причем если за «покупки» лучших футболистов и хоккеистов приходится платить бешеные деньги, то «покупка» молодых ученых обходится практически бесплатно, хотя практически это обворовывание транснациональными корпорациями интеллектуального потенциала и без того бедных стран.

Такого рода гримасы глобализации ведут к хищническому использованию самого ценного ресурса — интеллектуального капитала, углубляют пропасть между богатыми и бедными, авангардными и отстающими странами и цивилизациями.

Структура кризиса науки

Рассмотрим структуру глобального кризиса науки в двух измерениях — отраслевом и пространственном (цивилизационном).

Кризис в неодинаковой степени затронул различные отрасли научного знания. Специалистам в области общественных наук трудно оценить состояние дел и тенденций развития естественных отраслей знаний, тем не менее осмелимся сделать общую оценку, надеясь, что суждения ученых других отраслей знаний и других сайтах интернета помогут поправить и уточнить эту оценку (см.: www.sciencerevolution.newparadigm.ru).

Пожалуй, в наименьшей мере страдают от кризиса естественные науки, особенно физика, астрономия, биология, химия. Правительства и корпорации по-прежнему вкладывают крупные средства в развитие этих исследований, осмысление накопленных огромных масс данных в интересах развития военно-промышленного комплекса, добывающих и обрабатывающих отраслей промышленного строительства и транспорта, услуг связи и информатики, освоения космического пространства. Значительную поддержку получают исследования в области экологии и медицины. Однако и в этой сфере накоплен немалый объем фактов, которые не укладываются в существующую парадигму и ждут научного объяснения: что у планеты впереди — потепление или похолодание? Природные факторы или жизнедеятельность общества играют главнейшую роль в выбросах парниковых газов и изменениях климата? Насколько опасны для здоровья генномодифицированные продукты?

В гораздо большей мере под ударом кризиса находятся технические науки. Они ориентированы на разработку и усовершенствование поколений техники и технологии индустриального технологического способа производства, его последнего этапа — V технологического уклада. А он обречен на уход с исторической сцены, теряет конкурентоспособность. Нужно ориентирование на разработку VI технологического уклада — первого звена постиндустриального технологического способа производства, к которому предъявляются гораздо более жесткие эргономические, экологические и экономические требования. А это потребует формирования новых научных и конструкторских школ. Процесс смены таких школ — весьма длительный и нелегкий, требующий ориентира на смелые дерзновения молодежи.

Еще в большей мере страдают от кризиса общественные науки. Радикально меняется общество — объект изучения этих наук. Уходят в прошлое индустриальная мировая цивилизация, свойственные ей экономический и социокультурный строй, геополитическое мироустройство. Преобладавшая в течение двух столетий индустриальная парадигма общественных наук, преданные ей научные школы не в состоянии ни предвидеть, ни объяснить эти глубокие трансформации. По инерции ученые продолжают все более утонченные исследования уходящих в прошлое процессов и явлений, формируя виртуальный мир, все более далекий от реальной жизни. Глобальный финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. обнажил обветшалость многих преобладающих научных форм и конструкций.

По-разному выглядит и пространственный ареал мирового научного кризиса. В западных цивилизациях (североамериканской, западноевропейской, океанической) и в Японии поддерживается сравнительно высокий уровень затрат на науку, хотя и здесь преобладающие школы общественных наук оказались в состоянии глубокого кризиса. На подъеме находится наука в Китае и Индии, имеющая древние корни и активно поддерживаемая государством в условиях высоких темпов экономического роста. Жесточайший кризис переживает наука в евразийской и восточноевропейской цивилизациях в связи с многократным сокращением поддержки со стороны государства и корпораций в условиях кризиса и сменой парадигмы общественных наук. Оживляется наука в латиноамериканской, буддийской и части мусульманской цивилизациях, хотя исходные ее позиции все еще слабы. На крайне низком уровне находится наука в некоторых странах мусульманской и особенно африканской цивилизаций; затяжной кризис здесь усугубляется «утечкой мозгов» в развитые страны. Следовательно, глобальный кризис науки многолик и дифференцирован.

Новый взрыв научного творчества

Кризис в науке — это период созревания предпосылок и элементов будущей научной революции, болезненного рождения новой парадигмы, поиска и отработки ее составляющих. Энергия кризиса многократно ускоряет темп и интенсивность научного поиска. В растревоженных умах ученых возникают десятки и сотни новых идей и гипотез, идет интенсивный их отбор. Вспоминаются и переосмысливаются ранее выдвинутые идеи. Одни научные школы терпят конфуз и рассыпаются, другие укрепляются и умножают число своих сторонников, третьи возникают и испытываются на истинность и надежность. Одним словом, по принятому в Китае выражению, «расцветают сто цветов, соперничают сто школ». Период кризиса тяжелый, хаотичный, но интересный для пытливого исследователя и весьма полезный, поскольку, из хаоса научных идей рождается новая упорядоченная парадигма, новая картина трансформирующегося но приобретающего уже зримые очертания мира. Выполненные нами в последнее полтора десятилетия исследования и долгосрочные прогнозы по становлению постиндустриальной цивилизации в XXI в., динамике цивилизаций на период до 2050 г., инновационно-технологическому развитию и социокультурной динамике в мире и в России [1 — 6] дают основания определить основные контуры Великой научной революции первой половины XXI в. и его главного результата — постиндустриальной, интегральной научной парадигмы.

Рассмотрим основные контуры грядущей Великой научной революции XXI в. как они представляются в настоящее время (ход реальных событий неизбежно внесет коррективы в это предвидение будущего).

Подготовленная почва научной революции

Любая научная революция начинается не с чистого листа. Ростки новой парадигмы падают в подготовленную, унавоженную почву. Предпосылками научной революции являются, во-первых, кризисное состояние пока еще преобладающей, но уже не господствующей общенаучной парадигмы, корни которой подрываются крутыми переменами в тенденциях развития общества и природы, новыми открытиями, не укладывающимися в рамки преобладающей парадигмы. Сила ее сопротивления принципиально новым идеям ослабевает. Во-вторых, заложены и прошли проверку историческим временем краеугольные камни новой, постиндустриальной парадигмы, окрепли развивающие ее научные школы (особенно это очевидно в области общественных наук). В-третьих, появились когорты дерзких, посягающих на общепринятые догмы молодых исследователей, прокладывающих новые пути познания и образующих авангардные отряды сторонников новой

парадигмы. Склонные к творчеству представители молодого поколения жадно внимают новому слову.

Эти предпосылки реальны, кластер глобальных кризисов начала XXI в. ускорил их созревание, но они неравномерно распределены по странам и цивилизациям и по научным дисциплинам. В наибольшей мере подготовлены к научной революции общественные науки, где индустриальная парадигма расшатана и подорвана и сложились сильные научные школы (при лидерстве России) на базе краеугольных камней новой парадигмы, заложенных в XX в. Питиримом Сорокиным, Николаем Кондратьевым, Александром Богдановым, Йозефом Шумпетером, Фернаном Броделем, Бертрониной Расселом и другими учеными. Бурно развиваются экологические науки на основе учения о ноосфере Владимира Вернадского и Никиты Моисеева.

Технологический и энергоэкологический кризисы, принимаемые мировым сообществом на себя обязательства по сокращению вредных выбросов дают мощный толчок для становления новой парадигмы технических наук; здесь лидируют Западная Европа, США и Япония. В развитых странах постепенно накапливаются предпосылки для новой естественнонаучной революции; однако пока трудно сказать, когда и где она развернется.

Изменение структуры научного знания

Исторически сложилось четырехсторонняя пирамида наук.

Структура научного знания включает вершину пирамиды (философия, гносеология) и четыре крупные подразделения: естественные науки, возглавляемые естествознанием (философией естественных наук); технические науки, в вершине которых находятся сопромат и теория машин и механизмов; общественные науки, исходным пунктом для которых служили макросоциология; измерительные (метрические) науки, возглавляемые математикой в ее многочисленных разновидностях. Каждое из четырех подразделений, в свою очередь, включало ряд конкретных отраслей знаний. Причем общие тенденции — дифференциация и гибридизация отраслей знаний, так что древо знаний становилось все более разветвленным и взаимопереплетенным, между учеными разных специальностей по мере углубления разделения научного труда увеличивалась разобщенность. Предел такой дифференциации был выражен в шутовском кредо узкого специалиста: знать все ни о чем и ничего обо всем. Ученые—энциклопедисты стали исчезающей редкостью, их впору вносить в «Красную книгу».

Научная революция порождает противоположную тенденцию универсализации знания и энциклопедизации ученых. Процесс революции объемный, многомерный, и наряду с углублением в ту или иную об-

ласть знаний нужно знать и понимать путь трансформаций науки. Это дает объемное видение новых процессов, происходящих одновременно в разных науках и разных отраслях знаний.

(Таковыми энциклопедистами были академик Никита Моисеев и профессор Леонид Лесков. Обширные знания в различных направлениях науки и техники, широкий подход, нестандартность мышления, высокая культура позволили им проложить глубокие борозды на перепаханной ниве научного знания.)

В итоге научной революции XXI в., как нам представляется, пирамида наук из четырехмерной превратится в шестимерную: выделятся в самостоятельные подразделения науки о человеке и экологические науки.

Если в индустриальной науке безусловный приоритет принадлежал естественным и техническим наукам, то в постиндустриальной науке XXI в. приоритет будет, вероятно, у наук о человеке (включая медицину и психологию), экологических и общественных наук, что обусловлено изменением системы ценностей интегральной гуманистически-ноосферной цивилизации. Это изменит акценты и приоритеты и в развитии естественных, технических и метрических наук. К примеру, циклично-генетический подход и ускорение темпов развития и перемен (в силу действия закона сжатия исторического времени) потребуют четкого ритма разработки и обновления поколений машин и технологий, естественно-научного обоснования их экологических последствий, развития методов измерения и прогнозирования волнообразной и дискретной динамики.

Демилитаризация и гуманизация науки

Следует учитывать некоторые демографические ограничения, которые будут сказываться на развитии научной революции XXI в. По мере падения темпов прироста населения, его старения и охвата депопуляцией все более широкого числа стран будут сокращаться когорты молодежи в инновационном возрасте и ее доля в населении и, следовательно, возможности притока в науку молодежи, ибо она будет требоваться и для решения других жизненно важных проблем. Следовательно, не стоит рассчитывать на значительное увеличение числа исследователей; нужно искать пути повышения интенсивности, продуктивности труда ученых.

Это может быть достигнуто прежде всего за счет демилитаризации науки, сокращения доли исследователей и ресурсов, выделяемых на разработку новых поколений вооружения и технологий их применения, на осуществление военно-технической революции. А для этого потребуются положить конец гонке вооружений, распространять дос-

тигнутые между США и Россией договоренности о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений на другие страны и иные виды вооружений, одновременно осуществляя конверсию высвобождающихся интеллектуальных сил и высокотехнологических мощностей, направляя их на решение назревших глобальных и национальных социально-экономических и экологических проблем. Это и будет реальной «перезагрузкой» глобального научного потенциала, о которой хлопочет новый президент США и которой, естественно, будут противиться монополии и ТНК военно-промышленного комплекса и неразрывно связанный с последним генералитет.

Вероятно, следовало бы вступить на тот же путь, который принимают лидеры «группы 8» в отношении выбросов парниковых газов в атмосферу: к примеру, сократить к 2050 г. в 3—4 раза долю расходов на разработку и производство вооружений и на содержание армии в ВВП; во столько же раз уменьшить экспорт вооружений. Эти вполне контролируемые показатели позволят в несколько раз сократить число занятых в этой сфере исследователей.

Это позволит значительно увеличить число исследователей, решающих актуальные социальные и гуманитарные проблемы, долю общественных и гуманитарных наук и наук о человеке в общих затратах государства на науку. Проблемы сокращения заболеваемости и смертности, продления жизни и активного долголетия, социального партнерства и партнерства цивилизаций, повышения креативности, сохранения культурного наследия и возрождения культуры займут центральное место в исследованиях ученых и деятельности научного сообщества.

Экологизация науки

Выдвижение на первый план стратегических задач становления ноосферной цивилизации, гармонизации отношений общества и природы, значительного сокращения вредных выбросов в окружающую среду, предотвращения экологических аварий и катастроф, более эффективного использования невозобновляемых и дефицитных природных ресурсов потребует опережающего развития экологических наук и доли выделяемых на них затрат на науку. Это отвечает экологическому императиву, четко и однозначно сформулированному Никитой Моисеевым: «Человечество подходит к той грани, которая отделяет нынешнюю эпоху преимущественно техногенной цивилизации от совершенно нового периода своей истории. Он будет характеризоваться новой цивилизационной парадигмой, когда основной заботой людей делается преодоление наступающего экологического кризиса. Этому постиндустриальному обществу предстоит найти пути сохранения на Земле самого вида

Homo Sapience... Для продолжения своей истории человеку необходимо научиться согласовывать не только локальную, но и собственную глобальную деятельность с потребностями природы и установление жестких рамок собственно развития... Эти требования столь суровы, что их правомерно называть экологическим императивом» [7, 281—282, 288].

Экологические науки формируются на стыке естественных, технических и общественных наук, поскольку они должны отразить взаимодействие закономерностей развития биосферы, техносферы и социосферы, очертить тонкие грани, за которыми начинается пагубный дисбаланс в использовании этих закономерностей человеком и обществом и предупредить его. Эти науки по своей природе являются междисциплинарными, они требуют взаимодействия ученых разных специальностей.

Однако экологизация науки не сводится только к опережающему развитию экологических наук как наук гибридных, междисциплинарных. Она означает также, что в любой отрасли науки при формулировании закономерностей и механизмов развития необходимо учитывать экологические ограничения и требования, чтобы предупредить вредное воздействие на природу изобретаемых технических систем и технологий, экономических и технических решений.

Следует также учитывать, что область взаимодействия общества и природы в большинстве случаев является неизмеряемой. Потребуется создать точечные, локальные, региональные, национальные и глобальные интегральные системы экомониторинга, чтобы с достаточной степенью надежности измерять размеры вредных воздействий на природу, осуществлять их прогнозирование, разрабатывать и применять экологические нормативы, регламенты, стандарты и вводить экономические санкции за их нарушение.

Глобализация науки и поляризация

Глобализация в науке бесспорна. Научные открытия и крупные изобретения тут же становятся общепланетарным достоянием (хотя в части изобретений этому может помешать патент).

Однако общепланетарному использованию научных достижений мешает крайняя поляризация научного потенциала и результатов его использования по странам и цивилизациям.

На страны с высоким уровнем доходов, где проживают чуть больше 1 млрд человек, приходится 85,5% статей в научных и технических журналах, 94,3% заявок на патенты от резидентов и 95,2% полученных лицензированных платежей; на страны с низким доходом, где проживает более 2,4 млрд человек — соответственно 2,3%, 0,2% и 0,04%. А без собственной научной базы невозможно не только создать открытия

и изобретения, но и эффективно использовать, адаптировав к условиям конкретной страны, заимствованные из других стран достижения.

Важнейшей чертой Великой научной революции XXI в. должно стать более равномерное ее достижение по всем континентам, цивилизациям и странам, преодоление ныне сложившейся монополизации научных знаний узкой группой стран, выкачивающих таланты из отстающих стран. Для этого потребуются не только повышение общего уровня образования в отстающих странах, где сотни миллионов неграмотных среди взрослого населения, особенно среди женщин, но и специальные меры, одобренные ООН и ЮНЕСКО, богатыми странами, по поддержке формирования собственного научного потенциала в отстающих странах. Для этого потребуются не только программа бесплатного обучения талантливой молодежи в вузах и аспирантуре лучших университетов мира (с гарантией возвращения выпускников домой), но и создание сотен научных центров на базе университетов, колледжей и научных учреждений в самих развивающихся странах при активной поддержке со стороны Глобального социокультурного фонда под эгидой ЮНЕСКО, который мы предложили создать на заседании Круглого стола Саммита по устойчивому развитию Йоханнесбурге. Мы полагаем, что возрождение научного потенциала в цивилизациях Азии, Африки и Латинской Америки (а наука здесь имеет глубокие исторические корни) должно стать центральным направлением деятельности ЮНЕСКО на ближайшие десятилетия, неотложной заботой всего мирового сообщества. Планета не может входить в наукоемкое постиндустриальное общество при таком одностороннем, уродливом распределении интеллектуального потенциала между авангардными и отстающими странами и цивилизациями. Да и глобальная научная революция при таком раскладе сил окажется неэффективной.

Литература

1. *Яковец Ю.В.* У истоков новой цивилизации. М., 1993.
2. *Яковец Ю.В.* История цивилизаций. М., 1995.
3. *Yakovets Yu. V.* The Past and the Future of Civilizations. N.Y., 2000.
4. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. М., 2006.
5. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия — 2050: стратегия инновационного прорыва. М., 2004.
6. Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года: В 9 ч. М., 2008—2009.
7. *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М., 1988.

Т.В. ВОЕВОДИНА

Мобилизационная экономика как условие инноваций в России

Аннотация. В статье рассматриваются условия инновационного развития России, утверждается, что любые виды модернизации в России возможны только при условии абсолютной монархии или сильной диктатуры.

Ключевые слова: модернизация, инновации, национальная психология, самодержавная монархия.

Abstract. In the article conditions of innovative development of Russia are considered, the assertion that any kinds of modernization in Russia are possible only under condition of absolute monarchy or strong dictatorship is being made.

Keywords: modernisation, innovations, national psychology, an autocratic monarchy.

«Так природа захотела. Почему? Не наше дело...»

Психологи и специалисты по личностному развитию и росту давно установили: каждый человек достигает наибольших успехов, действуя в определенных условиях. Один работает размеренно и планомерно, второй словно специально создает для себя ситуацию «края», и работать он способен только в условиях надвигающейся катастрофы, третьему необходимо задание, полученное извне, так как у него слаба внутренняя мотивация. Есть и четвертые и пятые — речь не о них, речь о принципе. Широко распространенные в наши дни индивидуальные тренеры по личностному росту (так называемые коучи) в первую очередь стараются установить, к какому типу принадлежит их клиент, т. е., в каких именно условиях он достигает максимальной эффективности.

Народ — это своеобразная коллективная личность. Национальный характер, национальная психология — трудно описываемая в рациональных терминах, но, безусловно, реально существующая материя. Весьма правдоподобно, что в каждом народе преобладают определенные психологические типы, что и создает так называемый национальный характер. А характер — это судьба. Как отдельного человека, так и народа. Изучение истории народа, его поведения в различных обстоятельствах и того, как он эти обстоятельства сам же и создает, позволяет обобщить характерные проявления народного духа и сделать выводы.

Собственно, умные правители всегда старались понять народ, которым правят, и строить свою деятельность в соответствии со своим пониманием народного духа. Недаром книжка «дедушки» социальной

психологии Густава Ле Бона (Лебона) «Психология народов» [1] была и в библиотеке Николая II, и в библиотеке Ленина.

Два государя — одна модернизация

Русский народ (и руководимые им народы, объединенные в едином государстве) — периодически оказывался перед необходимостью модернизации, модернизации экономики и всего уклада жизни. Не будем рассуждать о том, сколько именно было «волн модернизации»: для нашей темы это не так важно. Возьмем самое известное и многократно описанное: модернизации Петра и Сталина. Обе модернизации были успешными: они достигли того, ради чего затевались. Петр сделал из России важнейшую европейскую державу, а Сталин — так даже и мировую сверхдержаву, приняв ее, по словцу Черчилля, «с сохой», а сдав «с атомной бомбой».

Оба реформатора и их реформы были похожи друг на друга, недаром именно при Сталине был написан знаменитый роман А.Н. Толстого «Петр Первый»: «красный граф» чутко улавливал гул эпохи и умел выполнить «социальный заказ».

Приведем характерные черты этих модернизаций.

- Реформы были вынуждены «обстоятельствами непреодолимой силы»: было необходимо создавать сильную армию для отражения внешней агрессии.

- Сильная армия требовала развития промышленности, главным образом, тяжелой, военной.

- Модернизация происходила в очень сжатые сроки. (Известны слова Сталина, что нам за десять лет надо пробежать историческую дистанцию, на которую у других народов уходил век, иначе нас сомнут.) Темпы, действительно, были потрясающими: канал имени Москвы был построен за четыре года, которые в современную эпоху тотальной информатизации ушли бы на согласование (даже не разработку!) проектной документации.

- Модернизация происходила мобилизационным порядком: при Петре на казенных заводах работали часто крепостные и при Сталине, помимо Гулага, работали люди, чье положение было близким к крепостному: законы о прописке, трудность увольнения с предприятия, принудительное распределение после института, отсутствие паспортов у колхозников. Все эти меры приводили к тому, что каждый работник находился на том месте, где требовалось, и делал то, что надо.

(Распространенные представления о крепостном праве средний интеллигент черпает из стихотворения Пушкина «Деревня» и оды «Вольность». На самом деле крепостное право в России было жизненной необходимостью: без него народ попросту бы разбежался, как он

это, собственно, и делал. Места было много. Собрать и приставить к делу — такова была позитивная роль крепостного права. При Борисе Годунове, когда в Европе от крепостного права не осталось и следа, в России оно только оформилось, а дальше только закреплялось и ужесточалось, потому что в нем была практическая необходимость.)

- Мобилизация касалась далеко не только «рядового состава», но и в первую очередь «командного». На это обращают меньше внимания, и напрасно: без «сталинских наркомов» и капитанов индустрии — «красных директоров» — мобилизационная модернизация не могла бы осуществиться.

- Оба реформатора с огромной энергией и жестокостью заставляли своих сотрудников и соратников действовать в требуемом направлении. Петр своих сотрудников собственноручно бил, Сталин — отдавал приказы — расстрелять. По свидетельству бытописателя мира сталинских наркоматов А. Бека [2], существовал термин «держать аппарат в напряжении»: чтоб боялись, чтоб не распускались, чтоб не имели иных, побочных задач, кроме поставленных. Целью было — создать дееспособный эстеблишмент — руководящий класс, состоящий не из паразитов, а из воинов и тружеников. В значительной мере это удалось.

- Оба реформатора заботились о формировании научно-технической интеллигенции. Петр посылал дворянских недорослей учиться за границу в «навигацие» и подобные школы; Сталин заботился о создании научных центров и вузов естественно-технического профиля. Советские ученые получали нобелевские премии именно в тот период или в силу инерции, накопленной в ту эпоху.

- Главным действующим лицом обеих модернизаций было государство. Более того — сам Государь. Первоначальный импульс был получен от него, именно он ощутил воплотил требование истории — модернизацию. Оба государя были сверхсильными личностями.

- Модернизации проводились внеэкономическими методами. Методы были строго «административно-командными», согласно термину, пушенному в оборот Г. Поповым. Никто не подсчитывал затрат на модернизацию и предполагаемых денежных выгод от нее. Цена у нее была — любая: «нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим». У тех, кто ее проводил, было ощущение безальтернативности модернизации: не сделаем — погибнем.

- Обе модернизации проводились ценой колоссального напряжения сил народа. Указы Петра были, по известному выражению Пушкина, «писаны кнутом». Тяготы модернизации легли на плечи русского народа — за неимением других, колониальных, народов, на которые их можно было бы переложить.

- Частная инициатива играла подчиненную роль в обеих модернизациях. При Петре были знаменитые уральские предприниматели, но они действовали в рамках общей стратегии государства. Именно государственная воля вытягивала из народных глубин эти самородные таланты. При Сталине, понятно, частной промышленности не было, но были крупные промышленные руководители, выдвигаемые на передовые позиции. В сущности, это были своего рода предприниматели. Но они, очевидно, действовали в рамках общего плана и общей стратегии. Самостоятельной инновационной роли они не имели. Целеполагание шло от государства и государя.

Бацилла низкопоклонства

Главной травмой Петровской модернизации была традиция низкопоклонства перед Западом. Она и тянется с тех времен.

Это тяжелая хроническая болезнь народного духа. Эта бацилла живет в нашем народном организме с тех времен и до сих пор. Мы ощущаем себя второсортными и постоянно пытаемся копировать чужие формы жизнеустройства, стараемся во всем походить на европейцев. О своих делах мы тоже привыкли думать в западных терминах, набрасывая на нашу действительность западную понятийную сетку. При Петре старались походить одеждой и языком, впоследствии (и сейчас) мы остаемся «холопами западной мысли», по выражению В. Ключевского [3]. Зачем думать самим, когда *там* уже все придумано, там уже давно знают, как. Не из этого ли духа родилась наша провальная перестройка?

Интересно, что Сталин после войны осознал пагубность этой болезни и инициировал кампанию по «борьбе с космополитизмом и низкопоклонством» [4]. Полезно напомнить, что толчком к этому послужило письмо знаменитого физика академика Капицы о том, что мы, русские, недооцениваем собственных научно-технических достижений. В последовавшей затем кампании было много полезного и ценного, хотя часто исполненного грубо и бездарно. Народ о ней, разумеется, не помнит, а в интеллигентском сознании эта кампания запечатлелась как вакханалия идиотизма.

Так или иначе, ни человек, ни народ не может двигаться вперед, если он ощущает себя заведомо второсортным. Наличие рядом образцового и велемудрого Запада внутренне обесценивает наши скромные достижения. Поэтому необходимо через систему государственной пропаганды и, главным образом, образования транслировать знания о наших отечественных достижениях. Это критически важно для любой модернизации.

Post mortem

Обе модернизации осуществлялись мощными самодержавными монархами.

Чрезвычайно поучительна судьба модернизаций после смерти реформаторов.

После того, как государственный пресс снимался — происходил откат. Народная стихия, которой государство жестокими мерами придавало форму, расплзлась, как квашня из развалившейся бочки.

В послепетровские времена предоставленный самому себе руководящий класс разбрелся по своим поместьям и тихо радовался, что не нужно ехать куда-то учиться, служить, хлопотать и т. д. Впоследствии екатерининский указ о вольности дворянской легализовал тайные вождения руководящего класса: ничего не делать, ни за что не отвечать, а жить по-барски. Пускай даже отчасти и по-свински, но все равно по-барски. Поместья, прежде даваемые на условиях государственной службы, были «приватизированы», выражаясь на современный лад.

Именно так живут герои знаменитой комедии «Недоросль». Дядюшка-резонер, приезжающий из Сибири, где он сколотил состояние, вынужден убеждать своих родственников и публику заодно в такой нетривиальной мысли: трудом можно нажить состояние, трудиться нужно и полезно. Такие идеи не отвечают послепетровскому умонастроению: недаром дядюшкина фамилия — Стародум. Теперь лучшие средства разбогатеть — пронырство и близость к власти, предпочтительный образ жизни — лежа на боку.

После смерти Петра, уже при Елизавете Петровне, заграничные интересы руководящего класса вмиг сместились с европейской техники на европейскую роскошь, на то, что Пушкин назвал «негой модной». В умении пожить на широкую ногу русские бары превзошли размахом лучшие европейские образцы. Об этом много писал В.О. Ключевский. Барское имение, говорил он, представляет собой музей истории роскоши и интересных идей, но никогда — музей истории земледелия и промышленности.

Очень редкие помещики по собственному почину занимались усовершенствованиями (модернизацией) в своих поместьях. Знаменитый помещик Энгельгардт, автор классических (именно в силу редкости) «Писем из деревни», занялся модернизацией собственного поместья только после того, как получил «живительный пинок»: был выслан в собственное имение за какие-то непolitкорректные высказывания.

Параллели с сегодняшним днем прозрачны и очевидны. Это даже не параллели, а полная идентичность.

После ослабления государственного пресса русский человек немедленно прекращает инновационную (и часто вообще всякую) деятельность. Внутренней мотивации к инновации, к высшим достижениям практически никто не имеет. Руководящий класс немедленно начинает вести паразитарно-роскошный образ жизни. В нем легко утверждается мысль, что жить по-человечески можно только за границей, а здесь — просто территория кормления.

К сожалению, в нашем народе так и не сформировался ни тип частного предпринимателя (вроде Генри Форда), ни тип государственного человека. Первый видит свое благо в процветании в расширении своего предприятия, а второй — во благе государства («Жила бы страна родная, и нету иных забот»). У нас эти психологические типы распространены очень мало и слабо выражены. Преобладает тип маленького, частного, бытового человека, который более всего заботится о своих удобствах. Никаких целей за пределами лично-семейного существования у него просто нет, он их не видит.

«Государство — это я!»

Модернизации в России приносили результат только при сильных самодержавных монархах (неважно, как они назывались). Безличная государственная инициатива для модернизации недостаточна. Нужна самодержавная монархия со сверхсильной личностью во главе. Попытки модернизации при Александре II и Николае II (были такие «волны» модернизации) привели только к развалу. Попытка модернизации при Горбачеве, связанном по рукам и ногам демократией, хотя бы и ограниченной — партийной, привела к самым трагическим последствиям и возвращению по многим позициям просто в каменный век. В настоящее время требуется не просто модернизация, а реконструкция, восстановление утраченного.

Если государственный аппарат некому «держать в напряжении», то немедленно происходит то, что в 1920 — 1930-е гг. называлось «перерождением» и «бытовым разложением»: функционеры начинают бездельничать, врать, воровать и тянуть одеяло на себя «вплоть до отделения». Ивану Грозному потребовалась опричнина. Тов. Сталину пришлось расстрелять несколько поколений чиновников пока он привел свой аппарат в рабочее состояние.

Думать об этом неприятно, а не думать — гибельно.

Наука и жизнь

Сейчас призывают собрать ошметки советской науки и совершить инновационный прорыв.

Никакого прорыва нет, и быть не может. Наука не является самостоятельной силой. Наука — это средство. Инструмент. Науке должны быть поставлены задачи и выделены средства для их решения. Как в атомном проекте. Наука должна получить задачи извне — из себя она задач не порождает и легко превращается в «удовлетворение собственного любопытства за казенный счет», согласно старинной шутке.

Наука не может развиваться сама собой — только в силу гегелевской «филиации идей». Энгельс был совершенно прав, говоря, что одна техническая задача сделает для развития науки больше, чем десять университетов. И дело здесь не только в чистом финансировании. Ученым должна быть поставлена задача извне, большая, или, как теперь выражаются, амбициозная задача. Для советских физиков и инженеров это был атомный проект и все, что с ним связано. Эмблематична история о том, как тов. Берия, сидя в укрытии на атомном полигоне, говорил тов. Курчатову «Если эта штука не взорвется, я тебе голову оторву!». Именно так ставился вопрос, и это действовало.

Но этого недостаточно. В Советском Союзе в лучшие (для науки) времена научная профессия была чрезвычайно уважаема и престижна. Это достигалось не только достойной оплатой, но и силами государственной тотальной пропаганды. В СССР было создано, по выражению известного ученого С.Г. Кара-Мурзы, «общество знания»: наука, научный подход пронизывали все поры общественного организма. До сих пор пожилые люди настаивают, чтобы их дети и внуки защищали диссертации: им кажется это важным и ценным.

Сегодня пропаганда науки не ведется, а если бы и велась, то потонула бы в мутном потоке пропаганды гедонистических ценностей. Если по одному каналу «дают» «Девять дней одного года», а по другому Ксюшу Собчак с новорусскими бабками — понятно, что привлечет умы.

Для развития науки нужны ясно сформулированная политическая задача и научная атмосфера в обществе. Ни того, ни другого нет. Впрочем, и на Западе этого нет; именно поэтому в США приходится завозить ученых, какие еще остались.

Vox populi: не надо модернизаций!

В течение всего XIX в. существовало мнение, что Петровская модернизация была вредна и даже губительна. Именно по отношению к ней российское общественное мнение раскололось на славянофилов и западников. (В настоящий момент в параллель им существуют сталинисты и либералы.)

На самом деле всякая реформа приносит и вред — это аксиома. Вопрос — чего она приносит больше: вреда или пользы. Если пользы больше — результат можно оценить положительно. Такой подход ве-

рен по отношению к любой реформе и любой модернизации — от маленькой фирмы до большого государства.

В любой модернизации народ выступает скорее как объект, а не субъект. Посредством тотальной пропаганды (по существу, манипуляции сознанием) в советское время отчасти удалось заставить его полюбить модернизацию. Но естественное отношение народа к модернизации выражает якобы существующая в Китае пословица: «Не дай бог жить в эпоху перемен».

Народ никаких реформ не хочет, и модернизация ему не нужна. Именно поэтому при демократии осуществить широкомасштабную реформу всех сторон жизни общества нельзя. Нечего и думать.

Что хочет народ? По существу — чтобы ничего не менялось. Впрочем, субъективно ему часто кажется, что он хочет чего-нибудь новенького, потому что старое надоело. Но чтоб при этом жизнь в своей основе не менялась, чтобы все житейские парадигмы оставались прежними.

Итоги и перспективы

Для проведения назревшей модернизации необходимо следующее.

1. Конструктивная политическая диктатура. Плановое хозяйство.
2. Постановка политической задачи научно-техническому сообществу.
3. «Подбор и расстановка кадров» в соответствии с задачей.
4. Обеспечение надлежащей пропаганды на фоне отмены свободы слова. Формирование моды на науку.
5. Подготовка молодежи по научно-техническим специальностям, соблюдая принцип «лучше меньше да лучше».

Без этих мер с нашим народом модернизация проведена быть не может. Попытки что-то делать в этом направлении, не меняя по существу всего уклада жизни — были и остаются «симулякром».

Ничего обидного для русского народа в этих соображениях нет: народы, как и люди, — разные. Соответственно и действовать им надо по-разному. Каждый, кто работал и жил в интернациональной среде, хорошо это знает — на житейском уровне. Только робость мысли да еще пресловутая «политкорректность» не позволяет перенести это знание в политическую плоскость.

У нашей семьи есть домик на Кипре, в поселке, где живут англичане, немцы, швейцарцы. Поскольку люди приезжают туда лишь в отпуск, как на дачу, то во все остальное время там творятся разные безобразия. Как реагируют на них «дети разных народов»? А вот как. Англичане создают комитет общественного самоуправления, немцы бегают жаловаться местным властям и пытаются наладить с ними сотрудничество, а русские сидят на террасе и иронизируют над теми и другими.

«Так устроен мир, Гамлет!» Если мы хотим его изменить, то надо использовать его свойства.

Литература

1. *Лебон Г.* Психология народов. М., 1992.
2. *Бек А.* Новое назначение. М., 1986.
3. *Ключевский В.О.* Собр. соч. М., 1958.
4. *Сталин И.В.* Избранные труды. М., 1952.

К.Р. БАЯНОВ

Перспективы социотехнического развития России: проблемы методологии

Аннотация. Отличительный признак эпохи постиндустриальной трансформации состоит в научных и технологических изменениях, придающий ускорение социотехнической динамике. В этой связи реорганизация системы централизованного управления народным хозяйством в сочетании с переходом на программно-целевую технологию планирования обеспечит формирование новых контуров хозяйственных отношений, адекватных задачам преодоления структурного кризиса и инициирования прогрессивных технологических изменений.

Ключевые слова: прогнозирование, форсайт, социотехническая динамика.

Abstract. The distinctive sign of an epoch of postindustrial transformation consists in the scientific and technological changes, and gives acceleration to social-technical dynamics. Thereupon reorganization of system of the centralized management of national economy in a combination with transition to programme-target technology of planning will provide formation of new contours of the economic relations that are adequate to problems of overcoming of structural crisis and initiating of progressive technological changes.

Keywords: prognostication, foresight, social-technical dynamics.

Для выяснения вопроса о глубинных причинах современного глобального кризиса особое значение имеет индустриальная революция, начавшаяся в Европе три века назад, и тесно связанная с ней трансформация рационального мышления, которую М. Вебер назвал протестантской идеологией, или предпринимательской этикой капитализма. Эта идеология включала индивидуалистическую систему ценно-

стей, либерализм, примат материального благополучия. Ударные волны, вызванные этой революцией, распространились, в конце концов, по всему земному шару, сформировав эталонный тип универсальной цивилизации потребления.

В современную эпоху наступающий глобальный кризис носит системный характер и развивается одновременно по нескольким направлениям.

Во-первых, это угроза экологического коллапса: потребляя больше 10% годовой продукции биоты, человечество уже нарушило условия устойчивости биосферы.

Во-вторых, это углубляющийся с каждым десятилетием разрыв по качеству жизни между благополучным «золотым миллиардом» и остальной частью человечества.

В-третьих, это геополитический и цивилизационный кризис.

В-четвертых, это тяжелый антропологический кризис, сопровождающийся культурным разломом. Былой этос модерна, выросший на рационалистических идеях Ренессанса и Просвещения, перестал вдохновлять молодые умы, каждый новый век ищущие дорогу к истине. Ныне им больше по душе постмодернистские настроения равнодушия, растерянности и безысходности.

В-пятых, это кризис традиционной науки, которая не смогла ни предсказать заблаговременно наступления системного эволюционного кризиса, ни разобраться в его причинах и корнях. И главное, не выходя за рамки традиционной научной парадигмы, не удается обосновать эффективную стратегию и концепцию преодоления глобального кризиса и перехода к модели устойчивого, самоподдерживаемого развития.

Все эти кризисные явления не обошли стороной и Россию. Ясно поэтому, что при поиске путей выхода на новые горизонты самодвижения человечества как в глобальном, так и в национальном масштабе, нам следует учесть социотехническую составляющую.

Задача данной статьи — выявить перспективы социотехнического развития для России с определением адекватной системы организации и управления.

Для постановки и разработки заявленной темы исследования основополагающее значение имели концепция технологического прогнозирования В.А. Базарова и исследование нелинейных принципов в теории технологических циклов, открытые Н.Д. Кондратьевым [1].

В концепции технологического прогнозирования В.А. Базаров предложил «реальный путь перехода от “размышления будущего” к исследованиям будущего: проблемно-целевой подход, названный им генетическо-целевым. Не гадать попусту насчет того, чего знать нельзя, а изучать назревающие проблемы и выявлять цели, ориентируясь на которые,

следует приступить к решению проблем» [2, 10]. Используя этот подход и применив методологию нелинейной науки, профессор Массачусетского университета Джей Форрестер разработал математическую программу моделирования сложных социально-экономических систем. Следующий этап этой работы был проведен при поддержке президента Римского клуба Аурелио Печчеи. В результате был опубликован первый доклад Римскому клубу «Пределы роста», подготовленный Донеллой и Денисом Медоузами и их коллегами. В этом докладе с помощью методологии Форрестера выполнен технологический прогноз перспектив мировой цивилизации как целостной системы. С помощью ЭВМ был выполнен расчет по пяти базовым показателям: минеральных ресурсов, продуктов питания, непродовольственных товаров, окружающей среды, народонаселения. В последующих докладах эти исследования были продолжены.

В последние годы с формированием эволюционной парадигмы в экономической науке и накоплением знаний о закономерностях экономического развития сложились предпосылки для разработки методологии долгосрочного технико-экономического развития.

По существующим оценкам, в развитых странах от 50 до 90% роста ВВП определяется инновациями и технологическим прогрессом, инновации становятся обязательным условием и основным «мотором» развития всех секторов промышленности и сферы услуг.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года заявлены весьма амбициозные цели — сближение доходов российских граждан с уровнем развитых стран, кратное увеличение производительности труда, завоевание новых позиций на мировых рынках, достижение технологического лидерства по выбранным направлениям и т. д. Реализовать их можно только за счет радикального повышения конкурентоспособности отечественной экономики на основе постоянного технологического обновления и качественного повышения уровня технологического развития ее ключевых секторов.

Наиболее адекватным инструментом для реализации поставленной задачи является используемая практически во всех развитых и многих развивающихся странах методология форсайт. Она обеспечивает в ходе прогнозирования и построения совместной картины желаемого будущего механизмы согласования интересов и подходов и различных участников (акторов), представляющих как органы исполнительной власти — выразителей целевых функций развития, так и представителей системного бизнеса, научного сообщества и др., и различных «срезов» самой национальной системы прогнозирования, сочетания различных его аспектов и, в частности, научно-технологического прогно-

зирования совместно с социально-экономическим как основы принятия государственных решений.

При этом именно методология форсайт обеспечивает необходимую глубину анализа перспектив научно-технологического развития, соотнесения прогноза с реалиями и трендами развития в целом и на базе серьезной верификации как научным сообществом, так и иными участниками Форсайта, обеспечивает его объективизацию на уровне, необходимом для принятия государственных — как управленческих, так и, возможно, стратегических — решений.

Одновременно с этим процедура форсайт применительно к прогнозу научно-технологического развития обеспечивает «широту поиска», что выражается в формулировании промежуточных сценариев как основы понимания дополнительных возможных путей развития, представляющих собой как открывающиеся возможности, так и риски, которые необходимо учитывать при принятии управленческих решений.

Именно это позволяет сформулировать роль и место научно-технологического прогноза как самостоятельной прогнозной ценности — если ряд документов, прежде всего стратегических, с необходимостью ограничены принципиальными векторами развития, понимаемыми как стратегические цели и абстрагированными от ряда аспектов, в том числе от «маловероятных», то в рамках долгосрочного научно-технологического прогноза есть место для их анализа, необходимого как основы поиска возможных будущих путей развития в условиях быстроменяющегося мира, а также надлежащего учета рисков, представляющих в текущих (но, опять-таки переменных) условиях мало существенными.

В проекте отчета «Прогноз долгосрочного научно-технологического развития Российской Федерации» практически полностью удалось реализовать цели, поставленные в «Концепции долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года» [3].

Национальный технологический облик России — форсайт следующего этапа — должен формироваться как осуществляемая в несколько итераций сборка отраслевых и региональных форсайтов с организацией в министерствах и ведомствах постоянно действующих коммуникационных площадок (в Министерстве промышленности и торговли такая площадка уже создана), что существенно повысит адекватность и достоверность прогноза.

При разработке стратегии развития отраслей необходимо использовать такой инструмент форсайта, как «Технологическая карта». Этот инструмент позволяет практически полностью сформировать цепочку: построение сценариев социально-экономического развития — опреде-

ление ключевых рынков, продуктов и технологий — формирование образов будущих секторов (Vision) — построение дорожных карт — определение приоритетных направлений научно-технологического развития — определение необходимых финансовых и кадровых ресурсов — распространение и имплементирование результатов.

В целом, результаты форсайтных исследований, проведенных в рамках концепции долгосрочного прогнозирования, показывают, что в настоящее время существуют необходимые предпосылки и возможности для осуществления перевода экономики на инновационный путь развития и обеспечения за счет этого достижения стратегических целей развития страны. В связи с этим представляется необходимым анализ, с одной стороны, эволюции становления мирового технологического уклада для социотехнической динамики с определением инновационного ядра шестого технологического уклада, с другой — выявление перспектив социотехнического развития с определением адекватной системы структурной и системной организации и управления обществом.

Учитывая остроту современного эволюционного кризиса, можно указать основные направления «технологического заказа» к тем инновационным направлениям, которые должны составить ядро шестого технологического уклада: нетрадиционная энергетика; новые энерго- и ресурсосберегающие технологии; принципиально новые системы связи, обработки и хранения информации; принципиально новые транспортные системы; биотехнология, генотехника и генотерапия; принципиально новые типы материалов; принципиально новые методы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов.

Направления и формы шестого технологического уклада многообразны, а сами технологии, особенно информационные, принимают массовый характер, появляется понимание действительно революционной их роли в судьбах человечества. А это, естественно, делает необходимыми постановку и исследование вопроса о социальных аспектах информационных технологий и информатизации в целом, о становлении информационного общества.

В числе движущих отраслей, формирующих шестое ядро нового технологического уклада, могут быть выделены также электронные компоненты и устройства (включая полупроводниковые и связанные с ними устройства), электронные накопители сопротивления, трансформаторы, соединители, электронно-вычислительная техника, счетные машины, радио- и телекоммуникационное оборудование, лазерное оборудование, услуги по программному обеспечению и обслуживанию вычислительной техники. Генерирование технологических изменений происходит внутри указанного комплекса отраслей и опосредовано сильными нелинейными обратными связями между ними.

Оценивая перспективы дальнейшего социотехнического развития России, следует учитывать, что современный кризис является переломным, выход из него характеризуется принципиальной неопределенностью. Его характерной особенностью является неопределенность выбора между альтернативными направлениями дальнейшей эволюции. В такие моменты выбор совершается в результате случайного сочетания многих факторов, набор и комбинацию которых предсказать заранее невозможно.

Структурный кризис социотехнических систем имеет четыре составляющие: *технологическую, институциональную, инновационную и управленческую.*

Технологическая составляющая определяется неконкурентоспособностью большей части обрабатывающей промышленности на мировом рынке и технологической многоукладностью народного хозяйства, состоящего из нескольких замкнутых групп принципиально разных по своему техническому уровню производств.

Институциональная составляющая определяется неадекватной рыночным отношениям структурой организационно-хозяйственных связей и правомочий, которая влечет за собой соответствующие стереотипы хозяйственного поведения, не укладывающиеся в неоклассические представления о деятельности хозяйствующих субъектов на рынке.

Инновационная составляющая для развития социотехнических систем связывается со словами «инновационная экономика». Официальный взгляд на развитие инноваций ориентирован на неолиберальную концепцию и следование зарубежным образцам. Это — трактовка инноваций как нововведений, нашедших место на рынке, ставка на развитие венчурного предпринимательства, понимание роли государства как арбитра, обеспечивающего условия и инфраструктуру для внедрения инноваций. Исследования, проведенные сотрудниками Института прикладной математики РАН и других академических институтов, показали, что это тупиковый путь для России. Поэтому триггером инновационного развития может и должно выступить государство. Оно должно взять на себя важнейшую функцию — функцию целеполагания в области экономики и социального развития.

Управленческая составляющая социотехнических систем состоит в приведении системы государственного управления в соответствие с принципами рыночной организации хозяйства. В такой ситуации настоятельной необходимостью является коренная реорганизация системы государственного управления в сфере экономической политики. Важнейшим элементом такой реорганизации должна стать перестройка системы государственного управления с балансовой на программ-

но-целевую технологию планирования. Именно последней соответствует рыночная организация экономики.

Реорганизация системы централизованного управления народным хозяйством в сочетании с переходом на программно-целевую технологию планирования обеспечит формирование новых контуров хозяйственных отношений, адекватных задачам преодоления структурного кризиса и инициирования прогрессивных технологических изменений. Преодоление структурного кризиса народного хозяйства не может быть осуществлено на основе исключительно рыночных механизмов организации общественного производства, которые только начали формироваться в результате экономических реформ.

Таким образом, инновационная стратегия России в настоящее время должна обеспечивать решение стратегических и тактических задач. Большинство жизненно важных для России инноваций имеет рыночный характер. Многие из широко обсуждаемых сейчас инноваций нужны не для гармонизации экономики, а для выживания страны. Единственным заказчиком таких инноваций может и должно выступить государство. Оно должно вновь взять на себя важнейшую функцию — функцию целеполагания в области социального развития и формировать адекватную систему структурной и системной организации и управления этого развития.

Литература

1. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991.
2. *Бестужев-Лада И.В.* Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952—1999. М., 2001.
3. Концепции долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2008.

И.Е. РУДАКОВА

Насколько либеральна либеральная экономика?

Аннотация. В статье рассматриваются основные линии полемики между сторонниками и противниками либеральной экономики, различные трактовки либерализма в экономике, аргументы «за» и «против». Определяются понятие экономической свободы, условия ее существования и эффективность рыночной экономики. Рассматриваются факторы, вызывающие необходимость государственного регулирования в экономике с любой степенью развития рыночных отношений. Анализируются новые явления современного мира, влияние которых обуславливает необходимость как рыночной свободы в будущем обществе, так и корректирующую роль государства.

Ключевые слова: либеральная экономика, механизм свободных цен, свободный выбор, экономическая свобода, ограничения рыночной свободы, провалы рынка, институты как ограничители, государственное регулирование, смешанная экономика.

Abstract. The article discusses the key lines of debate between advocates and opponents of the liberal economics as well as various approaches to liberalism backed with the arguments pro and contra. The concept of economic freedom and conditions for its existence, and efficiency of market economy are defined. Reasons for the necessity of government regulation of national economies with any level of market development are explored. The newest developments in the modern world are analyzed which stipulate both market freedom in the future society and regulating role of government.

Keywords: liberal economy, the mechanism of free prices, free choice, economic freedom, restrictions of market freedom, market failures, institutes as terminators, state regulation, mixed economy.

Пolemические заметки

Период перехода к новой общественной организации после крушения социалистической системы и создание нового устройства породили широкую дискуссию о будущем нашей страны. Одним из центральных вопросов этой многолетней дискуссии является вопрос о природе того общественного устройства, которое приходит на смену старому и которое формируется или должно сформироваться в процессе совместной деятельности людей. Должно ли будущее общество быть либеральным или его «конструкция» связана с жесткой системой регулирования?

Насколько необходима либерализация для поступательного движения общества?

Эта проблема охватывает, в сущности, все стороны жизни общества и, следовательно, является предметом изучения многих общественных дисциплин. Многоаспектность проблемы не позволяет дать однозначные ответы без учета многих сторон жизни общества. Эта работа междисциплинарна по своему предмету, требует труда многих исследователей.

Либерализм с широкой (междисциплинарной) точки зрения определяется как тип мышления, философия, защищающая персональную свободу для индивида, демократические формы государства, постепенность реформ политических и социальных институтов¹. Применительно к экономической системе понятие либерализма связывается с конкурентной экономикой, свободными ценами, равенством субъектов перед законами рынка.

В данном тексте мы оставляем в стороне широкое междисциплинарное понимание либерализма и рассматриваем только те стороны либеральной версии, которые относятся к экономике. В значительной мере они являются фундаментом, объясняющей базой тенденций для других сфер жизни общества.

О характере полемики

Сначала немного о характере полемики вокруг либеральной экономики. Острота полемики о природе и необходимости либеральной экономики обусловлена тем, что тема не является сугубо теоретической, оторванным от реальности интеллектуальным «упражнением». Трактовка понимания либеральной экономики — тот случай, когда теоретические решения теснейшим образом связаны с практическими действиями людей. В зависимости от решения общих теоретических вопросов находятся практические рекомендации по формированию типа экономики в нашей стране, ее структуры, конкретным политическим действиям, оценке государственных решений и хода политических событий. Эти оценки затем превращаются в меры конкретной политики и конкретные действия участников экономики.

Полемика вокруг либеральной экономики иногда сужается до более резкой, теряющей нейтральность постановки вопроса: насколько вредна либеральная экономика, к какому беспорядку она может привести,

---

¹ Интересно, что словарь после общих черт определения, приведенных выше в тексте, называет конкретные формы применения этих принципов либерализма именно в Соединенных Штатах: направление в протестантизме, защищающее широкую интерпретацию Библии, свободу от жестких доктрин и авторитаризма (см.: [1]).

как либеральные порядки способствовали постперестроечным силам воспользоваться ситуацией для личного обогащения, разворовывания богатства страны.

Обсуждение природы и целесообразности рыночных свобод всегда имело идеологическую окраску, что отразилось даже в словарях выпуска советских времен². Эта традиция социалистического прошлого вести научные споры «в классовом ключе», к сожалению, не изжита и сегодня. Ожесточенный спор зачастую переходит на личности, нелояльность к которым отражает непримиримость антилиберальных позиций критиков³. Полемика переходит в плоскость «кто виноват?» в развале единой, когда-то могущественной экономики, страх перед которой испытывали даже лидеры капиталистического мира.

По мнению критиков, сторонники либеральной экономики (они же реформаторы) не только доказали негодность своих идей на практике, но и участвовали в заговоре против России: порочная «структура российской экономики сформировалась в силу принятой в стране модели развития, которую реализовали наши реформаторы в интересах западных стран и в соответствии с проводимой ими стратегией в отношении России» [3, 78].

Аргументы противников либеральной экономики распространяются на экономическую теорию и представлены широким спектром — от утверждения, что «экономисты, оперирующие термином “рыночная экономика”, просто устранились от анализа реальной жизни, а их исследования совершенно не согласуются с критериями научности» [4, 27], до обвинения экономистов в некомпетентности, непонимании ими социального смысла враждебной большинству населения либеральной экономики.

Критика в адрес экономической теории и «следующей ложным рекомендациям теоретиков-рыночников» экономической политики переплетается, взаимно дополняя друг друга, теряет четкость.

Основные линии научной полемики

Если же отбросить эмоциональную оболочку и обратиться к серьезной полемике вокруг либеральной экономики, то следует заметить,

---

² Словарь С.И. Ожегова дает следующее определение либерализма: «1. Буржуазное идеологическое и политическое течение, объединяющее сторонников парламентского строя и ограниченных буржуазно-демократических свобод. 2. Излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство» (цит. по: [2, 277]).

³ Марк Блауг однажды остроумно заметил, что нет других методов примерить расходящиеся нормативные ценностные суждения, кроме демократических выборов или перестрелок на баррикадах.

что она фактически касается фундаментальных основ экономического общества, которые в немалой степени определяют действия людей, а значит, и вектор будущего движения экономики. Здесь экономистов едва ли можно упрекнуть в том, что они, по выражению Л. Роббинса, «часто занимаются вещами, не имеющими отношения к решению основных проблем своей науки» [5, 2]. Эти вопросы актуальны, особенно в период формирования национальной модели экономики России.

На наш взгляд, эпицентр научной полемики образует не вопрос о том, чем «плоха» или даже «вредна» либеральная экономика. При разнообразии деталей научных позиций представляется, что круг полемики можно определить точнее. Поскольку либеральная экономика часто отождествляется с рыночной экономикой, постольку центральные вопросы дискуссии сводятся к следующим: какое устройство, рыночное или государственно-регулируемое, будет определять облик будущего (информационного, инновационного) общества вообще и в нашей стране в частности? нужен ли будущей экономике России какой-либо регулятор, отличный от рынка, или следует создавать рыночную экономику, которая способна к автоматической самонастройке и не нуждается во вмешательстве государства? имеет ли какое-то научное значение теоретическая версия конкурентной рыночной экономики, разработанная для исторически совершенно других условий начала XX в.⁴?

Другой тесно связанный аспект полемики — пригодность феномена либеральной экономики для России. Критики экономического либерализма отмечают неадекватность рыночных принципов организации хозяйства для экономики нашей страны. Даже если допускается чисто теоретическая (абстрактная) обоснованность принципов свободной (рыночной) экономики, то уж специфические условия российской экономики во всяком случае требуют другой формы организации экономики. У российской экономики свой путь, и западный опыт мало пригоден для выбора траектории развития нашей страны. Этот аргумент часто включает в себя и этическую сторону: рыночная экономика, эффективно распределяющая ресурсы, не обязательно социально справедлива и потому не может служить моделью будущей социальной экономики. Рассмотрим, насколько теория рыночной экономики дает основания для таких суждений.

---

⁴ Заметим, что актуальность этого спора и его современные стилистические формы затеяют тот факт, что проблема одновременного существования альтернативных механизмов (рыночного и административного) распределения ресурсов в одной и той же (рыночной) экономике как объективная необходимость была поставлена и исследована более полувека назад Рональдом Коузом и его последователями.

Определение понятий

Поскольку полемические позиции «сторон» бывают неясными из-за разного понимания терминологии в данном споре, постольку начнем с главных понятий. Мы не хотим сводить спор к установлению «лингвистических конвенций», однако определение понятий помогает внести ясность в разделяемую нами позицию с самого начала.

Прежде всего, требует уточнения термин «либеральная экономика». В противном случае пафос полемики будет потрачен на определение термина, а не на его наполнение. Хотя разные авторы используют один и тот же термин — «либеральная экономика», они имеют в виду иногда совершенно разные вещи или, что чаще, придают одним и тем же явлениям (чертам, свойствам экономики) совершенно разный смысл. Дадим сначала каноническое определение, приведенное в экономических словарях и принятое большинством представителей научной экономической мысли.

Под либеральной экономикой понимается такая система, при которой участники экономического обмена наделены свободой выбора целей своей хозяйственной деятельности и способов их достижения. Успешность экономического выбора обеспечивается возможностью индивидов распоряжаться необходимыми для своей деятельности ресурсами и осуществлять суверенитет над произведенными или приобретенными в обмене вещами (благами), т. е. частной собственностью. Все это создает экономическую свободу.

Один из самых известных теоретиков либеральной экономики Ф.А. Хайек подчеркивал историческую приемлемость частной собственности и экономической свободы. «Предпосылка для существования такого рода собственности, свободы и порядка со времен древних греков и вплоть до наших дней остается одной и той же: это право в смысле совокупности абстрактных правил, позволяющих всякому индивиду в любое время удостовериться, кто правомочен распоряжаться той или иной конкретной вещью» [6, 55, 63]. Хайек подчеркивал, что утверждение индивидуализированной собственности знаменует начало цивилизации, а правила, регулирующие отношения собственности, имели решающее значение для всей системы моральных норм. «Экономическая свобода — это свобода любой деятельности, включающая право выбора и сопряженные с этим риск и ответственность. ... Частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет» [7, 81].

Если обеспеченный частной собственностью контроль над средствами производства распределен между многими людьми, то индивиды получают возможность принимать решения и действовать самостоя-

тельно в условиях свободной конкуренции. Свободная конкуренция и частная собственность — две ипостаси рынка и неперенные атрибуты экономической свободы, «генетические черты» либеральной экономики.

Следует отметить, что понятие экономической свободы в ряде трактовок не совсем совпадает со свободной конкуренцией, и соответственно по-разному оценивается их роль. Так, у Маршалла основной (предпочтительный) институт рынка — не конкуренция, а свобода предпринимательства. Это последнее понятие как раз включает в себя независимость индивида и свободу выбора, в то время как конкуренция предусматривает соперничество и не исключает вытеснение производителя с рынка. Однако оба эти института обеспечивают функционирование рынка в качестве необходимых условий.

Ограничения экономической свободы

Итак, свобода хозяйствующих субъектов принимать индивидуальные решения — основная черта либеральной экономики. Однако свобода индивида в экономике не безбрежна, она имеет ограничения. «...Свобода принимать индивидуальные решения становится возможной благодаря определению четких границ прав индивида (например, прав собственности) и разграничения сфер, в пределах которых каждый может распоряжаться доступными ему средствами в своих собственных целях...» [6, 110 — 111].

Понятие экономической свободы *имманентно включает ограничения* для поведения людей, живущих в обществе. Они (ограничения) имеют основу в глубинном конфликте между тем, что инстинктивно нравится, что человек хочет, и правилами поведения, диктуемыми запретительными традициями морали. Это главная тема истории цивилизации [6, 36]. Структура конфликта между индивидуальными желаниями, предпочтениями, целями вызывает к жизни условия, реагирующие на оба разнонаправленных явления. Главный институт, обеспечивающий свободный выбор субъекта и *одновременно* создающий ограничения его деятельности, — частная собственность.

Можно выделить два типа ограничений экономической свободы.

Во-первых, это своего рода *внутренние ограничения*, возникающие эндогенно, в процессе экономической деятельности индивида. Они создаются собственным действием принципа свободного выбора.

Механизм свободной конкуренции заставляет участников рынка максимизировать свою чистую выгоду путем оптимального приспособления количеств покупаемых и продаваемых благ. В реальности адаптация дает *разные результаты* для каждого субъекта в зависимости от его информированности, скорости реакции, «рациональности»

участников рынка, а также в зависимости от ожиданий относительно будущих изменений цен. Кроме того, сказываются следствия прошлых решений. В итоге получают преимущество одни фирмы и теряют свои позиции другие, формируется неоднородная, неконкурентная среда. Условия совершенной конкуренции размываются. Монополия нарушает ряд рыночных свобод: свободу доступа к факторам производства, к рыночной информации; создает барьеры для входа новых капиталов на рынок; и, как следствие, свободу принятия экономического решения другими контрагентами.

В теории отражение этого процесса привело к логическому противоречию: принятые вначале предпосылки модели конкурентного рынка перестают согласовываться с результатом. Следование собственной логике теории делает неизбежным вывод: свободная конкуренция создаст либо единообразие всех форм проявления экономической деятельности (при предпосылке, что все субъекты репрезентативны), а это противоречит реальности; либо приводит к исчезновению совершенной конкуренции путем замены ее неконкурентными (разной степени) отношениями. И то и другое разрушает систему свободной рыночной экономики как теоретической модели. В итоге единообразие условий функционирования для всех конкурентных фирм и единство их поведенческих принципов (что является необходимой первоначальной предпосылкой) в конце концов приводят к неравномерности распределения рыночной власти, т. е. к нарушению условий рыночной свободы для агентов рынка, к различиям моделей поведения субъектов рынка. Й. Шумпетер отмечал, что первым автором, ощутившим этот логический дискомфорт в связи с понятием конкурентного рынка, был Г.Л. Мур (в публикации 1906 г. «Paradoxes of Competition» [8, 1283]).

Во-вторых, экономическая свобода имеет *внешние ограничения* для деятельности индивида. Такие ограничения создаются институтами, формирующими «среду обитания» субъектов рынка. Без институциональных ограничений, образуемых формальными и неформальными правилами, функционирование рыночной экономики вообще невозможно. Институты дисциплинируют поведение агентов рынка, формируют механизмы самодисциплины, создают рамки поведенческой модели. Но дисциплина в любой ее форме есть ограничение свободы, «конец либерализма», по мнению тех, чья трактовка либерализма в экономике приближается к поведенческой анархии.

Таким образом, в свободной либеральной экономике субъекты рынка, участники экономического процесса, вовсе не так «свободны», как это представляется в некоторых версиях либеральной рыночной свободы.

Методологические основания для научной полемики

Мы бы не отразили более или менее достоверно перипетий полемики вокруг природы рыночной экономики, если бы оставили в стороне то обстоятельство, что некоторые методологические принципы экономической теории — предпосылки теоретических версий рыночной экономики, методы аргументации научных суждений, следовавшие из них выводы — также давали повод для критики основных концепций и вытекающих из них либеральных идей.

Система рыночной экономики, как она представлялась в классических и неоклассических версиях, предполагала совершенную конкуренцию и свободные цены для обеспечения действия механизма самонастройки системы. Конкурентный рынок — базовое условие в этих трактовках — был *всегда* эффективен, обеспечивал оптимальное распределение ресурсов. Действия субъектов рынка, максимизировавших полезный эффект от своей индивидуальной деятельности (полезность потребителя, прибыль фирмы), и механизм совершенной конкуренции обеспечивали сходимость результатов деятельности всех субъектов рынка. Необходимым условием всего процесса были «свободные цены» — основной источник информации для субъектов рынка. Пользуясь этой информацией и руководствуясь индивидуальными мотивами деятельности, субъекты рынка получали оптимальные результаты, которые затем суммировались (складывались, интегрировались) в эффективную экономику.

Таким путем достигалось равновесие в экономике, обеспечивавшее ее нормальное функционирование и воспроизводство. При этом общественное благосостояние объяснялось строго логично — как функция, аргументами которой являлись только индивидуальные предпочтения членов общества.

Логической стройности способствовал формальный аппарат, широко внедренный в экономическую канву доказательств. Теория рыночной экономики достигла своей вершины там, где ее выводы опирались на строгую логику предпосылок и вытекающих из них следствий. Она (теория совершенного рынка) подошла «к универсальному обоснованию механизма цен в качестве распределительного механизма буквально в любой экономике» [9, 219]. Экономическая теория приблизилась по своей точности к естественным наукам.

Но именно эти достижения теории делали ее уязвимой для критики. Во имя логики доказательств пришлось отказаться от многих частных деталей, мешавших пониманию главных зависимостей. Это неизбежно делало научные версии абстрактными. Рыночная экономика, в ее разви-

той теоретической версии представлялась в виде набора формальных моделей, мало похожих на реальность, что подогревало полемику.

Реальная динамичная жизнь индустриальной экономики привела к результатам, сильно не совпадавшим с моделями совершенной конкуренции. Конкуренция давала возможность для укрупнения производства и формирования монопольных отношений, расслоения собственности и доходов. Критика либеральной экономики получила новый поворот, когда оценку рыночной экономики и всего, что с ней связано — равновесия, эффективности распределения ресурсов, свободы индивидов в принятии делового решения, — попытались определить с точки зрения этических ценностей. Эффективное по Парето распределение ресурсов не обеспечивало социально эффективное распределение, модель не давала рекомендаций по коррекции результата. Наступление индустриальной эпохи, формирование крупных промышленных производителей, создававших среду несовершенной конкуренции, обострение социальной неравномерности сделали эту проблему особенно острой.

Новая реальность нашла отражение в теории монополии и других форм несовершенной конкуренции, подрывавших основные рыночные принципы. Была сделана попытка оценить величину социальных потерь в связи с аллокативной неэффективностью монополий (треугольник Харбергера). Это приближало модель рыночной экономики к антилиберальной реальности. Социальное расслоение, формирование неконкурентной среды ставились в вину рыночной экономике и лежащим в ее основе «либеральным» принципам, а заодно и экономической теории, абстрактные модели которой не включали социальную составляющую.

Преимущества рыночной экономики...

Приведенные выше критические аргументы в адрес модели рыночной экономики позволяют поставить два связанных вопроса: 1) если теоретическая модель рыночной экономики так оторвана от реальности, то в чем ее научное значение, дает ли она такое приращение знаний об окружающем нас экономическом мире, от которого мы не можем отказаться? 2) почему в сильно изменившемся современном мире теория рыночной экономики и свободного конкурентного рынка до сих пор является базой всего здания экономической теории, как бы ни были модифицированы (модернизированы) верхние этажи ее современной постройки?

Прежде всего, заметим, что теория совершенного рынка объясняет фундаментальные преимущества рыночной экономики: свободные решения индивида способны дать наилучший результат. Субъект рынка ближе всего расположен к непосредственному производству или потреблению. Он точнее и быстрее воспринимает информацию о жиз-

ненно важных для него событиях и изменениях конъюнктуры. Он обладает (должен обладать) гибкостью и скоростью реакции на изменения в окружающей среде — это условия его выживания как субъекта рынка. Выполняя свою целевую функцию, вступая в конкурентное соперничество, хозяйствующий субъект рискует не только своим благосостоянием, но самим экономическим существованием, что заставляет его выбирать альтернативу, минимизирующую потери и максимизирующую результат. Рациональное решение субъект рынка может принять, лишь обладая достоверной информацией о рынке⁵. Для этого необходимы свободные цены.

Свободный выбор хозяйствующего субъекта на микроуровне обеспечивает состояние экономики на макроуровне. «Индивидуальный выбор и максимизирующая рациональность» (Дж. Ходжсон) дают лучшее использование ресурсов и лучший конечный результат: минимальные затраты и максимальный полезный эффект. Иными словами, интегральный результат деятельности всех агентов рынка на макроэкономическом уровне дает эффективную экономику.

Отсюда следует исключительно практический вывод: не может быть эффективной национальная экономика, если населяющие ее хозяйствующие субъекты (индивиды, фирмы, частные объединения) не имеют условий (знаний, опыта, технологий, институтов), позволяющих осуществлять успешную экономическую индивидуальную активность.

Таким образом, объяснения отдельных принципов и феноменов рыночной экономики выстраиваются в единую систему. Системное знание, в свою очередь, дает понимание главных зависимостей рыночной экономики, механизма ее функционирования и условий эффективности, а также понимание (пришедшее позже с появлением современных разделов экономической теории) значения микрооснований (непосредственной деятельности индивидов) для макроэкономики, для ее жизнедеятельности, для государственной политики, для облика системы в целом, что и составляет значительное приращение научных знаний.

Именно потому, что базовые версии экономической теории являются основой системного взгляда на экономику в целом, они играют роль *методологического основания* для любых теоретических версий, в том числе и новых⁶. Теория рыночной экономики, совершенной кон-

---

⁵ Мы оставляем в стороне тот факт, что само понятие рационального не остается неизменным по мере усложнения экономического мира и представлений о нем. Появляются различные версии ограниченной рациональности, поправки к версии максимизирующего поведения. Но все они исходят (положительно или отрицательно) из базовых основ рационального поведения.

⁶ Однако те, кто не согласен с оценкой роли теории свободного рынка, могут апеллировать к авторитету. М. Блауг отмечает, что экономисты упираются

куренции, экономической свободы — основа для следующих шагов научной мысли, независимо от того, согласны теоретики со своими предшественниками или нет. Каждый качественно новый этап развития научного знания начинается с отрицания основных идей предшественников, однако само продвижение вперед научной мысли возможно потому, что есть что отрицать и с чем соглашаться. Как заметил П. Самуэльсон в нобелевской лекции, «одна из привлекательных сторон научной деятельности состоит в том, что мы все карабкаемся на небеса на плечах своих предшественников» [10, 190].

Теория рынка свободной конкуренции важна и для понимания реальности. Она дает модель эффективной экономики в предельном, «чистом», случае. Тогда становятся объяснимыми отклонения в менее «совершенной» реальности, а также направления эволюции этой реальности (формирование неконкурентных структур, форм несовершенной конкуренции, институциональных регуляторов и т. д.).

...и необходимость государственного регулирования

Но если исходить из вывода, к которому приводит теория свободного рынка, именно — рыночная экономика эффективна, дает индивиду основание для получения максимального желаемого результата, а значит, и мотива его деятельности, то требует объяснения, откуда возникает *необходимость государственного регулирования*? Может ли либеральная экономика обойтись без вмешательства государства, если факторы, обеспечивающие работу рынка, будут достаточно «отлажены» и их действию не будут создаваться помехи?

Роль государственного регулирования изучена в экономической теории достаточно хорошо. Участие государства в экономическом процессе является обязательным разделом в учебниках по микроэкономической теории, не говоря уже о макроэкономике. Здесь мы рассмотрим кратко лишь некоторые аспекты, нужные для общего вывода.

Необходимость государственного регулирования происходит из того, что при всех своих «совершенствах» *рынок несовершенен*. Собственным своим действием рыночный механизм приводит к подрыву конкуренции, а подчас к сильным формам несостоятельности рынка — к провалам в действии рыночного механизма. Если источники рыночной информации отсутствуют, перекрыты или искажены, недоступны агентам рынка, то механизм свободных цен дает сбой. В этих

руками и ногами, когда эмпирически опровергаются какие-либо версии, основанные на предпосылках совершенной конкуренции, так как в этом случае под угрозой оказывается вся концепция экономической «эффективности», оправдывающая существование самой экономической науки [9, 219].

условиях рынок не может подавать ценовых сигналов, эффективно выполнять свои функции механизма обмена и координатора деятельности людей. Без свободных цен рынок не может дать достоверную оценку запрашиваемых или производимых благ, их ценности для индивидов и общества, а значит, определить необходимые объемы производства. Субъекты рынка, не имея критериев своей деятельности, лишаются мотивации к экономической активности. Тогда возникает необходимость действия вне рыночного регулятора.

Несостоятельность рынков часто является следствием недостаточного правового оформления рыночных отношений или плохого использования существующих формальных правил. Характерные для российской экономики конфликты по захвату чужой собственности, вытеснению частного бизнеса, непреодолимые препятствия для организации малого бизнеса и проч. — все это объясняется некачественными институтами — плохими законами, плохой практикой правоприменения, неэффективной системой контроля, поощрения и наказания и т. п., а не органическими пороками рыночных структур как таковых, как института обмена.

Конкретно необходимость государственной «коррекции» рынка обусловлена рядом причин, мы приведем их кратко. Вызовы идеально работающему рыночному механизму создает несовершенная конкуренция, о роли которой в этом отношении речь шла выше.

Несостоятельность рынка обнаруживается при возникновении внешних эффектов от хозяйственной деятельности, при производстве общественных благ. В этих случаях рынок также не дает достоверных оценок общественной ценности благ, не формирует мотивацию производства общественных благ и устранения вредных (или поощрения полезных) внешних эффектов с помощью индивидуальных решений субъектов рынка. Но в таких случаях действие принципа максимизации полезного эффекта оказывается невозможным.

Проблема внешних эффектов может быть решена рыночными методами. Некоторые виды отрицательных внешних эффектов преодолеваются без помощи государства. Так, интернализация внешних эффектов достигается с помощью рынка прав собственности (типа «рынка прав на загрязнение»), который хорошо работает при качественном законодательстве и исполнении законов. Впрочем, роль государства здесь не нулевая: для функционирования подобного рынка необходимы четко определенные границы собственности, нормативы, устанавливаемые государством и общественными организациями. Причем основные усилия государственного регулятора, стремящегося создать эффективно работающую экономику, направлены именно на поддержание экономической свободы.

Необходимость институциональных регуляторов (государственных или государством организуемых) в отмеченных выше направлениях существует в странах с любой экономикой, в том числе и с преобладанием доли рынка. Роль государства может быть в таких странах достаточно радикальна: оно вторгается в отношения, обычно являющиеся прерогативой рынка. Но при этом, как правило, не подрываются основные рыночные принципы.

Вот пример такой активности.

Сингапур, который на шкале свободной рыночной экономики занимает одно из первых мест, добился успехов при жестком государственном регулировании. При многочисленности подобных примеров особенно впечатляет воздействие государственной политики на базовый фактор экономического роста — норму накопления. Начиная с 1950-х гг. работники должны были вносить часть своей зарплаты в «центральный сберегательный фонд», который использовался для финансирования не только пенсий, но также медицинского обслуживания и жилищного хозяйства. Государство определило норму отчислений, которая достигала 40% заработной платы в 1980-х гг. Это сильно сократило текущее потребление, но увеличило национальные сбережения. Феноменальная норма накопления, в свою очередь, обусловила высокие темпы экономического роста Сингапура [11, 279 — 280]. В конечном счете, быстрый экономический рост увеличил благосостояние населения. При этом была развязана широкая инициатива граждан в организации бизнеса, обеспечена свобода делового поведения.

Таким образом, как бы ни была «либеральна» экономика, в ее структуре неизбежно присутствует созданная самой природой рыночной экономики необходимость институционального (включая государство) регулирования, экзогенного для деятельности субъектов рынка и, значит, ограничивающего свободу экономического поведения.

Каждый из механизмов — рынок и государственное регулирование — выполняет свою «работу», определяемую природой экономики, функционирующей на базе этих двух механизмов, и не зависящую от конкретных исторических, национальных, конъюнктурных обстоятельств. Эти последние сильно влияют на интенсивность процессов, их конкретные формы и следствия, но не на необходимость существования «взаимоисключающих» механизмов. Именно поэтому современная развитая экономика никогда не представлена в чистой форме и является *смешанной экономикой*.

Перспективы: больше или меньше рынка, государства?

О рынке. Принципиальное решение вопроса о взаимодействии рынка и государства (каждый выполняет свою работу) не уменьшает

значимости проблемы будущего соотношения этих двух механизмов регулирования и координации экономической деятельности людей.

Будет «больше рынка» или «больше государства» по мере развития общества, в том числе и экономического? Что в будущем может повлиять на тенденции к рыночной свободе или на тенденции к ее ограничению? Едва ли можно дать определенный ответ на эти вопросы. Рассмотрим лишь некоторые явления, которые, на наш взгляд, будут оказывать значительное влияние на облик будущей экономики в рассматриваемом здесь аспекте.

Отметим сначала те вызовы, которые, скорее всего, приведут к необходимости расширения поля экономической свободы в будущем обществе. Нет сомнения в том, что создающаяся сегодня будущая экономика в своей материальной основе имеет фундаментальные достижения научно-технического прогресса. Глубина преобразований, широта распространения по отраслям позволяют, в каком-то смысле говорить об экономике XXI в. как инновационной.

Основное свойство такой экономики — значительное количество открытий, разработка на их основе пригодных к внедрению инноваций, обновление значительной части производственного и организационного аппарата экономики. Инновации — это этап коммерциализации и внедрения в экономическую деятельность новых идей. Начинается этот процесс с открытий и изобретений, фундаментальных разработок, создающих базу для инноваций⁷. Завершающие этапы процесса — распространение новых продуктов, методов, технологий на большую часть экономики и превращение их в привычные рутины. Все эти стадии образуют динамическое единство — научно-технический прогресс, поднимающий экономику на новый уровень развития. Движущий мотор этого процесса — творческая деятельность людей. Участие каких-либо регуляторов на этих разных этапах научно-технического прогресса различно, чаще всего это создание условий для исследований и разработок, но иногда это бывает невозможно, ненужно или неэффективно.

Новые открытия и изобретения, особенно *фундаментальные*, по большей части события спонтанные, они не задаются административно, по плану, связаны со склонностями людей, предыдущими научными традициями. Творческие виды деятельности очень чувствительны к личной свободе. Возможность распоряжаться своим временем и ресурсами — условие возникновения и воплощения многих научных идей⁸. Другое условие открытий и изобретений — накопленная науч-

---

⁷ Инновация — использование нового продукта, услуги, метода ведения бизнеса в деловой практике, следующее сразу за их открытием [12].

⁸ Разумеется, это не исключает изобретений по заказу, создания продуктов (процессов) с заранее заданными свойствами. Чаще всего «заказные новации»

ная информация в обществе в целом. Качество этой информации критично; оно должно быть достаточным для того, чтобы служить основой действительно новых открытий, а не повторению старых идей в новой форме⁹. Важным условием такого информационного общества является средний образовательный уровень населения.

Поддержание общего уровня человеческого потенциала предполагает научные контакты, обмен научной информацией, координацию научной деятельности. Все это возможно только в среде свободных конкурентных отношений, свободного соревнования, сравнения результативности новых идей, успеха одних и неудачи других. Сопоставление новых открытий и изобретений необходимо для отбора лучших вариантов, для минимизации опасности попадания в тупиковые направления исследований.

Второй этап, собственно инновационный процесс — коммерциализация новых идей и их распространение, — как правило, связан с большим риском и также требует свободы — свободы принятия решения, риска, доступа к информации и проч. — со стороны тех, кто непосредственно применяет нововведения, и распространителей. На этом этапе роль рынка велика — он фактически тестирует конкурентоспособность новой идеи, воплощенной в реальный продукт, технологию.

На заключительном этапе важна свобода потребителя выбирать новый продукт и тем самым поддержать направление инновации или не предъявлять спрос и признать направление инновации непродуктивным. Бизнес знает много драматических провалов и тупиков при попытке внести новое в продукт, технологию, организацию. Как показывает практика развитых стран, в инновационном бизнесе, получившем название венчурного, выживает не более трети участников¹⁰.

Свобода неудачи и банкротства — такая же необходимая, хотя и суровая, составляющая рыночной свободы, в результате которой жизнеспособные, эффективные бизнесы выживают, а неэффективные гиб-

---

относятся к вторичным стадиям — усовершенствованию известного продукта, реже к совершенно новым продуктам (фундаментальным идеям).

⁹ Значимость качества научных знаний, их способность служить базой последующих открытий и изобретений были введены в качестве определяющих факторов в современные модели роста, такие как модель R&D Пола Ромера и модель с участием человеческого капитала Р. Лукаса.

¹⁰ По оценке американского исследователя начального периода возникновения венчурных бизнесов, из 250 исследованных им венчурных фирм, основанных еще в конце 1960-х гг., выжили к началу 1980-х гг. лишь 32%, остальные или разорились, или были поглощены крупными фирмами. Лишь единицы превратились в высокотехнологичных крупных производителей. Среди них «Ксерокс», «Интел», «Эппл» [13, 57].

нут. Жесткая перспектива неудачи и выхода из бизнеса — один из самых мощных стимулов, побуждающих участников рынка к поиску эффективных видов деятельности и максимизации ее результатов, позволяющий выходить из тупиковых направлений технического прогресса. Инновационная экономика возможна только в условиях свободы всех участников рыночного обмена как в самом начале процесса, так и в конце его. Рынок и рыночная конкуренция выполняют свои функции при создании экономики будущего.

Тот факт, что создать *инновационную* экономику можно, только предоставив свободу для творческой мысли, уже давно был замечен практическим бизнесом и использовался в деловой практике.

Интересные примеры успешных организационных инноваций дает бизнес в развитых странах. Участие низового персонала в принятии важных управленческих решений в японских автомобильных фирмах, ответственность за качество продукции, участие в распределении доходов предприятия — все это повышает мотивацию работников. Получившая широкое распространение система дистанционной занятости направлена на обеспечение максимальной свободы работника в организации своего рабочего времени. Эту же цель преследует и система гибкой занятости, позволяющая работнику определять длительность и распределение времени своего рабочего дня.

В том же направлении действует изменение участия человека в технологическом процессе. В индустриальную эпоху, основанную на детальном разделении труда, работник был включен в процесс как исполнитель частичной операции. В современной компании каждый должен быть участником всего процесса в целом — от первого этапа до последнего, что предъявляет совершенно новые требования к качествам работника.

Один из наиболее знаменитых и эффективных управленцев, создатель компании «Майкрософт» Билл Гейтс, рассказывая об особенностях современного бизнеса, отмечал необходимость человеческого участия в процессах, требующих постоянной адаптации к быстро изменяющимся условиям внешней среды: «Гибкое производство нуждается в людях — хорошо информированных, ответственных и уполномоченных принимать решения. ... Действительно, компьютеры заменяют некоторых людей на их рабочих местах, но зато избавят многих других от скучной нетворческой работы» [14, 297 — 302]. Новые информационные технологии избавляют людей от множества операций по обработке потока информации, превращают эти операции в рутину и оставляют за человеком только интеллектуальные аналитические функции.

Таким образом, будущему инновационному экономическому обществу с ростом творческой компоненты в деятельности его членов не-

обходимы индивидуальная свобода, свободный доступ к знаниям, свободное перемещение ресурсов, свободный рыночный обмен.

О государстве. В то же время необходимость участия государства в экономике не исчезает в будущем обществе. Появляются новые обстоятельства, поддерживающие такую необходимость. Отметим, по крайней мере, три существенных черты происходящих изменений, вызывающих необходимость государственной коррекции серьезных экономических тенденций будущего: *фундаментальность изменений, быстрота изменений, длительность последствий изменений.* Эти черты часто накладываются друг на друга, переплетаются, создают диспропорции и коллизии в реальной жизни, которые не разрешаются без государственного вмешательства.

Под фундаментальными изменениями мы имеем в виду глубокие сдвиги, время от времени происходящие в обществе, возникающие в результате серьезных потрясений — смены социального строя, крупных реформ, военных бедствий и др. Имеются в виду сдвиги системного порядка, нарушающие сложившиеся структуры, выводящие систему из более или менее устойчивого состояния. Пример таких системных «слов» — события перехода от плановой организации к рыночной (либеральной?) экономике в России в 1990-х гг. Объективно назревший тяжелый переход не был плавным и без потерь, но он был «менее затратным» для общества при участии государства, чем революционный слом.

Тяжесть этого перехода определялась не только крушением старых структур и стандартов, но и тем, что люди «не умели жить» в рыночной экономике. Приученные к социальному иждивенчеству за годы нищенских зарплат, но высоких социальных льгот относительно этих зарплат, не умеющие зарабатывать в жестких рыночных условиях (в «либеральной» экономике), не приученные принимать рациональные решения с учетом альтернативного выбора бывшие жители плановой экономики несли огромные потери в доходах, общем благосостоянии, снижении социального статуса. Когда наиболее расторопные и жизнеспособные добивались успеха в этих условиях, часто добывая большие состояния незаконным и криминальным путем в отсутствие какого-либо адекватного законодательства, это вызывало раздражение и социальную зависть, желание обвинить в собственных бедах какие-то внешние для себя силы, общую непригодность либеральной экономики.

Старые институты, обеспечивавшие функционирование прежней системы, уже не способствовали ее воспроизводству в новых условиях. А выполнять функции самонастройки новая система в отсутствие рыночных институтов не могла. В таких экстремальных случаях государственное участие призвано уменьшить потери общества, всегда сопровождающие «тектонические сломы».

Вмешательство государства необходимо и при быстрых изменениях в экономических структурах. Скорость преобразований внешней среды в современном мире зачастую не позволяет участникам экономического процесса быстро и адекватно приспособиться к новой ситуации. Инерционность людей связана со старыми привычками, укоренившимися взглядами и типами делового поведения. И тогда вынуждаемая структурной необходимостью ликвидация бизнеса или его репрофилирование вторгается в жизнь множества людей, приводит к социальным протестам, к нестабильности.

Примером быстрых изменений, преодолеть которые часто невозможно без вмешательства государства, является проблема моногородов. Скорость современного технического прогресса вызывает необходимость изменений в размещении производительных сил, в структурах разделения труда и специализации, в том числе и территориальных. Хотя диспропорции накапливались постепенно, не одно десятилетие, они обострились в современных условиях, когда старые структуры стали тормозом развития. Частный бизнес сам по себе не способен быстро решить дорогостоящую и сложную, требующую межотраслевой и территориальной координации, системную проблему перемещения больших масс населения, материальных ресурсов, создания новых инфраструктур. Начавшись как экономическая, проблема моногородов перерастает в социальную и политическую и может быть решена только на государственном уровне.

Задача быстрого приспособления к меняющейся конфигурации производительных сил вызывает необходимость формирования государственной стратегии, опережающего программирования экономических тенденций, прогнозов будущей ситуации. Все это требует длительной предварительной работы, фундаментальных научных исследований, усилий многих специалистов, скоординированных в масштабах страны, участия широкой научной общественности. Координация этой работы в масштабах всей экономики — прерогатива государства.

Рост населения планеты и размах экономической активности приводят к тому, что результаты деятельности людей приобретают характер долгосрочных следствий, сказывающихся на очень длительных отрезках времени, выходящих за пределы жизни одного, двух и более поколений. Частный бизнес, который в принципе может получать выгоду на интернализации внешних эффектов с помощью рыночного механизма, не работает на таких длительных временных интервалах или работает плохо. Снижение потерь общества, которые образуются (или обнаруживаются) в течение длительных периодов времени, требует межвременной коррекции, возможной только с помощью государственного регулятора.

Пример взаимоотношения бизнеса и государства на коротких периодах и в длительной перспективе демонстрирует история Байкальского целлюлозного комбината (БЦК). Много лет идет борьба экономической целесообразности (комбинат приносит хорошую прибыль, на нем заняты более 2,5 тыс. работников) и необходимости ликвидации отрицательного экологического эффекта (загрязнение уникального озера). В коротком периоде (который длится уже 20 лет) борьба идет с переменным успехом. Пока в этом противостоянии победил бизнес — после 14 месяцев прекращения его деятельности в 2009 г. БЦК был снова запущен в начале 2010 г. по экономическим соображениям: нужен продукт, нужен доход, нужна занятость. Но в свете будущего — на несколько десятилетий вперед — проблема Байкала выглядит иначе. Озеро содержит 20% всех мировых запасов пресной воды. По мере роста населения земли этот водный ресурс станет драгоценным достоянием страны. Его сохранение для будущих жителей России (и, может быть, мира) — задача огромной мировой важности, решить ее частный бизнес не может ни по своим финансовым возможностям, ни по своим целевым функциям. Здесь решающая роль принадлежит государству.

Другой пример необходимости государственного регулирования на длительных периодах времени — пенсионная накопительная система. Процесс накопления денежных пенсионных средств на протяжении нескольких десятилетий жизни одного поколения именно в силу своей длительности подвержен разного рода рискам неожиданных событий, которые могут угрожать этим накоплениям. Банкротства частных фирм — держателей пенсионных фондов, экономические кризисы, стихийные бедствия, недобросовестность держателей и руководителей фондов — все это может привести к исчезновению пенсионных накоплений. Тем самым подвергается опасности жизнь стареющего поколения. Проблема системна, растянута на длительный период, ее регулирование, гарантии существования пенсионных накоплений может обеспечить только государство.

Вызовы современного мира создают, таким образом, необходимость как рыночной либеральной экономики, так и участия государства в экономическом процессе. Каждый из этих двух механизмов делает свою «работу» и будет необходим в будущем мире, а соотношение между ними подскажет конкретная ситуация в конкретный период времени. И тогда снова дело решает рациональный принцип — максимизация полезного эффекта при выборе доли участия каждой из этих форм координации общественного обмена веществ, минимизация затрат для общества.

В то же время эволюция роли государства и развитие экономической свободы не параллельны, но тесно переплетаются и взаимодействуют.

вуют, подкрепляя эффект друг друга, если их взаимодействие хорошо организовано.

Примером такого взаимодействия может служить внедрение электронного оборота бумаг как внутри государственных организаций, так и между гражданами и государством. Техническую возможность широкого распространения «электронного правительства» создают персональные компьютеры и компьютерные навыки населения. Такая система делает население и бизнес в значительной степени независимыми от бюрократии, позволяет быстро совершать многие рыночные транзакции от сделок с объектами частной собственности до операций по созданию частного бизнеса. Взаимодействие между государством и экономической активностью людей на основе электронной технологии помимо огромного чисто экономического выигрыша от снижения стоимости транзакций имеет колоссальный общественный эффект: *деятельность государства становится более прозрачной, доступной для контроля со стороны общества, и потому вызывает большие доверии; в свою очередь доверие делает государственную политику эффективной.*

Выдвигаемая в дискуссиях дилемма: или либеральный рынок — или государственное регулирование, отражающая якобы неизбежность выбора будущей модели российской экономики, на наш взгляд, ложна. Нет ни одного государства (кроме тех, которые находятся в состоянии хаоса и отсутствия государственности), где экономика была бы представлена «чистыми» формами рынка или тотального государства. Poleмика о выборе между либеральной (рыночной) экономикой и альтернативным экономическим устройством с государственным регулированием, скорее всего, должна касаться лишь *степени* участия государства и рынка в экономическом процессе, а не возможности абсолютного отсутствия одной из этих форм.

Литература

1. Webster's New Dictionary of the American Language / D.B. Guralnik (ed.). 1976.
2. Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова. М., 1984.
3. Вопросы экономики. 2009. № 5.
4. Белолипецкий В.Г. Закономерности и факторы развития российского хозяйства. Лекции для аспирантов. М., 2005.
5. Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. L., 1935.
6. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
7. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992.

8. *Шумпетер Й.* История экономического анализа: В 3 т. Т. 3. СПб., 2001.
9. *Блауг М.* Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М., 2004.
10. *Самуэльсон П.* Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS. 1993. Т. 1. Зима.
11. *James E.* New Models for Old Age Security Experiments, Evidence and Unanswered Questions // World Bank Research Observer. 1998. August 13.
12. *Friedman J.P.* Dictionary of Business Terms. N. Y.; L., 1987.
13. *Forester T.* High-tech Society. The Impact of Information Technology Revolution. Oxford, 1987.
14. *Геймс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М., 2002.

И.В. ЕФИМЧУК

Концептуальный анализ концепта модернизации

Аннотация: В статье осуществлен анализ различных аспектов процесса модернизации: социальных, институциональных, технологических с общесоциологических и экономических позиций. Рассмотрены возможные результаты технологической модернизации российской экономики при различной величине нормы накопления основного капитала.

Ключевые слова: модернизация: институциональная, технологическая, точечная, фронтальная.

Abstract. The article shows a fulfilled analysis of different aspects (social, institutional, technological) of a modernization process from a position of general sociology and economics. There are also viewed possible results of a technological modernization of the russian economics with different sizes of accumulation norm of the basic fund.

Keywords: Modernization: institutional, technological, point, frontal.

Во втором номере журнала «Эксперт» текущего года была опубликована программная статья, посвященная проблеме модернизации российской экономики [1]. С первой страницы категоричный стиль статьи невольно вызывает в памяти сказку Г.-Х. Андерсена «Новое платье короля»: если ты не относишься к восторженным почитателям лейбла «модернизация», значит ты непроходимо глуп или не на своем месте.

И вообще, лузер, стоящий на дороге научно-технического прогресса¹¹. Человека, который не является ни хозяином свечного заводика, ни извозчиком, ни производителем пишущих машинок и даже не относится к владельцам кинотеатров, «с ужасом наблюдающих за победным шествием кабельного ТВ и интернета»¹² [1,13], трудно заподозрить в корыстных мотивах, заставляющих из шкурного личного интереса противодействовать инновациям. Значит, для навешивания ярлыков найдутся другие аргументы. Прекрасно отдавая себе отчет в последствиях даже самой аккуратной попытки просто поставить вопрос: «Чем в реальности подкреплены красивые правильные фразы?» и рискуя нарваться на обвинения в ретроградстве, консерватизме и т. п., все-таки попробуем поискать ответ на этот непростой и очень болезненный для современной российской действительности вопрос.

Прежде всего, необходимо уточнить содержание термина «модернизация», превратившегося в плакатный слоган. Для этого нужно, как минимум, выяснить различия между общесоциологической и экономической трактовками данного понятия. Для социологии и философии истории модернизация — это процесс, связанный с масштабными трансформациями общественной жизни, начиная с ее ментальных, культурологических характеристик и заканчивая технико-экономическими. «Истоки почти двухтысячелетней цивилизации Большого Модерна (Modernus) коренятся в христианском сознании. Христиане еще на заре новой цивилизации называли себя *moderni*, отличая, таким образом, свою общность от людей предшествовавшего, ветхого мира — *antiqui*. Середина второго тысячелетия, также значимый рубеж в истории цивилизации — это период зарождения современного мира, т. е. Мира Модерна (Modernity), формирования новой социальной, политической, экономической, культурной семантики миропорядка» [2, 39 — 40].

Именно с эпохой Возрождения, переходом от Средневековья к новому мировидению и возвышению роли человека в мире современная наука традиционно связывает процесс зарождения идеологии, культуры и социально-экономической практики Модерна¹³. «В английском

---

¹¹ «Как резонно замечает в своей работе Мокир, “неизбежным побочным следствием технологического прогресса является естественное воспроизводство класса лузеров, а эти озлобленные лузеры, в свою очередь, обладают повышенной склонностью к стихийному кучкованию и созданию организованных сообществ”» [1, 13].

¹² Приведенные в статье примеры лузеров, потерявших свои доходы в результате появления новых технологий.

¹³ «Основное место по смыслу явно занимает эпоха, открытая Возрождением, когда началось активное пересотворение мира данного в мир иной — челове-

лексиконе *modern* (от латинского *modernus*) фиксируется с 1500 года в смысле “современный, не древний, возникший в наши дни”. Само понятие становится возможным только в эпоху Возрождения, когда у наиболее образованных европейцев впервые возникает ощущение выхода из тьмы средневековья» [4, 18].

Еще более четкое наполнение процесса модернизации возникает в XVIII в. Это была эпоха, «когда реально конструировалась основа национальных государств — национальное самосознание» [5, 145], когда в Англии началось победное шествие промышленной революции, оказавшей решающее воздействие на весь европейский континент, когда падение монархии во Франции и распространение революционных идей подтвердили необратимость происходящих изменений. Она осознавалась современниками как слом старого мира и рождение нового, современного, не похожего на существовавший ранее. «В 1770 году философ маркиз де Кондорсе впервые назвал словом “модернизация” способность современных людей научно направлять изменение общества» [4, 23].

При подобном общесоциологическом подходе модернизация связывается с переходом от традиционных аграрных обществ к современному индустриальному, основой которого является машинное производство. Предпосылки этого перехода действительно зародились еще в середине второго тысячелетия и реализовались в европейском Ренессансе, но триумфальное распространение Модерна во всех его проявлениях в Западной Европе пришлось на XVIII — XIX вв. При таком прочтении модернизация выступает как комплексное, многогранное явление, включающее в себя: появление новых общественных классов (страт) — носителей новой идеологии; формирование принципиально новой светской культуры, вышедшей из-под опеки религии; радикальную трансформацию большинства общественных институтов, обычно носящую принудительный характер и осуществляемую через политические революции; технологический прогресс, приводящий к быстрому экономическому

ский, т. е. пошло целостное обновление мира, его модернизация. Эта-то глобальная модернизация и позволяет нам зацепиться за слово “модерн”, тем более что мод (лат. *modus*) как раз и есть не только мода, т. е. новшество в нынешнем понимании, но и мера, а также образ или способ действия (фр. *mode de production* означает, к примеру, способ производства, термин, принятый в той же франкофонной политэкономии). Слово “модерн” оказывается во всех отношениях подходящим: тут тебе и новизна, и обновление, и особенность, и мера, и правило, и предел, и предписание, и образ, и способ, в общем, все, что хочешь, и все к месту, а потому эпоху, последовавшую за Возрождением, но как эпоху строительства неприродного мира из материала природы, по лекалам, умом и руками самого человека, можно с полным основанием назвать эпохой Модерна» [3, 68 — 69].

развитию на основе фабричного промышленного производства; наконец, урбанизацию как результат перетекания большинства бывших крестьян в города и их превращения в наемных рабочих.

Преобразование аграрного общества в индустриальное было грандиозной трансформацией, которая не могла не затронуть все стороны общественной жизни. Не могло оно обойтись и без радикальных политических преобразований, поскольку старая земельная аристократия, составлявшая элиту традиционных обществ, выступала помехой на пути новых социальных групп, обладающих значительным экономическим потенциалом, но ограниченных в возможности его применения.

Изложенному подходу не противоречит и тот факт, что повышенную актуальность тема модернизации приобрела после Второй мировой войны. «Центром теоретических дискуссий модернизация становится только в 1950-е годы, когда в университетах Англии и США оформляется мощная школа под руководством социологов Талкотта Парсонса, Эдварда Шилза и Ральфа Дарендорфа, политолога Люсиана Пая и экономиста Уолта Ростоу» [4, 23]. Именно в этот период произошел крах колониальной системы, возникли новые независимые государства, попытавшиеся пойти по пути развитых стран и осуществить импортозамещающую индустриализацию экономики. Теория и практика Модерна, ранее господствовавшие только в государствах-лидерах, в середине XX в. распространились по всей планете. «Школа модернизации... стремилась с либерально-реформистских позиций обобщить исторический опыт Запада, описать только что освободившиеся от колониализма страны третьего мира и сформулировать для них программу ускоренного перехода от “традиционного общества” к “современности”, то есть идеализированной модели Америки» [6, 23].

1950 — 1960-е гг. — это время, когда состоялась вторая волна индустриализации. Если первая волна (с середины XVIII до конца XIX в.) относилась только к государствам Западной Европы и Соединенным Штатам, то вторая охватила практически весь мир. Наглядным подтверждением единства происходящих процессов, несмотря на их разброс во времени, являются демографические переходы. Стремительный рост населения в указанные выше периоды, который специалисты до недавнего времени определяли как вторую и третью демографические революции, является двумя этапами одного и того же демографического взрыва, связанного с переходом от аграрного хозяйства к индустриальному.

Трактовка модернизации как формирования общества нового типа в единстве всех его характеристик (социальных, экономических, политических, идеологических, культурологических и т. п.) получает иногда неожиданные авторские интерпретации. Например, А.Г. Вишневецкий

утверждает, что с точки зрения формирования современной социальной структуры общества модернизация должна включать два этапа: первый — «превращение аграрного и сельского общества в промышленное и городское», состоявшееся в ходе сначала российской, а затем советской индустриализации. «Данный сдвиг означал коренное обновление социальной структуры в соответствии с императивом времени, он соответствовал требованиям исторического развития и в этом смысле, несомненно, имел ярко выраженный модернизационный смысл» [7, 20]. Вторым — преобразование формы социальной пирамиды: от «пешкообразной» структуры традиционного общества к «веретенообразной», характерной для лидеров индустриального развития и включающей массовый «относительно обеспеченный и привилегированный» средний класс.

По мнению А.Г. Вишневого, в советский период страна прошла только первый этап модернизации, осуществив рывок индустриального развития и урбанизацию, вторым же этапом так и не был реализован. Он признает, что «со временем... Советский Союз богател, его экономические возможности расширялись. Вместе с тем все больше утрачивала свой внутренний смысл социальная структура “социалистического феодализма”, и здесь тоже появлялась своя социальная “середина”, отличная как от статусной номенклатуры, так и от пролетаризированного рабоче-крестьянского большинства. ...Одновременно нарастало и критическое отношение к допотопной форме советской социальной пирамиды, назревала ее кардинальная перестройка» [7, 22]. Вывод автора: чтобы довести до конца то, что не успел или не захотел доделать советский строй, необходимо осуществить еще один виток либерализации, демократизации и создать в России полноценный средний класс, что и будет означать окончательное завершение процесса модернизации.

Прочитанная статья производит неизгладимое впечатление. Во-первых, откровенной дезинформацией, рассчитанной на неискушенного читателя академического журнала, наличие такового, само по себе, трудно предположить. Любопытно, кто хотя бы поверхностно знаком с данными по социальной структуре позднесоветского и современного российского общества, прекрасно знает, что в 1970-е гг. в СССР сложилась «веретенообразная» структура, полностью идентичная социальной структуре развитых стран. Возврат к «феодалскому, пешкообразному» строению общества произошел с начала радикальных реформ, резко усилившихся в результате дефолта 1998 г.¹⁴ Последствия

---

¹⁴ Сравнительный анализ социальной структуры советского и российского обществ неоднократно приводился в исследованиях социологов: Е.М. Аврамовой, Т.И. Заславской, Н.Е. Тихоновой и др. Диаграммы, дающие наглядное

разрушения якобы «допотопной формы советской социальной пирамиды» современное российское общество будет расхлебывать еще долгие десятилетия, если вообще когда-нибудь сумеет преодолеть.

Во-вторых, твердым стремлением автора придерживаться либерального, «мейнстримовского» дискурса, игнорирующего и достижения альтернативных обществоведческих теорий, и любые факты, противоречащие господствующим догмам. Такой прием характерен сегодня для большинства представителей науки, стоящих на прозападных позициях. Как отмечает В.К. Захаров, «при описании процесса индустриализации его апологетами, по-видимому, сознательно не принималось во внимание неразрывное центр-периферийное индустриально-аграрное взаимодействие» [9, 102]. «Веретенообразная» социальная структура возможна только в государствах, которые образуют центр самостоятельной мир-системы, причем «разбухание» среднего уровня происходит благодаря активной колонизации и освоению среды, в качестве которой выступают полупериферия и периферия. Как только центр истощает ресурсы среды, возможности для бурного экономического роста сокращаются, и начинается постепенное сжатие среднего уровня социальной пирамиды, выдавливание представителей «среднего класса» к ее подножию¹⁵. Именно этот процесс наблюдается сегодня во всех развитых странах, а его медленная скорость объясняется активными государственными программами по предотвращению разорения собственного населения.

Сложнее с трактовкой институциональных преобразований. Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения А.А. Аузана: «Есть очень простая, генеральная функция общества в процессе модернизации — функция легитимизации новых институтов. Модернизация — всегда, по самому своему смыслу, выход из традиционных категорий. Здесь уже в рамках прежнего социального контракта, традиций очень трудно продвигаться дальше. Нужны новые институты, а они должны быть общественно признанными. Это не психологический, а экономический вопрос. Потому что непризнанные институты — государственные или частные — связаны с огромными, иногда запретительно высокими транзакционными издержками, которые и выражаются в оппортуни-

---

представление о социальных структурах разных стран, приведены в статье Н.Е. Тихоновой [8].

¹⁵ «Сплющивание» средней части «социального веретена» наглядно свидетельствует об исчерпании потенциала развития общества Модерна и его основы — индустриального хозяйства. Вопрос о пределах роста индустриализма, завершении идеологической и культурной программы Модерна и переходе к постмодернизму, который многие авторы рассматривают как отрицание Модерна, сегодня очень подробно анализируется в обществоведческой литературе.

стическом поведении, в коррупции, в огромных затратах на принуждение к выполнению правил. Если вопрос легитимности решается, то решается и эта проблема» [10, 60].

Особенностью не только советской, но и многих последующих попыток догоняющей модернизации был тот факт, что переход к принципиально новой хозяйственной системе осуществлялся старыми институтами, характерными для аграрного хозяйства. Причем большинство государств догоняющей модернизации проходило через этап политических революций и слом старой институциональной структуры, но затем она заново воссоздавалась самим же обществом. Население Советского Союза полностью воспроизвело институционально-политическую структуру предыдущего этапа: генерального секретаря (царя-батюшку), политбюро (боярскую думу), коммунистическую партию (новое дворянство) и даже коммунизм из науки превратило в светскую религию¹⁶. Подобная инверсия не была навязана извне, наоборот, крестьянская страна отторгла те заимствованные идеи, которые не отвечали глубинному, внутреннему самоощущению большинства, и восстановило привычные социальные структуры и институциональные нормы. Именно старые институты в новом облике позволили провести принудительную мобилизацию всего населения, превратить вчерашних крестьян в рабочих и интеллигенцию, осуществить ускоренную индустриализацию. Издержки подобной догоняющей модернизации хорошо известны, можно ли считать их запретительно высокими — вопрос скорее оценочный, нежели научный. Раз общество заплатило такую цену, значит, оно не посчитало ее запретительной.

За счет тотальной мобилизации вчерашних крестьян стране удалось осуществить переход на уровень 3-го и 4-го технологических укладов, создать крупное машинное производство и его энергетическую базу. В современной ситуации возникает несколько вопросов. Во-первых, реально ли повторение подобного рывка в принципиально иных условиях или же его можно рассматривать как исключение из правил? Способны ли старые институционально-политические структуры возглавить и осуществить переход к 5-му и 6-му технологическим укладам хотя бы за

---

¹⁶ По крайней мере, из теории, претендующий на статус науки. Нельзя не отметить, что предпосылки подобной трансформации изначально были заложены в самом учении К. Маркса, на что Й. Шумпетер указывал с первых страниц своей книги: «Религиозные свойства марксизма объясняет и характер отношений ортодоксального марксиста к своим оппонентам. Для него, как и для всякого сторонника определенной веры, оппонент не просто ошибается, он греховен. Инакомыслие осуждается не только с интеллектуальных позиций, но и с позиций морали. Раз провозглашено учение, никакого оправдания инакомыслию быть не может» [11, 377].

счет заимствования у лидеров и активного внедрения новых технологий? Во-вторых, если старые институты не годятся в принципе, так как полностью ориентированы на извлечение рентного дохода и не способны продуцировать создание процентного дохода, то какими должны быть новые институты? Формальное провозглашение демократии в политике и рынка в экономике не означает действительное формирование качественно новой институциональной структуры. Страна уже прошла через подобное «самопровозглашение» либералами, демократами и рыночниками деятелей, которые под прикрытием красивых слов занимались оголтелым дележом собственности и ренты. Кроме молодежи, выросшей в относительно благополучные 2000-е гг., для которых 1990-е — это давняя история, какие слои взрослого населения России поверят, что в прошлый раз демократизация получилась плохо, а в этот раз обязательно получится хорошо? Иначе говоря, для каких слоев населения издержки формирования новых институтов не являются запретительно высокими и насколько массовыми являются эти слои? Тем более что основные формальные институты, соответствующие экономическим и политическим критериям Модерна, в стране уже созданы в начале 1990-х гг. Может быть, рациональнее вести речь об их наполнении реальным содержанием, а не о повторном разрушении и выстраивании заново?

Наконец, третье. Можем ли мы сегодня сами себе предоставить гарантии (и насколько надежны будут подобные гарантии), что слом существующих институциональных структур закончится формированием, пусть и с определенными издержками, новых, современных, прогрессивных и способствующих бурному экономическому развитию? И ни при каком раскладе не получится, что обломки прежних структур частично встроится в чужие центрo-периферийные системы, частично деградируют к еще более архаичным формам (например, тотальной криминализации общества), а частично просто исчезнут вместе с людьми, включенными в эти обреченные на уничтожение институциональные структуры? В стране с низкой демографической нагрузкой и огромными запасами природных ресурсов, испытывающей жесткое давление со стороны всех «союзников», заинтересованных в установлении контроля над этими ресурсами, подобный вариант тоже должен быть просчитан для нейтрализации его возможных отрицательных последствий. Никто не спорит с аксиомой о необходимости преобразования российской институциональной организации в сторону сокращения монополизма и развития конкурентных отношений, стимулирующих поиск инноваций и способствующих их внедрению. Проблема в том, что проблема снижения монополизма в экономике подменяется идеей ликвидации монополизма государства — монополизма объективного, обусловленного его политическими функциями и предназначенного в том числе для ограничения монополь-

ной власти отдельных экономических структур в интересах всего населения. Такая «комплексная модернизация», способная выбить «несущие конструкции» институциональной организации страны, имеет вполне реальные шансы оказаться фатальной. Упование на то, что после очередного радикального разрушения мы быстренько модернизируемся и весь мир «закидаем шапками», изготовленными с использованием нанотехнологий, может очень дорого обойтись «дорогим россиянам».

Последняя, наиболее узкая, экономическая трактовка модернизации сводит ее к периодически происходящему в экономике обновлению техники и технологий, в наиболее концентрированном виде отраженному в теории технологических укладов. Разговоры о необходимости преодоления сырьевой специализации, диверсификации экономики, восстановления обрабатывающей промышленности продолжают с начала 1990-х гг. и по настоящее время. С каждым годом проблема становится все острее, структурная деформация российской экономики и ее зависимость от экспорта энергоресурсов усугубляются, а принципиальных изменений к лучшему не происходит. Необходимость технологической модернизации производства настолько наглядна и вопиюща, что никому не придет в голову пытаться отрицать ее. Но означает ли насущная потребность обновления производства и усиления инновационной активности, что преобразования должны обязательно выходить за пределы экономики и охватить общество в целом?

По мнению сторонников либеральной идеологии, не только должны, но и обязаны: «Необходимость осознать комплексный характер модернизации. Она не может ограничиваться только отдельными секторами экономики (преимущественно военно-промышленным комплексом) или даже всей экономикой, а должна распространиться на все основные стороны жизнедеятельности общества, одновременно охватывая экономическую, политическую и социальную сферы. В свою очередь, это вызовет и культурное (идеологическое) обновление» [12, 13]. При этом даже не возникает вопрос: если модернизационный процесс в целом как переход от индустриального хозяйства к аграрному произошел в стране еще в первой половине XX в., а традиционные институты, законсервированные крестьянским обществом на период индустриализации, были уничтожены тогда, когда крестьянства в стране практически не осталось (в перестройку 1980-х и шоковую терапию 1990-х гг.), то зачем заново ломать все социальные структуры? Чем это поможет и поможет ли в действительности модернизации производства?

Переход к новому технологическому укладу осуществляется через кризисную фазу долгосрочного (Кондратьевского) цикла. Это всегда длительный и крайне болезненный процесс, который обычно включает в себя два среднесрочных кризиса. Он сопровождается появлением

новых перспективных отраслей и рынков, совершенствованием традиционных производств на базе инновационных технологий, а также отмиранием части старых экономических структур. Но ни в одной развитой стране, последовательно прошедшей полный цикл смены технологических укладов, подобная модернизация не повлекла за собой радикальную институциональную трансформацию и принципиальное изменение социальной структуры¹⁷. Все технико-экономические изменения происходили в рамках существующего института выборной демократии, сформировавшегося еще в начальный период становления индустриального хозяйства. Более или менее авторитарные режимы характерны для стран догоняющей индустриализации и возникали они как раз в момент ускоренного перехода от традиционного аграрного общества к Модерну — перехода, требовавшего определенного принуждения из-за отсутствия в стране частных экономических субъектов, имеющих желание и возможность быстро и в больших масштабах развивать промышленное производство.

В российской экономической литературе постоянно подчеркивается, что сегодня в стране отсутствует самое главное — субъект модернизации, та сила (социальная страта), которая способна взять на себя ее осуществление. Для масштабной модернизации требуется экономическая заинтересованность крупных корпораций, не имеющих других возможностей увеличения нормы прибыли, кроме инновационной технологической ренты. Пока современные российские корпорации будут подавляющую долю дохода получать за счет ТЭКа, такого стимула у них не возникнет. А именно они должны быть «локомотивами» технологической модернизации, поскольку каждая мощная корпорация (особенно госкорпорация) в современных условиях — это фактически отрасль. Именно от корпораций зависит переход целых отраслей на уровень нового технологического уклада, а не от малых и средних инновационных фирм.

Как констатирует Н.П. Шмелев, «рассчитывать на то, что в условиях невероятной монополизации российской экономики и фактического отсутствия в ней конкуренции крупные компании сами начнут проявлять интерес к технологическому прогрессу, наивно: зачем им высокие

---

¹⁷ Исключением из общего правила является Германия, которая в начале XX в. гораздо дальше, чем Россия, продвинулась по пути институциональной трансформации от аграрного общества к индустриальному. Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но можно высказать предположение: если бы не последствия разорившей страну Первой мировой войны, усугубленные Великой депрессией, потребовавшие для выхода из кризиса принудительной форсированной реиндустриализации, немецкий народ обошелся бы без фашистской диктатуры.

технологии при нынешней сверхприбыльной деятельности? Не менее наивно надеяться в этом отношении на малый и средний бизнес, на перспективы его развития в крупный высокотехнологичный: ему же продохнуть не дают в последние 20 лет, и выглядит он жалко. Какая же сила, если нет соответствующего автоматического механизма перелива капитала в высокотехнологичные отрасли, способна продвигать прогрессивную структурную перестройку экономики? Только государство, пусть оно неуклюже, неповоротливо и т. п.» [13, 37].

Действительно, все инициативы по переводу российской экономики на инновационный путь развития (с 2005 г.) и ее модернизации (с 2009 г.) исходили от высшего руководства государства. Но государство — это не однородный субъект, реализующий коллективную волю. Государственные органы власти, в том числе законодательные и исполнительные, сегодня раздираемы противоречиями, пропитаны лоббизмом самых разных внешних и внутренних групп влияния, ориентированы на кланово-корпоративные интересы. В результате благие намерения и инициативы по инновационному обновлению российской экономики на протяжении уже пять лет гасятся на начальной стадии их реализации, в основном законами о бюджете, подзаконными актами и распоряжениями¹⁸.

Если, вопреки фактам, попытаться остаться оптимистом и предположить, что высшие органы государственной власти преодолеют разногласия, отодвинут на второй план все частные, конъюнктурные интересы и амбиции и выступят как единый, целостный субъект, поставивший целью осуществить модернизацию страны, тогда придется задать еще один более конкретный, но не менее значимый вопрос: как она будет осуществляться?

Российская экономика пытается начать очередной прорыв на новый уровень развития с «низкого старта»: по расчетам Г.И. Ханина и Д.А. Фомина, за 1987 — 2007 гг. произошло 40%-ное сокращение основных фондов [14, 12]. «Сегодня уровень объема инвестиций в основной капитал промышленности составляет только 28 — 30% от уровня 1990 года. При продолжении такой политики, к примеру, для восстановления только советского уровня инвестиций в ключевые отрасли промышленности (скажем, уровень СССР 1990 года) потребует-

---

¹⁸ Передовиком по части «гашения» любых попыток создать финансовые стимулы для развития науки и опытного наукоемкого производства является Министерство финансов. Можно приводить массу свидетельств авторов солидных академических журналов с примерами подобных действий Минфина, превращающих все попытки первых лиц государства запустить процесс инновационного развития в бесплодную риторику.

ся еще около 15 лет. С учетом скорости развития технологий — это очень долго» [15, 10]. По разным расчетам, для обеспечения экономического развития необходимо увеличить норму накопления минимум до 25 — 28%, максимум — до 40% [16, 6]. Разброс величины нормы накопления основного капитала в 10 — 15% очень существен, выбор нижней (25%) или верхней (40%) границы может привести к принципиально разным результатам.

Технологическая модернизация может быть «точной» и «фронтальной». Соответственно осуществляться эти типы модернизации должны по-разному. «Точечная» технологическая модернизация не требует огромных средств, радикальных структурных изменений, осуществляется медленно и плавно. Она способствует развитию новых технологий в небольших рыночных нишах, обслуживающих сохранившиеся в стране анклавы индустриального производства. Ранее мы уже пытались показать, что так называемые высокие технологии, относящиеся к 5-ому и 6-ому укладам, в большинстве своем выводят основное производство на новый уровень развития, но сами производящими не являются¹⁹. Субъектами внедрения новых технологий в российской экономике обычно выступают средние предприятия, либо выросшие из малых инновационных фирм, либо выпускающие традиционную продукцию и параллельно для ее обновления и расширения рыночной ниши осваивающие новые высокие технологии. Многие из таких фирм не только работают на внутренний, российский рынок, но также имеют тесные связи с зарубежными партнерами. В основном они выполняют вспомогательные функции; ни одно из подобных предприятий самостоятельно не способно произвести революционный переворот в основном производстве, которое оно обслуживает.

Проведение подобной модернизации вполне реально. В сущности, она уже происходила в последние годы, хотя и очень низкими темпами. По данным Росстата, норма накопления основного капитала возросла с 16,9% в 2000 г. до 23,2% в 2009 г. [18, 168; 19]. До желаемых 25 — 28% не так уж и далеко, но с учетом высокого уровня износа основных фондов и заниженной амортизации при такой норме накопления рассчитывать на фронтальный инновационный прорыв не приходится. Только на точечную модернизацию. Чем больше будет высо-

---

¹⁹ «Электроника — это, в сущности, технология не производства, а управления техникой... Основной задачей, решаемой технологиями третьей парадигмы, является оснащение уже существующих технических устройств, от станков до бытовой техники и игрушек, микросхемами (в недалеком будущем — наносхемами), которые упрощают и облегчают процесс управления ими. Одновременно происходит ускорение обработки информации, необходимой для рационального управления техническими устройствами» [17, 70].

котехнологичных «точек роста», тем лучше. Увеличить их число можно за счет продуманной государственной политики, налоговой и кредитно-денежной, стимулирующей проведение научных исследований и опытно-конструкторских разработок, а также инновационное предпринимательство. Но это не приведет к принципиальному перевороту в российской экономике, не изменит ее структуру, а может только по максимуму модернизировать сохранившиеся традиционные отрасли.

Фронтальная технологическая модернизация предполагает полную структурную перестройку экономики, восстановление как минимум дореформенного уровня развития обрабатывающей промышленности с упором на новые наукоемкие технологии. Для обозначения экономических преобразований такого масштаба С.С. Губановым предложен очень точный и содержательно насыщенный термин «неоиндустриализация»²⁰ [20; 21]. Проведение такой модернизации требует концентрации всех имеющихся в стране ресурсов, от интеллектуальных и трудовых до финансовых, на новом рывке индустриализации, аналогичном тому, который был осуществлен в 1930-е гг. В основе неоиндустриализации, как минимум, должен лежать план ГОЭЛРО — 2, поскольку российская энергетика сегодня характеризуется очень высокой степенью износа основных фондов — в среднем по отрасли она приближается к 60%. «Износ основного энергооборудования еще больше: на тепловых станциях 83,85%, на ГЭС — 97,42%» [22, 83]. Решение проблемы подобного масштаба потребует нормы накопления основного капитала 35 — 40%, как в годы первой индустриализации (не считая значительного роста расходов на формирование человеческого капитала, соответствующего уровню современного производства).

Даже если исходить из показателей кризисного 2009 г., для осуществления инновационного рывка, позволяющего восстановить утраченный индустриальный потенциал и «оседлать» волну нового технологического уклада, необходимо порядка 450 — 500 млрд дол. ежегодных инвестиций в основной капитал. Российский бюджет не предполагает выделение средств на развитие экономики. Резервы, накопленные за тучные годы высоких цен на нефть, предназначены для покрытия социальных обязательств. «На 1 января 2010 г., по данным Минфина, Резервный

---

²⁰ «Реальный ход истории показывает нам две последовательные фазы одного и того же общего, неразделимого, интегрального процесса – процесса индустриализации. Первая фаза имеет своим результатом электрофикацию производительных сил общества и способа производства. Результат второй фазы – автоматизированные или технотронные производительные силы. Вторая фаза неосуществима без достижения первой, ибо, вновь подчеркнем, существует объективный закон: автоматизировать можно такие и только такие средства производства, которые уже электрофицированы» [20, 17].

фонд составлял 59 млрд. долл., Фонд национального благосостояния — 92 млрд. руб. Средства Резервного фонда хватило только на то, чтобы покрыть дефицит бюджета в 2009 г. и 60% дефицита 2010 г., то есть практически лишь на полтора года. ...Средства Фонда национального благосостояния «привлекаются для покрытия дефицита Пенсионного фонда. По данным ПФР, в 2010 г. его дефицит составит 1,7 трлн. руб., в 2011 и 2012 гг. — по 0,7 трлн. руб. ...Средства Фонда могут закончиться уже в 2014 г.» [23, 31 — 32]. Российские корпорации, и частные и государственные, обременены огромными долгами. В текущем году они должны заплатить 86,7 млрд дол., после 2010 г. — 274,8 млрд дол. При этом из 450 млрд дол. общего среднесрочного корпоративного долга капитализацией заложенных активов обеспечена в лучшем случае половина [24, 13, 17]. После того, как от красивых слов переходишь к сухим цифрам, встает не очень приятный, но чрезвычайно актуальный и болезненный в современных российских условиях вопрос Ивана Васильевича Бунши: «За чей счет банкет?».

Этот наивный вопрос, правда, в серьезной формулировке, постоянно задает в своих статьях новосибирский экономист Г.И. Ханин. И приходит к неутешительному выводу: «Выход из кризиса окажется долгим (при нынешней социально-экономической модели в условиях мирового экономического кризиса) и займет не менее 10 — 15 лет. Кроме того, для его преодоления потребуются большие жертвы от населения, главным образом, из состоятельных слоев. Но не только состоятельных» [25, 35]. Из его расчетов следует, что неоиндустриализация ляжет тяжелым грузом на плечи всего населения страны, разумеется, не равномерно, на кого-то больше, на кого-то меньше.

Попробуем рассмотреть детально, где и у кого можно взять деньги, необходимые для модернизации. В уже цитированной статье журнале «Эксперт» указывается: «Средства для модернизации должны быть изысканы внутри страны. В России их могут предоставить только два источника: госбюджет и крупный бизнес. При этом если не предполагать, что ради модернизации будут серьезно урезаны остальные бюджетные расходы, то пополнить бюджет можно лишь за счет ныне действующего бизнеса. Поэтому в конечном итоге основным источником ресурсов станут крупные корпорации, в первую очередь работающие в сырьевом сегменте. Вопрос только в одном: или крупный бизнес начнет активно инвестировать в модернизацию сам, или государство создаст систему отъема у него финансовых ресурсов и перекачки их в модернизируемые сегменты экономики. Способы изъятия средств могут быть самыми разными — от относительно мягких инструментов налогово-таможенного и тарифного регулирования до таких жестких мер, как уголовные преследования, национализация и конфискация» [1, 16].

Поскольку современный российский бюджет нагружен социальными обязательствами государства и дефицитен, в качестве источника необходимых финансовых ресурсов остается один только крупный бизнес. Как в реальности будет осуществляться изъятие его доходов, если государство не смогло проконтролировать использование даже тех средств, которые оно выделило на антикризисные программы и которые вместо реального сектора были вложены в спекулятивные финансовые операции? Не стоит тратить время на обсуждение «жестких методов», все по умолчанию прекрасно понимают, что для их реализации необходим жесткий авторитарный режим. Вот уже много лет в России не принимается даже такая «мягчайшая» мера по изъятию части сверхдоходов обеспеченных слоев населения, как прогрессивный подоходный налог с минимальным уровнем прогрессии (хотя бы до 25%). Написать про изъятие сверхдоходов легко, осуществить на практике невероятно трудно. Тем более, что назревшие и перезревшие проблемы российской экономики настолько велики, что требуют значительных финансовых ресурсов.

Неоиндустриализация не на словах, а на деле требует огромных инвестиций для восстановления изношенной индустриальной инфраструктуры, а также создания новой. В этом отношении гораздо более реалистичными выглядят выводы Г.И. Ханина и его соавторов: «Наши расчеты показывают, что необходимый для быстрого экономического роста размер фонда накопления (в 2 — 3 раза больше нынешнего) требует сокращения доходов наиболее состоятельных слоев как минимум в шесть раз, а также значительного сокращения доходов и средних слоев» [25, 35]. Найдутся ли в стране хотя бы несколько оптимистов, которые всерьез возьмутся рассуждать о добровольном сокращении состоятельными слоями и средним классом своих доходов и уровня потребления даже не в шесть раз, а пусть только вдвое ради финансирования фронтальной технологической модернизации?

Не вызывает сомнений, что в современной России никто из тех, кто получил хоть малейший выигрыш в материальном положении по сравнению с советским временем, этим выигрышем не пожертвует. Абсолютная величина (несколько миллиардов, миллионов или десятков тысяч) значения не имеет. Полную пассивность населения, принадлежащего ко всем социальным стратам, сосредоточенность на собственных интересах и нежелание ограничивать потребности, даже далеко не самые насущные, постоянно подчеркивают в своих исследованиях социологи: «Во всех опросах, связанных с поисками новой национальной идеи, на первое место выходит идея возрождения России как великой державы. С другой стороны, в своей реальной жизни постсоветский гражданин ничем не готов поступиться — даже самым малым, не говоря уже о том,

чтобы проливать кровь за “великую Россию”. Консервативные ценности во многом повисают в воздухе и остаются не более чем парадными декларациями. Современное российское общество, как и общество 1990-х годов, антимобилизационно, оно поддерживает власть ровно до того момента, пока та только рассуждает о величии и не требует от граждан никаких активных действий» [26, 6].

Не вызывает удивления, что после 70 лет советской мобилизационной экономики, принудительного аскетизма и 30 лет «завистливого сравнения» по Веблену²¹ маятник с силой качнулся в противоположную сторону. «“Средний” россиянин сегодня по своим установкам ориентирован на спокойный потребительский образ жизни, достаток и комфорт. Он аполитичен и требует от власти в первую очередь того, чтобы она к нему “не приставала”» [27, 59]. Но если добровольное сокращение потребления и повышение нормы накопления не реальны, значит, необходимые средства придется изымать принудительно. Как себе представляют осуществление этого процесса те, кто красиво пишет про модернизацию? Лично они собираются преобразиться в «железных феликсов» и проводить очередную экспроприацию экспроприаторов? И у них есть уверенность, что в современной открытой информационной экономике владельцы солидных состояний будут сидеть и ждать прихода представителей чрезвычайки, чтобы в их присутствии выковыривать золото из-под пола, а не выведут все свои активы за пределы страны при первом же минимальном намеке на возможность их изъятия?

Самый простой, хотя тоже болезненный способ привлечения финансовых ресурсов в реальный сектор экономики — это улучшение инвестиционного климата за счет упрощения законодательства, повышения прозрачности бизнеса и сокращения коррупционного налога. Современная российская бюрократия на редкость иррациональна, она потеряла чувство меры и рубит сук, на котором сидит, с каким-то поразительным упоением. Для того, чтобы прекратить взимание коррупционного налога, нужна сильная политическая воля, но не требуется пропагандистская компания инноваций и модернизации. Высвободившиеся средства предприниматели сами направят на развитие собственного бизнеса, поскольку эти деньги и так уже изъяты из личного потребления и отнесены к накоплению для проведения «точечной» модернизации.

Для полноты анализа рассмотрим еще один теоретически возможный внутренний источник финансирования модернизации — средства основной массы населения. «Понятно, что убыточность большинства

---

²¹ С начала 1960-х гг. по конец 1990-х, когда в пресловутом «железном занавесе» образовалось множество прорех, через которые советский человек мог наблюдать, как красиво «догонивает и перегонивает» капиталистический Запад.

отраслей реальной экономики означает чрезмерные издержки на заработную плату не только высшего персонал, но и рядовых работников, а также доходов от собственности. Для преодоления этой убыточности необходимо сокращение числа работников, их оплаты и доходов от собственности» [25, 35]. Советская индустриализация 1930-х гг. была в основном проведена за счет самого массового и бедного слоя населения: крестьянства²². Может ли страна повторить подобный опыт на новом витке развития? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. С современных бедных взять нечего, их уже полностью обобрали в 1990-е гг. Единственная ценность, которая осталась сегодня у большинства населения — квартиры, полученные еще в советские годы — ресурс не инвестиционный. Это не урожай, который можно было забрать у крестьянина и отправить на экспорт, чтобы за вырученное золото покупать за границей новые заводы.

За первое десятилетие XXI в. положение большинства населения несколько улучшилось, но современный кризис свел на нет то незначительное повышение доходов, которое имело место в стране. К тому же в значительной степени повышение уровня жизни было фиктивным и обеспечивалось массивной кредитной экспансией, приучившей население жить в долг, не на свои, которых нет, а на заемные деньги. Заемные средства не изымешь на проведение модернизации, сама по себе подобная операция отдает сюрреализмом. К тому же современная ситуация радикально отличается от времен индустриализации. В советской системе люди получали низкую зарплату, но значительная часть жизнеобеспечивающих общественных благ (жилье, услуги по образованию и здравоохранению) предоставлялась им бесплатно. Квалифицированные кадры для работы на промышленных предприятиях государство готовило за свой счет.

Сегодня значительная часть населения вынуждена самостоятельно оплачивать получение образования. Если еще сильнее сократить доходы основной массы населения, откуда возьмутся специалисты, необходимые для осуществления технологической модернизации? Вложения в образование — это ведь тоже инвестиции в развитие. Какие силы в стране возьмут на себя эту часть финансирования неоиндустриализации? Банки или корпорации собираются восстанавливать инженерное образование в стране? Если да, то необходимо всеми силами поддер-

---

²² «Поворот к коллективизации села обеспечил основную часть необходимых ресурсов накопления. С макроэкономической точки зрения этот поворот представлял собой резкое повышение доли накопления (с 15 до 40% национального дохода за 1928 — 1931 годы) при сокращении самого национального дохода, что — как видно из чисто арифметических соображений — должно было привести к резкому сокращению жизненного уровня населения» [28, 30].

живать их в этом благом начинании. Вот только примеров вложения средств в развитие образования, за исключением ограниченного количества корпоративных университетов, в основном преобразованных из ведомственных вузов, пока не наблюдается.

Отсутствие внутренних ресурсов или невозможность их принудительного изъятия уже давно сместили акцент на поиск внешних источников финансовых средств. Статистика иностранных инвестиций в российскую экономику хорошо известна. После 2000-го г. их основную массу (более 70%) составляют прочие инвестиции (кредиты). Объемы прямых инвестиций очень ограничены (после 40,4% в 2000 г. максимальное значение было достигнуто только в 2008 — 26%) [18, 448], причем в обрабатывающую промышленность направляется минимум капиталовложений. Кризис изменил ситуацию к худшему, и маловероятно, что в ближайшее время наступит бум иностранных инвестиций. Всем экономическим центрам необходимо осуществлять собственную технологическую модернизацию. В лучшем случае Европа сбросит в Россию морально устаревшие технологии предыдущего экономического цикла, чтобы освободить место для нового витка развития. Именно такой вариант намечен к реализации в совместном проекте АвтоВАЗ с «Renault — Nissan».

Американцы вообще не горят желанием передавать технологии и вкладываться в развитие российского промышленного производства. Пример с покупкой компании «Opel» консорциумом «Сбербанк — Magna», сорванной американской корпорацией «General Motors», не требует комментариев. Китай готов инвестировать в российскую экономику, но только в добычу полезных ископаемых. «Подписанная осенью в Пекине президентами России и Китая программа сотрудничества между нашими странами предполагает создание большинства перерабатывающих производств на китайской территории, тогда как в России — лишь совместное обустройство сырьевых месторождений. Да и нынешние хозяйственные реалии дают массу примеров постепенной миграции бизнес-активности в Китай» [29, 43]. В ситуации, когда конкуренция за свободные капиталы во всем мире только обостряется и каждый регион заинтересован прежде всего в собственном развитии, вряд ли стоит надеяться на значительный приток прямых иностранных инвестиций, тем более их направление в развитие российского высокотехнологичного производства.

Сама по себе задача восстановления промышленного потенциала страны на новом энергетическом и технологическом уровне невероятно актуальна. Не стоит упрекать автора статьи в консерватизме и попытке встать на пути развития. Проблема в другом — сегодня говорится так много красивых правильных слов, что существует реальная

опасность за их завесой упустить из виду, что же на самом деле происходит с экономикой. Однако анализ реального контекста, в котором разворачивается пропаганда модернизации, приводит к не очень оптимистичному выводу. Складывается ощущение, что вся страна сверху донизу искренне желает, чтобы технологическая модернизация (неоиндустриализация) свершилась сама по себе, по мановению волшебной палочки, «по щучьему велению, по моему хотению», без всяких усилий со стороны подавляющего большинства населения.

После всех усилий по реформированию и реорганизации науки и образования, проводимых по принципу «хотели как лучше, а получилось как всегда», в стране все еще сохраняется значительный интеллектуальный потенциал. Ученые искренне хотят, чтобы их идеи принесли пользу стране, послужили обновлению и развитию производства, повышению уровня и качества жизни всего населения, возродили российскую культуру. Люди науки, несмотря на многочисленные разочарования, продолжают верить в то, что «пар не уйдет в свисток», их идеи и изобретения окажутся востребованы не западными или китайскими корпорациями, а отечественной промышленностью. Будет очень грустно, если их ожидания в очередной раз окажутся обманутыми, идея «комплексной модернизации» всего и вся лопнет как радужный мыльный пузырь, выполнив свою основную миссию: прикрыв красивыми словами и громкими призывами отсутствие реальных усилий, направленных на решение вполне конкретной, не слишком помпезной, но очень важной задачи — восстановления и развития российской обрабатывающей промышленности.

P.S. Настоящие дела не требуют оглушительных пиаровских акций. Современная пропагандистская компания вызывает ощущение дежавю, воскрешая в памяти не менее масштабное прославление ускорения и перестройки. Старшее и среднее поколения прекрасно помнят, чем закончилась эпопея по демократизации и модернизации Советского Союза. Оснований для недовольства существующим положением дел сегодня у всех слоев населения больше, чем достаточно. В период кризиса оседлать протестные настроения и направить их в нужную сторону — задача не слишком сложная. Тогда мощную кампанию по пропаганде модернизации можно использовать в качестве дымовой завесы, очень удобной для решения неафишируемых клановых задач. Например, для возвращения к власти финансовых олигархов, уже «руливших» страной с 1996 по 2000 г. и за два года дорулившихся до дефолта. Посреди безудержного славословия по поводу нового, «модернизационного платья короля» кто-то должен сохранить детскую наивность, чтобы сказать: «А король-то голый». Иначе ушлые ткачи могут раздеть до гола не только короля, но и всех жителей его благословенной страны.

Литература

1. *Медовников Д., Оганесян Т., Розмирович С.* Не относитесь к будущему по-скотски // Эксперт. 2010. № 2.
2. *Неклесса А.И.* Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
3. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.
4. *Дерлугьян Г.* Модерн и модернизаторы // Эксперт. 2010. № 1.
5. *Ионов И.Н.* Цивилизационные образы России и пути их оптимизации // Общественные науки и современность. 2009. № 3.
6. *Дерлугьян Г.* Самый неудобный теоретик // Валлерстайн И. Мировосистемный анализ: Введение. М., 2006.
7. *Вишневский А.Г.* Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет? // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
8. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура российского общества: итоги восьми лет реформ // Общественные науки и современность. 2000. № 3.
9. *Захаров В.К.* Перспективы перехода России к инновационной экономике знаний // Философия хозяйства. 2009. № 4.
10. *Аузан А.А.* «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6.
11. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 2007.
12. *Мау В.* Экономическая политика 2009 года: между кризисом и модернизацией // Вопросы экономики. 2010. № 2.
13. Проблемы структурной перестройки российской экономики в условиях глобального кризиса // Российский экономический журнал. 2009. № 6.
14. *Ханин Г.И., Фомин Д.А.* Обзор экономического положения России в I квартале 2009 г. // Экономика и организация промышленного производства. 2009. № 7.
15. *Карачаровский В.* О проблеме субъекта технологической модернизации в России // Общество и экономика. 2009. № 10.
16. *Глазьев С.Ю.* Перспективы социально-экономического развития России // Экономист. 2009. № 1.
17. *Ефимчук И.В.* Ограничения и перспективы инновационного развития в условиях глобализации // Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции: Сб. статей: В 2 т. Т. 1. М., 2008.
18. Россия в цифрах. 2009: Крат. стат. сб. М., 2009.
19. www.gks.ru.
20. *Губанов С.С.* Неиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.

21. *Губанов С.С.* Кризисная динамика: параметры и причины // *Экономист*. 2009. № 11.
22. *Рубанов И.* Генераторы счастья // *Эксперт*. 2010. № 11.
23. *Сенчагов В.* Способствует ли бюджет — 2010 модернизации российской экономики? // *Вопросы экономики*. 2010. № 2.
24. *Глазьев С.Ю.* Об антикризисной стратегии России // *Российский экономический журнал*. 2009. № 6.
25. *Ханин Г.И., Фомин Д.А.* Экономический кризис 2008 г. в России: причины и последствия // *Экономика и организация промышленного производства*. 2009. № 1.
26. *Бызов Л.Г.* «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // *Мир России*. 2010. № 1.
27. *Петухов В.В.* Кризис и динамика социальных настроений // *Мир России*. 2010. № 1.
28. *Журавлев С.* Рождение красного колосса // *Эксперт*. 2010. № 1.
29. *Ивантер А.* То, что ослабевает, усилится // *Эксперт*. 2010. № 9.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Мистицизм Постмодерна

Аннотация. В статье рассматривается феномен Постмодерна с точки зрения наличествующей в эту эпоху формы мистицизма. Приводится классификация исторических форм мистицизма, дается их краткий анализ в контексте антропологических проблем.

Ключевые слова: мистицизм, капитализм, Модерн, деньгиверие, Постмодерн, финансоверие, революция.

Abstract. In the article phenomenon of Postmodern is discussed from a perspective of the form of mysticism characteristic of this epoch. A classification of historical forms of mysticism is given with a brief analysis of each form in the context of anthropological problems.

Keywords: mysticism, capitalism, Modern, faith in money, Postmodern, faith in finances, revolution.

Для ситуации Постмодерна (постиндустриального, информационно-технологического капитализма) характерно колоссальное и перманентно возрастающее многообразие концептуализированных представлений о действительности. В рамках постмодернизма — идеологии Постмодерна — это многообразие квалифицируется как плюрализм мнений, мультикультурность и т. п. и считается позитивным, гуманным и даже спасительным, потому что анти totalитарным. Постмодернисты утверждают, будто опасна всякая totalитарность (кроме, разумеется, их собственной, поскольку третирование всякой totalитарности totalитарно), и свой долг они видят в ее деконструкции. Однако сама по себе деконструкция не созидательна, созидательный момент содержится в ней в снятой (угнетенной) форме и лишь потому, что деконструкция не бывает полной (абсолютной). Иначе говоря, деконструкция не универсальна, и поэтому ее использование по отношению к totalитарности может быть правомерным только в том случае, если эта totalитарность — локального (частного/общего), а не универсального уровня.

Неуниверсальность деконструкции, как и остальных принципов постмодернизма (деиерархизации, децентрации, деканонизации и др.), означает неуниверсальность самого постмодернизма. Следовательно, постмодернизм является не философией, а идеологией. Причем такой, которая концентрирует в себе ресурс всех идеологий, реальных и возможных. Это предельная форма интеграции идеологического — идеология идеологий. Но не философия, потому что в рамках постмодер-

низма истина именуется множественной, т. е. нетоталитарной. Гносеологический плюрализм постмодернизма отрицает коренной параметр истины — тоталитарность и вместе с ней, соответственно, — истину. Она абсолютно тоталитарна, поскольку универсальна.

Истина есть наличествующее во всем существующем диалектическое (противоречивое) единство материального (материи, вещественной субстанции) и идеального (субстанции отражения: движения, изменения, развития, взаимодействия). Поэтому по отношению к ней, как и к любым сущностям, обозначаемым категориями (универсальными понятиями), неприменимы негативные высказывания. Ведь, например, фраза «Истина не существует» при ее формально-логической негативности содержательно оказывается позитивным тезисом и, следовательно, утверждением о существовании истины.

Исходя из приведенной выше дефиниции истины, она не является относительной и поэтому не является множественной. Она абсолютна и единственна. «Множественность истины» на деле означает одну истину и дурную бесконечность заблуждений. Тезис о плюральной истине деиерархизирует соотношение истины и заблуждения, формально уравнивает их, а фактически принижает истину, превращая ее в атрибут дурной бесконечности и низводя до уровня заблуждения. По сути, ради данной цели культивируется теория постмодернизма, позволяющая каждому субъекту мнения, независимо от гносеологической ценности его точки зрения, называться обладателем истины. Но при таком подходе проблема истины переносится с поля гносеологии (универсального) на поле отношений (частного/общего), сущностно — на поле психического (волевого) противоборства, или власти, которая представляет собой интегральный механизм отношений. Из этого вытекает, что постмодернизм, как и любая идеология, является теорией витальности (жизнеобеспечения, выживания), а не познания (понимания, мышления), т. е. социальным (хозяйственным), а не духовным (гносеологическим) феноменом.

Итак, на уровне универсального постмодернистская деконструкция тоталитарности оборачивается разрушением истины, точнее, блокированием возможности ее познания. Однако в идеологии постмодернизма место истины не остается вакантным: оно занято мистицизмом особого качества — постмодернистским мистицизмом, или, если соотнести его с определенной эпохой, мистицизмом Постмодерна. Необходимо ответить на вопрос о его специфике и прежде всего выяснить, как он коррелирует с предшествующими ему стадиями развития мистицизма.

Мистицизм является атрибутивной формой актуализации бессознательной (обывательской, ментально женской, витальнопотребностной, психико-телесной, социально-биологической) природы (сущности) че-

ловека. Логически он представляет собой подмену понятия: веру во всемогущество (спасительность) того, что не является всемогущим. Мистицизм основан на утопической идее трансцендентного (трансцендентальной) существования, которая служит паллиативным блокиратором страха смерти — наиболее сильного негативного переживания.

Мистицизм есть вера в существование сверхъестественной (трансцендентной, трансцендентальной) инстанции, обеспечивающей удовлетворение витальных (психико-телесных, социально-биологических) потребностей. Он пронизывает все идеологии, выступая их концептуальным ядром. Максимально насыщен мистицизмом постмодернизм — высшая форма идеологии, процветающая в период Постмодерна.

Поскольку мистицизм является верой, его сущность состоит в ограничении познания вплоть до запрета на него. В зависимости от модификаций мистицизма это ограничение может быть сколь угодно толерантным по отношению к познанию, но в конечном счете гносеологическим субъектом в границах любой мистической концепции провозглашается не человек, а мистическая инстанция (божество), наделенная исключительным правом на обладание истиной. Однако недоступность познания и истины для человека означают отсутствие у него сознания. Следовательно, антропологическая позиция приверженцев мистицизма заключается в признании человека гносеологически несостоятельным, т. е. носителем коллективного бессознательного. Этот вывод дает нам основание определить мистицизм как атрибутивную форму существования коллективного бессознательного.

Коллективное бессознательное структурирует отношения и, значит, зиждущийся на них социоцентрический социум. Поэтому стадии развития мистицизма коррелируют со стадиями развития социоцентрического социума, или общественными формациями. Так, языческий (политеистический) мистицизм свойствен для первобытнообщинной и рабовладельческой формаций, религиозный (монотеистический) — для феодальной и капиталистической. Первобытнообщинная и рабовладельческая разновидности мистицизма являются патриархальными, капиталистическая — цивилизационной.

В языческом социуме бытует представление о человеке как о телесной оболочке. Поэтому языческий (политеистический) мистицизм есть вера во всемогущество человеческой телесности, в пределе — человеческого сексуального. При всей весомости и локальной адекватности такого воззрения на сущность человека оно является упрощенным, наивно-материалистическим и нуждается в серьезной корректировке.

Важная ментальная революция происходит на стадии религиозного (монотеистического) мистицизма. Согласно ему, у человека имеется не

только тело, но и душа (вербализованная психика), причем она является высшим, сущностным компонентом человеческого естества. Поэтому религиозный мистицизм представляет собой веру во всемогущество человеческой (вербализованной) психики (коллективного бессознательного). Главные достижения религиозного мистицизма — открытие духовного измерения человека и обнаружение иерархии духовного (высшего) и телесного (низшего). Кардинальные недостатки — редукция духовного к вербализованно-психическому и вследствие этого игнорирование наличия у человека сознания, а также догматическое противопоставление вербализованно-психического и телесного (души и тела) вместо исследования связи между ними.

Итак, языческий мистицизм редуцирует человека до телесной оболочки, религиозный — до психико-телесного единства. В рамках указанных типов мистицизма люди оперируют терминами «душа», «психика», «разум» и т. п., но не постигают глубины их содержания. Не удивительно, что добытая мистическим способом информация о человеке и его сущности оказывается принципиально неполной. Это обстоятельство диктует необходимость без ухищрений и недомолвок признать, что человек есть сознательно-психико-телесное единство, и сделать отсюда надлежащие выводы.

Однако, поскольку подавляющее большинство людей — носители коллективного бессознательного, религиозный мистицизм остается вершиной духовности для них и для продуцируемого ими через отношения социоцентрического социума. В этом типе социума религиозный мистицизм предстает в двух базовых модификациях: патриархальной — феодальной и цивилизационной — капиталистической. Последняя подразделяется на современную (индустриальную, технико-технологическую) и постсовременную (постиндустриальную, информационно-технологическую).

Формально религиозный мистицизм есть вера в бога, содержательно, как уже говорилось, — вера во всемогущество человеческой психики (коллективного бессознательного). И как языческий мистицизм, абсолютизируя человеческую телесность, обожествляет телесную мощь, так религиозный мистицизм, абсолютизируя психику человека, обожествляет силу вербализованной психики, или волю. Социальной (отношенческой) проекцией воли является власть (вербализованно-психическое доминирование), которая измеряется количеством и качеством витальных ценностей. Обожествление витальных ценностей в концентрированном виде воплощается в обожествлении их высших социальных форм — денег и финансов. Вера в их всемогущество образует капиталистический (цивилизационный) мистицизм. Его современная модификация — деньговерие, постсовременная — финансоверие.

Поскольку мистицизм есть абсолютизация витальных ценностей, исторические формы мистицизма суть наличествующие и изменяющиеся в коллективном бессознательном представления о главной витальной ценности. Их эволюция происходит по ключевому витальнопотребностному вектору — экономическому — и достигает пика при капитализме, который является экономическим тоталитаризмом. В первобытнообщинном социуме доминантная витальная ценность — продукт, в рабовладельческом и феодальном — товар, в модерновом капиталистическом — деньги, в постмодерновом капиталистическом — финансы. Отсюда вытекает, что эволюция мистицизма оказывается увеличением степени его виртуальности (мнимости, иллюзорности).

Цивилизационный (капиталистический) мистицизм выше патриархального (первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального), потому что генерируется предельными усилиями вербализованной психики (коллективного бессознательного) и, следовательно, актуализирует максимальные возможности мистицизма. Вершинными формами религиозного мистицизма являются деньговерие и финансоверие, причем последнему принадлежит абсолютное первенство.

Обобщая сказанное выше, приведем классификацию мистицизма по критерию эволюции его исторических форм. Согласно ей, типы и виды мистицизма таковы:

- I. Низший — языческий (политеистический):
  - 1) первобытнообщинный (патриархальный);
  - 2) рабовладельческий (патриархальный).
- II. Высший — религиозный (монотеистический):
  - 1) феодальный (патриархальный);
  - 2) капиталистический (цивилизационный):
    - а) модерновый — деньговерие;
    - б) постмодерновый — финансоверие.

Религиозный мистицизм приходит на смену языческому по мере установления феодальных отношений. При этом в религиозном социуме остаются проявления язычества. Аналогичный процесс имеет место и в дальнейшем. По мере установления капиталистических отношений на смену патриархальному религиозному мистицизму приходит сначала деньговерие, затем — финансоверие. Сущность перехода от Модерна к Постмодерну заключается в замене денежного мистицизма финансовым. При этом в постмодерновом социуме, в котором приоритетное положение занимает финансоверие, остаются проявления деньговерия, а также патриархального религиозного и языческого мистицизма.

Столь плотное наложение форм мистицизма и их контаминация, а также значительное влияние религиозных традиций могут вызвать у постмодернового обывателя иллюзию его приверженности религии пат-

риархального образца. В этом суть проблемы идентификации финансоверия (аналогичные трудности, только в убывающем масштабе, возникают при идентификации деньговерия и предшествующих ему видов веры). Проще говоря, не стоит удивляться, если постмодерновому обывателю его финансоверие кажется верой в бога. Ведь таким путем мистицизм приобретает законченную форму: лукавый уже по своей природе, он приобретает дополнительный и завершающий оттенок лукавства.

Как и любая модификация мистицизма, деньговерие и финансоверие строятся на самообмане. Верующему в деньги либо финансы его вера представляется желанием освободиться от насущных витальных проблем — так латентно выказывается потребность в избавлении от страха смерти. При этом единственно эффективные против страха смерти духовные (смысложизненные) ценности — познание и любовь — он игнорирует, в лучшем случае предполагая приступить к их освоению в будущем и не замечая утопичности собственного намерения. Более того, верующий во всемогущество денег либо финансов не понимает, что такая вера не только усугубляет духовные проблемы, но и сама является серьезной экзистенциальной проблемой. Деньговерие и финансоверие не помогают преодолеть страх смерти, а лишь загоняют его в глубины человеческой психики и тем самым ввергают ее в состояние пролонгированного апокалипсиса.

Однако это далеко не все каверзы судьбы, с которыми сталкивается цивилизованный обыватель в связи со спецификой его духовной ориентации. По сравнению с предыдущими историческими фазами в период Постмодерна максимально виртуализируется (симулякрируется, становится иллюзорным) представление человека о действительности. В чем причина данного феномена? Прежде чем ответить на этот вопрос, примем во внимание, что деньги суть виртуализированные товары, финансы суть виртуализированные деньги, или предельно виртуализированные товары. Вместе с тем деньги и особенно финансы являются самыми мощными инструментами власти, а она представляет собой социальный смысл жизни человека и у обывателей обладает статусом высшего смысла жизни. Поэтому у современных обывателей высший смысл жизни отождествляется с деньгами, у постмодерновых — с финансами. Иными словами, у тех в меньшей степени, у других в большей происходит виртуализация высшего смысла жизни. Она проявляется в виртуализации человеческого существования, т. е. в игровом, притом максимально иллюзорном, отношении к действительности.

Игровое отношение к действительности — атрибутивный признак бессознательной природы человека и капиталистического *modus'a vivendi*. Оно представляет собой реакцию на страх смерти и одновременно — способ его подавления при помощи развлечений. Не случай-

но индустрия развлечений, движимая пафосом игры, до крайности активизируется именно в буржуазном, главным образом в постмодерновом социуме. Развлечениями человеческая психика программируется на игровое отношение к действительности, а оно стимулирует обращение к развлечениям и т. д. по кругу.

Но в конечном итоге игровое отношение к действительности замыкается на своих последних рубежах: деньговерии и финансоверии. Ведь игра на денежной и финансовой аренах особенно рискованна и волнительна. В нее прямо либо косвенно втянуты все члены капиталистического социума, поскольку от ее исхода зависит качество их жизни и, стало быть, возможность обуздания ими страха смерти. Модерновые обыватели подавляют в себе страх смерти при помощи деньговерия, постмодерновые — при помощи финансоверии. И снова возникает порочный круг: деньговерие и финансоверие провоцируют страх смерти, и они же неизменно избираются главными средствами заглушить его.

Причина такого положения дел не в монструозности капитализма, а в бессознательной природе человека, при доминантном участии которой на определенном историческом этапе людьми закономерно был построен капитализм. И игровое отношение к действительности — не изобретение капитализма или буржуазии: оно всегда было присуще людям, просто при капитализме, особенно постмодерновом, экстремально распространилось. По большому счету, даже социальная (хозяйственная) деятельность во всех ее типологических формах (экономической, политической, правовой, моральной, научной, религиозной, художественной) является игровой (развлекательной), потому что структурирующая ее вербализованная психика (коллективное бессознательное) не обеспечивает понимания действительности, т. е. не обеспечивает серьезного отношения к ней. А несерьезное — уже игровое, ничего не поделаешь.

Возвращаясь непосредственно к теме капиталистического мистицизма, укажем на то, что деньговерие и финансоверие требуют рекордно мощного экономического базиса, создание которого осуществляется в ситуации жесткой конкурентной борьбы, приводящей к сложным социальным конфликтам. То, какими методами разрешаются социальные конфликты, кардинально влияет на образ жизни людей и определяет характер той или иной эпохи. Главенствующий патриархальный метод разрешения социальных конфликтов — война, цивилизационный (капиталистический) — революция. Паритетное сочетание войн и революций есть признак сосуществования черт патриархальности и цивилизации, точнее, черт феодализма и капитализма.

Строго говоря, замена войны на революцию не является гуманной, потому что диктуется меркантильными мотивами: война убивает и ра-

зоряет людей, революция позволяет их грабить. При капитализме технико-технологический прогресс дает людям возможность производить прибавочную стоимость в масштабах, достаточных для того, чтобы пробудить коммерческий интерес к сохранению жизни этих людей, вернее, этих производителей прибавочной стоимости, — вот и весь секрет буржуазного «гуманизма». Напрашивается аналогия с переходом в первобытнообщинные времена от охоты к приручению животных.

Революция порождается необходимостью в расширенном воспроизводстве капитала¹ и представляет собой один из социальных атрибутов капитализма. Она возникает в период раннего Модерна как радикальный способ перехода от феодализма к капитализму (и шире — от патриархальности к цивилизации). Переход от Модерна к Постмодерну характеризуется сочетанием революционных черт, присущих этим историческим фазам.

Постмодерн — период перманентной революции, которая является в первую очередь экономической, в пределе и сущности — финансовой, хотя, как и любая революция, она чревата политическими (а также правовыми, моральными и др.) последствиями. При Постмодерне изменяется качество революционного процесса. Революции эпохи Модерна имеют политическую векторность, они локальны и случаются спорадически. Постмодерновая революция обладает экономической (финансовой) направленностью, она глобальна и перманентна. Кроме того, в постмодерновом социуме революция становится самым рентабельным видом бизнеса и по этому показателю вытесняет с ведущих позиций лидера всей предыдущей истории человечества — войну, которая в новых обстоятельствах лишается коммерческого приоритета и используется в качестве инструмента перманентной финансовой революции.

Социальные революции совершаются ради перераспределения витальных ценностей. Поэтому перманентная финансовая революция означает перманентное перераспределение витальных ценностей и выступает инструментом интенсификации капиталистических тенденций, прежде всего — расширенного воспроизводства капитала. Интенсификация капиталистических тенденций является коммерчески мотивированной. Она оборачивается ускорением темпа жизни и, соответственно, увеличением дестабилизирующей нагрузки на психику челове-

---

¹ Природа (сущность) капитала виртуальна, поскольку капитал — антропогенный феномен, производный от бессознательной природы (сущности) человека. Следовательно, нет иного капитала, кроме фиктивного. Справедливость этого вывода отчетливо подтверждается в эпоху Постмодерна, когда раскрывается глубинный потенциал капитала и его виртуальность (фиктивность) становится явственной.

ка. Бессознательно избираемой защитой для нее служит виртуализация представлений о действительности, которая ведет к эскалации вероятности (риска) в принятии решений и позволяет легко манипулировать человеческой психикой (коллективным бессознательным) ради того, чтобы вынудить ее носителей посвятить свою жизнь расширенному воспроизводству капитала.

Однако не будем преувеличивать весомость насильственных мер в установлении перманентной финансовой революции, поскольку они принадлежат всего лишь к ее тактическому арсеналу. Гораздо важнее другое: революция невозможна без революционеров — людей, кровно заинтересованных в ней. В эпоху Постмодерна она не стала бы финансовой, перманентной и глобальной без единодушной поддержки подавляющего большинства человечества, что побуждает искать корень проблемы в природе человека и этапах ее эволюции, а не в субъективном факторе, например, в махинациях финансовой элиты.

Финансовая элита, которая выглядит движущей силой перманентной финансовой революции, на деле является группой людей, репрезентирующей бессознательную природу человека. Финансы ради финансов — вот к чему, если расшифровать экзистенциальное кредо этой элиты, сводится смысл человеческой жизни. Где же тут сознание? — перед нами коллективное бессознательное, правда, в его самой совершенной, развернутой, исчерпывающей форме². И постмодерновые обыватели выступают его носителями, ассистируя финансовой элите каждый в меру своих способностей.

Суть ведь в том, что постмодерновые обыватели — финансеры, независимо от их принадлежности к финансовой элите. В связи с чем обывательским ропотом по поводу диспропорции в распределении витальных ценностей (в политологических терминах — социального неравенства, социальной несправедливости) можно пренебречь. Абсурдно упразднить влияние финансовой элиты, если на ее месте возникнет либо то же самое, либо что-нибудь похуже. Устранив ее, не отменишь стержневой для человеческой психики (коллективного бессознательного) принцип обмана (утилизации доверия), который лежит в основе и заблуждения, и введения в заблуждение других.

Что такое капитализм, если взглянуть на него с гносеологической стороны? — общество равных возможностей обманывать себя и дру-

---

² Планомерность, целенаправленность и коммерческая эффективность действий, предпринимаемых представителями финансовой элиты, не отменяют бессознательного (неуниверсального) характера их деятельности, поскольку она замыкается на витальнопотребностной сфере, точнее, на самодостаточности финансов как магистральной цели расширенного воспроизводства капитала.

гих. Что означает буржуазный лозунг «Свобода, равенство, братство»? — свободу, равенство и братство в возможности обманывать себя и других.

Капитализм максимально адекватен бессознательной природе человека. Именно ее свойства, прежде всего способность к психическому манипулированию, или, проще говоря, способность обманывать и быть обманутым, служат генеральным и неуклонно расширяющим свой сектор обеспечением мировых финансов, обуславливают их виртуальность и чрезвычайную подверженность кризисным тенденциям. Бессознательная природа человека выступает гарантом устойчивости нестабильных, по определению, финансов, а они — показателем ее состояния, зеркалом ее развития, в узком смысле слова — эквивалентом способности к психическому манипулированию. Бессмысленно пенять на финансы: они — знамение социального прогресса, в них бессознательная природа человека наконец-то полностью социально реализовала себя³, поэтому они исчезнут только вместе с социальным доминированием носителей коллективного бессознательного — обывателей, а значит, вероятно, и вместе с человечеством. Спасительная альтернатива — произвести главную в истории человечества революцию: реализовать потенциал сознательной (философской, ментально мужской, сознательно-психико-телесной, духовно-социально-биологической) природы человека. Прочие возможности против засилья финансов и финансоверия регрессивны и в конечном итоге апокалиптичны.

Перманентная финансовая революция сопровождается и стимулируется глобальными финансовыми кризисами и ошибочно именуется ими. Происходит подмена понятия: на месте общего (явления) фигурирует частное (симптом этого явления). Человечество пока свято чтит репертуар коллективного бессознательного, руководствуясь им и в своих поступках, и в их трактовках. Чего стоят, например, распространённые в период Постмодерна просьбы помочь избавиться от негативного воздействия финансового кризиса, если они движимы стремлением переложить издержки перманентной финансовой революции на других, чтобы прямо либо косвенно поживиться за их счет? Алогизм подобных требований и их пафос очевидны: научите обманывать честно! В чьих силах совершить такое, известно, наверное, одним постмодерновым мистикам.

Перманентная финансовая революция — социальный апофеоз капитализма и постмодернового мистицизма — финансоверия. В усло-

---

³ Финансы — максимально адекватная социальная проекция бессознательной природы человека и, следовательно, наиболее эффективный социальный инструмент власти.

виях Постмодерна обыватель ускоренными темпами отчуждается от себя и других людей⁴, потому что играет роль марионетки расширенного воспроизводства капитала, и сильнее, чем в предшествующие времена, отстраняется от возможности полноценного духовного самоопределения, поле которого сужено до выбора между деньговерием и финансоверием с предпочтительностью второго. Постоянно укрепляется финансовый тоталитаризм, и для постмодерновых обывателей неучастие в расширенном воспроизводстве капитала оказывается чрезвычайно все более опасными последствиями. Многочисленные способы вуалирования этой экзистенциальной бесперспективности, используемые при постмодерновом капитализме, не могут предотвратить угрозу самоликвидации человечества. Его социальная элита, постмодерновая, гламурная, руководствуясь постулатами финансоверия, играет в жизнь, вместо того чтобы жить, и тем самым играет со смертью. И все агрессивнее втягивает в эту игру остальных, гонимая фантомом всемогущества финансов — порождением бессознательной природы человека.

Н.В. ЛИТВАК

О классификации концепций информационного общества

Аннотация. В статье предложена классификация концепций информационного общества на основе анализа их сущностных предпосылок, сопоставления их появления и эволюции с политическими и социально-экономическими процессами, которые они отражали. За последние полвека образовался огромный массив работ, посвященных этой проблематике. Тем не менее, по-прежнему они представляют со-

---

⁴ Отчуждение не является формой отношения, навязанной человеку социумом. Оно представляет собой форму отношения, при помощи которой обнаруживается, что душевная (вербализованно-психическая) близость есть близость на основе витальных потребностей. По мере эволюции социума их удовлетворение в нарастающей степени происходит опосредованно, через социальные механизмы (общественные отношения), а не через межличностные отношения, что и приводит к усилению отчуждения. Главная причина отчуждения состоит в том, что обыватели нуждаются друг в друге исключительно как в средстве удовлетворения витальных потребностей. Капитализм, будучи наиболее совершенной из социоцентрических общественных формаций, оказывается той стадией развития социума, на которой эта закономерность раскрывается с предельной полнотой.

бой не целостную теорию, а мозаичный набор концепций, отражающих различные узкоспециальные подходы, доминирует среди которых технократический.

Ключевые слова: информационное общество, классификация концепций, информационная экономика.

Abstract. The article presents a classification of the information society concepts based on their essential prerequisites, comparing their appearance and evolution of the political and socio-economic processes which they reflect. Over the past half century, formed a vast array of works devoted to this issue. Yet still they are not coherent theory, but a mosaic set of concepts, reflecting the different specialized approaches, among which the technocratic one is dominated.

Keywords: information society, the classification of concepts, information economy.

Концепции информационного общества насчитывают уже около полувека, и сегодня имеется обширный материал для изучения их генезиса⁵. Теорий становится все больше, но они по-прежнему не удовлетворяют ни самих теоретиков, ни практиков ввиду либо слишком общего характера построений и выводов, либо слишком узкоспециального подхода к исследованию, но в любом случае — слабости результатов прогнозирования, нарастания пессимистических оценок происходящего и будущего. На фоне отставания взгляда на современное общество как на информационное и в силу этого принципиально нового и прогрессивного типа, это означает недостаточность теоретических основ его описания.

Кроме этого, если в последние два десятилетия поколение «классиков» (Д. Белл, Э. Тоффлер, Й. Масуда, М. Кастельс) эволюционирует в сторону пессимизма, то молодые исследователи, принимая многие классические работы аксиоматически (а часто даже не сами работы, а отдельные цитаты), пытаются совместить их с новыми реалиями, экстраполируя в современность традиционные положения без должного критического анализа. Причина этого в том, что в новых работах недостаточное внимание уделяется той конкретно-исторической обстановке, которая вызвала к жизни «классические» концепции. Поэтому прежде, чем перейти к классификации концепций, необходимо кратко остановиться на их терминологических и сущностных предпосылках.

---

⁵ Если первая крупная работа по теориям информационного общества Ф. Уэбстера в 1995 г. состояла из 320 страниц, то исследование Р. Манселла 2009 г. содержало уже 1984 страницы [1; 2].

Общепризнанного определения информационного общества пока не существует. Подходы к его определению можно разделить на:

- основанный, прежде всего, на терминологии («информация» и производные от нее слова), которая, правда, сама нуждается в уточнении;
- исходящий не столько из терминов, сколько из существа вопроса — значения и роли информации и знаний; кроме этого, терминология отражает также признаки социального, экономического, технократического, культурного, психологического и других подходов.

Термин «информационное общество» был введен в 1960-х гг. американским экономистом Ф. Махлупом и профессором Токийского технологического института Ю. Хаяши. Ведущие идеологи «постиндустриального общества» Д. Белл и Й. Масуда в 1970-е гг. попытались связать технологические аспекты с социальными. Затем последовало множество работ, использующих «информационную» терминологию и посвященных самым различным социально-экономическим, политическим, психологическим, коммуникационным вопросам. При всем разнообразии подходов, оценок и прогнозов, они оказались выстроены, в основном, по одной схеме: все возрастающее количество информации и знаний, новые средства связи и компьютеры создали новую ситуацию, в которой, с одной стороны, есть новые возможности для прогресса, в том числе для решения социальных противоречий, а с другой стороны, возникает все большее количество все обостряющихся проблем, которые авторы относят то к помехам на пути к новому обществу, то к его неизбежным свойствам.

Несмотря на такую достаточно общую теоретическую проработку, в новом тысячелетии идея информационного общества все более выдвигается в качестве универсальной идеологии в условиях глобализации, нарастания комплекса проблем, прежде всего, социально-экономических, и кризиса идеологий (либеральных и коммунистических). Принимаются национальные и международные декларации и программы, проводятся все новые исследования с целью обоснования практических шагов правительств и мирового сообщества по поддержанию стабильности в новых обстоятельствах — резкого увеличения количества людей⁶, роста их миграции (прежде всего, из бывших колоний в развитые страны), роста их потребностей, которые теперь выражаются в виде требований с позиции прав человека. Возможности новых информационно-коммуникационных технологий оказались

---

⁶ С не многим более 1 млрд до более 6 млрд человек в течение XX в.

обоюдоострыми для общества и власти. С начала XX в. развитие транспорта и связи чрезвычайно повысили мобильность населения и скорость распространения новостей и другой информации. Для прогресса социальным основным событием явилась русская Революция 1917 г. За следующие полвека правящие круги капиталистических стран были вынуждены пойти на серьезные реформы, в том числе демократизацию⁷, введение многих социальных гарантий, деколонизацию. «Холодная война» была использована Западом в этом смысле для определенной «передышки», которая, однако, была недолгой, поскольку развитие систем образования, необходимое для успешного противостояния с Советским Союзом в гонке вооружений, а значит, и в сферах науки и производства, изменило интеллектуальный уровень широких масс, и новое большинство, в которое влились женщины и национальные меньшинства, стало все активнее пользоваться своими правами⁸. Характерным примером поиска ответов на новую ситуацию можно считать доклад, подготовленный для Трехсторонней комиссии в 1975 г. [3]. Эксперты ведущих стран Запада⁹ представили анализ «современного демократического кризиса» и варианты выхода из него при помощи «управляемости» демократии. Несмотря на большие надежды в этой связи на информатизацию, и в нынешних международных документах целые разделы посвящены рискам и опасностям современности¹⁰ — от цифрового неравенства до тотальной слежки и полицейского контроля.

Предпосылками «информационистских» работ японцев и американцев послужило осознание важности сбора, упорядочения и представления для практического использования информации (научной, технологической, статистической) в условиях быстро развивающегося научно-технического прогресса, стимулируемого двумя основными факторами: гонкой вооружений «холодной войны» и торгово-промышленной кон-

---

⁷ В США в 1920 г. было предоставлено право голоса женщинам, в 1924 — индейцам. С 1945 г. отменена расовая сегрегация в армии, с 1954 — в школах и с 1963 г. — в общественных местах и на транспорте.

⁸ Протесты во Франции против войны в Алжире, студенческие волнения 1968 г. в Европе, выступления против продвижения демократии во Вьетнам и всеобщей воинской обязанности в США и т. д.

⁹ В состав Трехсторонней комиссии, организованной в 1973 г., входят политики (в том числе президенты США Картер, Буш-ст. и Клинтон), банкиры, директора крупнейших предприятий. Организацию возглавили владелец «Чейз Манхэттэн Бэнк» Д. Рокфеллер (президент) и профессор З. Бжезинский (исполнительный директор).

¹⁰ См., напр.: [4].

курением в новой послевоенной конфигурации мира: обескровленная Европа лежала в руинах, теряя огромный ресурсный потенциал колоний, а США стали самой богатой мировой «лабораторией и мастерской», перед ТНК которых теперь были открыты огромные и пустые рынки. Затем усилиями представителей гуманитарных наук и философов было предпринято большое количество попыток дать определение информации как явления, объекта и даже субъекта. Ими же с тех пор осуществляется и развитие проблематики информационного общества. Тем не менее изначально терминология и концепция такого общества были созданы специалистами (Ф. Махлуп, Т. Умсао, Ю. Хаяши, Й. Масуда), занимавшимися исследованием и осмыслением разворачивающегося НТП, развития все более наукоемких производств, капитализации знаний и образования в совершенно конкретной исторической обстановке и с совершенно прагматическими целями.

На основе анализа вышеизложенных предпосылок имеются основания предложить следующую классификацию концептуальных направлений¹¹.

1. *Документалисты* (1910—1940-е гг.) — становление в современном виде и с современными функциями госаппаратов с функциями тотального целенаправленного сбора больших массивов статистической, технологической и другой информации в своей стране и за рубежом, организация ее хранения, анализа и распространения; концентрация ученых и их разработок для целей ВПК, запуск крупных военнотехнических проектов, прежде всего, атомных и авиакосмических (Германия, США, СССР).

В рамках этого направления широкое развитие получили создание многочисленных банков данных, организация документооборота, систем реферирования, разработка искусственного интеллекта и т. п. В 1970-е гг. немецкие социологи высказывались о «финализации науки» [5] — тенденции перехода от исследований, опирающихся на внутринаучные цели, к работе в соответствии с политическими целеполаганиями. Д. Диксон разделил научную политику Соединенных Штатов на почти исключительно военной направленности в послевоенные годы, нацеленную на здравоохранение и на экологию в 1960—1970-е гг. и обеспечивающий «американской индустрии конкурентные преимущества и создание технологий в военной области» [6, 17] — с 1980-х

---

¹¹ Классификация носит обобщенный характер: многие исследователи высказывали идеи, которые можно отнести к разным этапам и направлениям, взгляды некоторых эволюционизировали. Кроме этого, в большинстве случаев концепции не создавались как таковые, т. е. как описывающие общество во всей его полноте.

гг. Сходные процессы шли в Европе, а в СССР безраздельно доминировал ВПК. И в настоящее время основные направления НТП развиваются на государственные капиталовложения [7, 7].

2. *Сигнальщики* (1940—1950-е гг.) — информация и знания как электрические сигналы и комбинации знаков, технологии чистоты и полноты передачи сигналов и состоящих из них данных, формализация и математизация этих процессов, управление человеком как машиной и обществом как организованной сложностью.

В кибернетике с 1948 г. под информацией понимается любая совокупность сигналов, воздействий или сведений, которые некоторой системой воспринимаются от окружающей среды, выдаются в окружающую среду, а также хранятся в себе. На этой основе развиваются теория алгоритмов и автоматов, теория информации и теория кодирования, теория формальных языков и грамматик, программирование. Н. Винер не разрабатывал специально концепцию общественных отношений, но указывал, что «...техника управления и техника связи неотделимы друг от друга, и концентрируются не вокруг понятий электротехники, а вокруг более фундаментального понятия сообщения. При этом не существенно, передается ли сообщение посредством электрических, или механических, или нервных систем» [8, 52]. Можно говорить, что этим был дан импульс очередной волне попыток на новом этапе научно-технических достижений решать человеческие проблемы без человека и за человека — с помощью техники, экономики и т. п., относиться не только к личности, но и к обществу как к «черному ящику». Горячий сторонник Винера Д. Дюбарль уже через два месяца после запуска первого в мире большого компьютера (1948, США) описал его применение в будущем для «рационального управления», что станет возможным в силу способностей новых машин «выполнять мыслительные функции» [9]. Десятилетия спустя Д. Белл рассчитывал, что прогресс интеллектуальных технологий позволит к концу XX в. при работе с «организованной сложностью» (в том числе социальными организациями и системами) урегулировать общественные противоречия. Хотя такой эффект не достигнут до сих пор, со второй половины XX в. системы массовой информации и коммуникации в рамках этого же подхода все более используются и как средства управления обществом¹², а Ю. Хабермас отмечал возможность «сци-

---

¹² Изучая СМИ еще 1950-х гг., М. Маклуэн отмечал, что основной формой подачи информации становится коллаж (мозаика), и этот процесс имеет такую силу, что зритель просто не может критически воспринимать информацию. Отсюда: «Сталкиваясь с информационными перегрузками, мы не имеем другой альтернативы, кроме восприятия по образцам (стереотипам)» [10].

ентифицированной политики», нацеленной на минимизацию конфликтного потенциала общества [11, 97].

3. *Экономисты* (1950—1980-е гг.) — информация и знания как товар и товаропроизводительная сила.

Уже А. Смит считал, что человек образованный — это дорогая машина [12, 88—89]. В рамках концепции «постиндустриального-посткапиталистического» общества (Дарендорф, 1958) впервые выделяется новая самостоятельная отрасль — информационная экономика. Вскоре она начинает играть определяющую роль (Махлуп, 1962, Гэлбрейт, 1967), а затем, в огромном количестве работ описывается растущее значение информации как базового ресурса и продукта информационного общества. В 1962 г. Ф. Махлуп впервые выделил тридцать отраслей, производящих знания¹³, в том числе науку, образование и СМИ, оценив их стоимостной объем в экономике США в 29% [13]. М. Порэт считал, что эта доля гораздо выше за счет так называемого вторичного информационного сектора [14], к которому были отнесены подразделения фирм, производящие информацию для своего собственного внутрифирменного потребления. В разгромленной Японии, которой, как и в Германии, было запрещено почти все в военных отраслях, основные усилия политического руководства были направлены на поддержку своего бизнеса. Отчеты и предложения Ю. Хаяши, Т. Умесао, И. Масуды по построению информационного общества¹⁴ содержали практические рекомендации по информатизации экономики, а именно:

- обеспечение массового доступа к надежным источникам структурированной информации;
- создание электронных баз данных;
- повышение специализации подготовки специалистов;
- автоматизация производства.

Д. Белл в своей концепции постиндустриального общества отвел центральную роль возрастанию количества и значения информации и знаний и даже утверждал, что «когда знание в своей систематической форме вовлекается в практическую переработку ресурсов (в виде изобретения или организационного усовершенствования), можно сказать, что именно знание, а не труд выступает источником стоимости» [18]. Уже с середины 1970-х гг. правительственная политика Великобритании состояла в том, чтобы осуществить «информационную революцию» наиболее эффективным путем, превратив информационное об-

---

¹³ Предложив условиться обозначать термином «знания» *«что-то, известное кому-то»*.

¹⁴ См. отчеты японскому правительству: [15—17].

служивание в бизнес [19, 8]. Аналогичное развитие событий в Соединенных Штатах Г. Шиллер назвал «попыткой распространить коммерческий подход к информации на всю социальную сферу» [20, 25]. Как отмечал Д. Диксон, в США принцип производить только то, что приносит прибыль, распространился и на инновационную деятельность. Часто используемое выражение «капитал знаний» недвусмысленно говорит о том, что ученые рассматриваются как объект инвестиций, от которого ожидают соответствующей отдачи [6]. В результате, научно-технический потенциал отвлекается от решения общественно значимых проблем — улучшения здравоохранения, коммунального развития, повышения качества труда и охраны окружающей среды. Огромные общественные (бюджетные) вложения в информационную инфраструктуру осуществляются в интересах в первую очередь крупного бизнеса и государственной бюрократии.

Определение информационной экономики также остается дискуссионным. В самом общем виде к ней относят производство информации (всех видов), ее распространение (коммуникации) и ее обработку. Однако, очевидно, что, например, производство оборудования и энергии для всей этой деятельности не может существовать без мощного промышленного фундамента, а включение в информационную экономику производства средств связи, компьютеров и их элементной базы можно принять лишь с уточняющими оговорками. М. Кастельс считает, что экономика нового этапа в развитии человечества «является капиталистической, фактически более капиталистической, чем любая другая экономика в истории» [21, 497]. Вместе с его «информационным капитализмом» описывается также «транснациональный сетевой капитализм» (К. Фукс [22]), «цифровой капитализм» (Д. Шиллер [23]) и др. При этом, как отмечает У. Бек, «в джунглях мирового рынка образовалась новая виртуальная экономика транснациональных денежных потоков, все менее и менее привязанных к материальному субстрату и растворяющихся в игре информационных данных» [24, 38]. К 1999 г. стоимость материальных активов экономики США равнялась лишь третьей части от биржевой котировки акций; для некоторых фирм этот разрыв составлял десятки раз [25, 34]. После «азиатского» финансового кризиса 1997—1998 гг. уже в 2000—2001 гг. обвал индекса Nasdaq привел к «коррекции» стоимости акций на 3 трлн дол., а с 2008 г. с самой информационной экономики¹⁵ начался продолжающийся и до сих пор еще более грандиозный обвал мировых финансовых рынков.

---

¹⁵ Сегодня самая «информационная» (она же и самая большая) экономика мира потребляет больше всего и «обычных» — материальных — ресурсов, заодно являясь и крупнейшим загрязнителем планеты: по разным оценкам, 300 млн

4. *Сетевики* (1950—2000-е гг.) — решающая роль телекоммуникаций (телевидение, Интернет и мобильная связь), уникальность, «самостоятельность» феномена сети как таковой, сетевые сообщества.

Еще до Интернета М. Маклуэн описал основы централизованной передачи информации через СМИ каждому человеку, создающей современную «глобальную деревню» (1962) [26]. М. Кастельс сделал вывод, что развитие систем связи приводит к эффекту глобализации, основанному на способности информации проникать сквозь любые преграды, уничтожать пространство и время. И информационное общество уже существует — в виде множеств общественных и культурных моделей [21, 63]. Построением теорий сетевых обществ занимается огромное число исследователей. Однако новизна общественных отношений все так же ставится под сомнение. В этом смысле показательна практика развития «обычных» сетей: 17 мая 2006 г. было объявлено Генеральной Ассамблеей ООН Всемирным днем информационного общества. Раньше этот же день отмечался как Всемирный день электросвязи (с 1934 г.), в свою очередь — преемник дня Международного телеграфного союза (с 1865 г.). В послании по этому случаю Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отмечал, что «с момента появления телеграфа в середине XIX столетия Всемирный союз электросвязи играет ключевую роль в содействии общению в мире. В настоящее время, переходя от традиционной электросвязи к самым последним достижениям в области киберпространства, ВЭС по-прежнему обеспечивает правительства, частный сектор и гражданское общество экспертным руководством и оказывает им помощь в решении вопросов, касающихся информационно-коммуникационных технологий» [27].

П. Мюссо указывает, что подобно другим сетям — дорожной, телефонной, телевизионной, городской, распространения знаний и т. п. — Интернет постепенно становится обыденным, привычным до заметности, но при этом упускается из виду важное обстоятельство: он существует и развивается силами не пользователей, а инженеров и программистов, идеология которых отлична от философии пользователей [28]. Кроме этого, подчеркивает Б. Бенхаму, «если Интернет представляется пользователям полностью открытым и децентрализованным пространством, то анализ его управляющих структур показывает, что, в действительности, контроль за его критической инфраструктурой остается в руках всего одного актера... В частности, это система управления доменными именами» [29]. Управление DNS в настоящее время осуществляется частной американской компанией ICANN, созданной в 1998 г.

американцев, или 5% населения Земли, расходуют 23% всей энергии, потребляют 40% мировых ресурсов, при том, что производят около 20%.

и контролируемой Департаментом торговли США. Кроме этого, огромное значение имеет контроль узлов доступа (как физических, так и в виде программного обеспечения) к сети или ее фрагментам с возможностью регулирования потоков информации.

5. *Социологи* (1960—1990-е гг.) — социальные последствия информатизации, попытки ее использования для решения социальных проблем.

Согласно идеям Й. Масуды [30], новое — информационное общество — будет бесклассовым и бесконфликтным, с небольшим правительством и государственным аппаратом. Интеллектуальное творчество превзойдет стремление к материальному потреблению в условиях достижения изобилия; наиболее ценными станут время и культурный досуг. Д. Белл выдвинул концепцию деидеологизации — постепенного исчезновения социальных конфликтов и появления общества общенационального согласия в силу качественного роста уровня жизни [31]. Он также предположил, что «центральная роль теоретического знания определит и положение ученого как центральной фигуры нового общества, а вместо фирмы (предприятия) университет или какая-либо другая форма институционализации знания будет центральным институтом в следующие сотни лет благодаря своей роли источника инноваций и знания» [32, 344]. Французские специалисты С. Нора и А. Минк критиковали такой подход — как «рассматривающий конфликты только в терминах рынка и стремящийся вернуть их в эту область, когда они выходят за ее пределы» [33, 119]. В их собственной трактовке информационное общество — это «совершенное рыночное общество, в котором образование и информация сделают каждого человека осознающим коллективные ограничения, и общество совершенного планирования, где центр получает от каждой единицы базиса верные сообщения о ее целях и предпочтениях и в соответствии с этим формирует собственную структуру и позицию» [33, 122]. Современные сторонники новой экономики считают, что сетевые сообщества в развитых странах создают основанный на сотрудничестве и непосредственном взаимодействии людей рынок, учитывающий не только экономические, но и ценностные позиции [34]. В целом же, как отмечал А.А. Зиновьев, в концепциях информационного общества технократической направленности (а их подавляющее большинство) «человечество рассматривается как нечто социально однородное. Полностью игнорируется его социальная структура» [36, 553]. В результате, характеристики нового общества по своей фантазии превосходят описания даже «полного коммунизма».

Таким образом, современные концепции информационного общества составляют достаточно мозаичную картину и отражают не наступление качественно новых общественных отношений, а деградацию

пока еще существующих достижений мирового социального прогресса второй половины XX в. Действующие социальные институты не могут справиться с кризисами, вызванными новым этапом НТР, включающим качественное развитие и ИКТ, социально освоить технологические достижения (хотя бы с позиций уже международно-признанных прав и ценностей), которые вызвали стремительный рост населения и уровня потребления, но никак не способствовали положительному решению вопросов о смыслах и механизмах деятельности личностей, обществ, государств и мирового сообщества в целом.

Литература

1. *Webster F.* Theories of the Information Society. Routledge, 1995.
2. *Mansell R.* The Information Society. Routledge, 2009.
3. *Crozier M., Huntington S., Watanuki J.* The Crisis of Democracy. N. Y., 1975.
4. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005.
5. *Федотова В.Г.* Штарнбергская группа (ФРГ) о закономерностях развития науки // Вопросы философии. 1984. № 3.
6. *Dickson D.* The New Politics of Science. N. Y., 1984.
7. *Роговский Е.А.* США: информационное общество (экономика и политика). М., 2008.
8. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М., 1968.
9. *Le Monde.* 1948. 28 dec.
10. *McLuhan M.* The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. N. Y., 1951.
11. *Habermas J.* Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main, 1969.
12. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations // Everyman's Library. 1910. Vol. 1.
13. *Махлун Ф.* Производство и распространение знаний в США. М., 1966.
14. *Porat M.* Global Implications of an Information Society // Journal of Communication. 1978. No. 28 (1).
15. Japan's Information Society: Themes and Visions / EPA (Economic Planning Agency). JACUDI. 1969.
16. The Plan for an Information Society / Japan Computer Usage Development Institute. 1971.
17. Policy Outlines for Promoting the Informatisation of Japanese Society / ISC (Industrial Structure Council). 1969.

18. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
19. Information Technology Advisory Panel (ИТАР). 1983.
20. *Schiller H.* Old Foundations for a New (Information) Age. Norwood, N.J., 1987.
21. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
22. *Fuchs C.* Internet and Society: Social Theory in the Information Age. N.Y., 2008.
23. *Schiller D.* Digital Capitalism. Cambridge, 2000.
24. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001.
25. *Полье Б.* Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. 2008. № 2 (179).
26. *McLuhan M.* The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto, 1962.
27. <http://www.itu.int/wisd/2007/messages/ki-moon.html>.
28. *Musso P.* Télécommunications et philosophie des réseaux, la postérité paradoxale de Saint-Simon. PUF. 1997.
29. Internet et Souveraineté: La gouvernance de la Société de l'Information // Revue Politique Étrangère. IFRI. 2006. Sept.
30. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
31. *Bell D.* The End of Ideology. Glencoe, IL, 1964.
32. *Bell D.* The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
33. *Nora S., Minc A.* L'informatisation de la société. Rapport à M. le Président de la République. 1978. Jan.
34. *Petzinger T.* The New Pioneers: The Men and Women Who Are Transforming the Workplace and Marketplace. Simon & Schuster. 1999.
35. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М., 2000.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Метафизические истоки хозяйственной деятельности мудреца в античной философии

Аннотация. В статье рассматриваются метафизические начала хозяйственной деятельности мудреца, для которого идеальный уклад космоса играет роль эталонного уклада, а также пути, выбираемые

мудрецом для достижения единства с универсумом, и результаты подобного становления.

Ключевые слова: космическое хозяйство, сознание, мудрец, универсум, бытие, благо, магнетизм, интуиция, рассудок.

Abstract. In the article the metaphysical beginnings of economic activities of a wise man for whom ideal way of space plays a role of reference way, also ways that are being chosen by the wise man to achieve the unity with a universum, and results of such formation are being considered.

Keywords: a space economy, consciousness, a wise man, a universum, life, the blessing, magnetism, intuition, mind.

Все чувства мудреца являются проводниками родственных им по природе бытийственных ощущений космоса как мирового божественного хозяйства. Поэтому для осмысления каждого из ощущений необходимо сознание, которое обладало бы соответствующими свойствами для приведения части и целого или индивидуального хозяйства и вселенского хозяйства к их смысловому единству. Жизнь целого является единой структурой, вбирающей в себя все частные свои формы. Целое — это мировая Душа, которая содержит в себе все индивидуальные души, воздействуя на них через общие для всего космоса ощущения. Сила этих ощущений и способность чувств определяют адекватность их осмысления частным сознанием. Это и составляет одно из главных отличий одного сознания от другого. Чем дальше сознание от единства, тем туманнее переживания и больше вариаций неправильного понимания. При этом важно, что всякое ощущение должно быть осмыслено своим чувством (интуиция, рассудок, инстинкт, телесное чувство) и превращено в мысль, адекватно отражающую познаваемую реальность. Тогда подобное мышление становится тождественным бытию целого, и наоборот. Процесс мышления превращается в осмысление безличных ощущений. А согласие между собой всех чувств определяет природу совершенного сознания.

Так, интуитивному чувству мудреца соответствует магнетическое свойство сознания, проявляющееся в неудержимой устремленности к магнетическому началу мироздания с разной степенью напряжения, влекущему все к себе. Рассудочное чувство подчинено логизму сознания, благодаря которому всякому становлению можно придать форму и порядок через меру, ритм и число движения части к целому. Инстинктивное чувство превращается в эротизм сознания, в результате чего становление сопряжено с увеличением или уменьшением удовольствия от приближения или удаления части от целого [1, 166]. Телесные чувства преобразуются в бессознательный гипнотизм подражания мировому космическому хозяйству, проявленному в предметном мире. Поэтому

идеальное состояние мироздания становится тождественным внутренним переживаниям сознания мудреца, обретающего свое единство со стихийной жизнью космоса и его хозяйственным укладом.

Это значит, что энергия космоса пронизывает собой все сферы мироздания, оформляя иерархию не только хозяйственной деятельности, но и способов ее восприятия. Подобная точка зрения принадлежит многим античным мыслителям, среди которых выделяется, конечно, Платон. Он утверждал, что индивидуальной душе соответствуют четыре свойства: мышление, рассудок, вера и подобие, правильное соотношение между которыми приводит к познанию Истины. Развивая эту идею, Платон указывал на сообразные свойствам сознания четыре пути его становления, благодаря которым оно может обрести свое совершенство — стать божественным. Первый — это неистовство, ведущее к посвящению в таинство Диониса (этот путь упомянут нами как интуитивный магнетизм). Второй путь принадлежит вдохновенным прорицаниям, ведущим к Аполлону (это — логизм рассудка, так как аполлоновская религия — символ рациональных объяснений мировых отношений). Третий — это любовные неистовства Эроса (эротизм инстинктов). И последний путь — творческое неистовство, ведущее к музам (гипнотизм телесного подражания является основой всякого творчества, воспроизводящего идеальный образ).

Предпочтение одного пути перед другим определяет природу или уклад хозяйственного сознания, становление которого осуществляется в одном из направлений. Благодаря сознательно или бессознательно выбранному пути рождается форма мышления, определяющая собой мировоззрение и образ хозяйственной жизни. Так, иррациональной интуиции соответствует мировоззрение мудреца-космополита, родиной которого выступает космическое хозяйство — общий дом для богов и людей. Рациональный рассудок порождает диалектику философского мировоззрения, которая осуществляет восхождение от частных форм хозяйствования к общим, и наоборот. Эротизм инстинктивного сознания предопределяет политическое хозяйствование, для которого интересы полиса или государства выше родовых. Здесь благо целого выступает для сознания мудреца целью, а благо части — лишь средством. Сенсуализм чувственного подражания конкретному хозяйству, например, соседа, оформляет мировоззрение обывателя или глупца, чье изолированное сознание не согласуется ни с родовым, ни тем более космическим. Изолированное сознание обывателя преклоняется перед частными ценностями, шкала значимости которых перевернута по сравнению с универсальной космической шкалой.

И только совершенное сознание мудреца включает в себя все формы осмысления духовной, интеллектуальной, физической и моральной

реальности, чье единство становится проводником подлинных универсальных ценностей. А потому даже в трагической ситуации он способен узреть следы Блага, Истины, Красоты и Справедливости [2, 205]. Благо для его совершенного сознания превращается в источник духовной свободы, которая на самом деле есть ничем не ограниченный полет интуитивного созерцания космоса. Это значит, что чем больше интуиция устремлена к Благу, тем больше утверждается свобода ведения своих хозяйственных дел. А потому подлинно свободным можно назвать только того, чье состояние свободно от низших форм сознания (рассудка, инстинктов, телесных чувств) и не руководствуется ничем иным, кроме духовной интуиции. Такого рода хозяйственную свободу можно представить у богов, так как сами они — не что иное, как мировые духи, отражающие уклад универсума.

Если сознание достигает совершенства благодаря магнетической устремленности к Благу, то оно обретает духовную свободу, сливаясь с божественной энергией первоисточника. В таком состоянии великий муж, переставая ощущать себя отдельным от мира, персонифицирует собой само мировое хозяйство. Для него весь мир превращается в хозяйственные отношения, а люди — в работников, умело и качественно или безграмотно и некрасиво исполняющих свои обязанности.

Таким образом, совершенное сознание мудреца, которое, с одной стороны, представляет полноту телесно-чувственных ощущений от восприятия внешнего мира, а с другой — незамутненность умной интуиции, созерцающей подлинное космическое хозяйство, пребывает одновременно в двух мирах — реальном и идеальном. Подобное целомудрие достигнутого своего предела сознания превращает мудреца в управленца вселенским хозяйством, и, одновременно, в идеального его исполнителя. Слова и поступки мудреца несут в себе печать полного тождества между замыслом и его осуществлением [3, 234].

Все определяющее собой совершенство не оставляет предметному миру иного смысла, кроме того, что он превращен сознанием в арену своего становления от небытия к бытию, от незнания к знанию, от страдания к удовольствиям и от ощущаемого телом хаоса к видению умом высшего порядка. Мир превращается в сценический акт субъективно осознаваемых смыслов от объективно существующих, но предметно не воплощенных ценностей. Внешняя хозяйственная деятельность остается лишь копией, ибо она подражает умозрительному внутреннему образцу, доступному только интуитивному разуму мудреца. И чем ближе разум и его сознание к своему совершенству, тем призрачнее все внешнее, восприятие которого обусловлено тысячами случайно приводящих причин, не имеющих объективной ценности. Поэтому подлинная роль хозяйственной деятельности заключается в том, что

благодаря включенности в нее индивидуальное сознание философа способно понять, достигло ли оно своего совершенства или нет. Ибо для сознания, ставшего универсальным, обретшим вселенский статус мудреца, хозяйская деятельность предстает нравственно прекрасной, так как она превратилась в идеального проводника космического Блага, Истины, Красоты и Справедливости.

Литература

1. *Родзинский Д.Л.* Сознание античного мудреца. М., 2003.
2. *Столяров А.А.* Стоя и стоицизм. М., 1995.
3. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М., 1976.

А.В. ОВРУЦКИЙ

Производство и потребление: диалектика взаимодействия

Аннотация. Рассмотрены производство и потребление в динамике их взаимодействия. Выделены доминанты в системе «производство—потребление»: в экономике Древнего мира — это потребление, в индустриальной экономике — производство, в постиндустриальной происходит конвергенция процессов. Социальные процессы экономической социализации, стратификации, коммодификации, морально-этические нормы представлены в рамках системы «производство—потребление». Рассмотрены управленческие модели фордизм и тойотизм. Предложены способы оптимизации социально-экономической системы.

Ключевые слова: взаимодействие производства и потребления, экономика Древнего мира, индустриальная экономика, постиндустриальная экономика, фордизм, тойотизм, экономическая социализация, стратификация, кооптация, нормы этики и морали.

Abstract. Production and consumption in dynamics of their interaction are considered. Dominants in system of production-consumption are allocated: in economy of the ancient world is a consumption, in industrial economy — production, in postindustrial there is a convergence of processes. Social processes of economic socialisation of stratification, commodification, morally-ethical standard are presented within the limits of production-consumption system. Administrative Ford Production System (FPS) and Toyota Production System (TPS) are considered. Ways of optimisation social and economic system are offered.

Keywords: interaction of production and consumption, economy of the ancient world, industrial economy, postindustrial economy, Ford Production System (FPS), Toyota Production System (TPS), economic socialisation, stratification, cooptation, norms of ethics and morals.

Современная социально-экономическая ситуация позволяет рассмотреть процессы производства и потребления в динамике их взаимодействия, при этом выделяя детерминанты экономических и социальных изменений. Полагаем, что в определенные этапы развития экономики имеют место диспропорция между производством и потреблением, доминирование одной из функций. Такая доминанта обуславливает построение экономики исходя из логики развития производства или потребления, а также выступает как системообразующее начало для социальных процессов (социальные нормы, морально-этические образования, процессы социализации и стратификации). В контексте глобального кризиса проблематика корректирующих действий и в целом разработка оптимальной модели социо-экономической системы представляются весьма актуальными.

Потребление рассматривается в экономической парадигме как конечная стадия воспроизводственного цикла и наряду с производством, распределением и обменом является видом экономического поведения. Под экономическим поведением понимается система социальных действий, которые, во-первых, связаны с использованием различных по функциям и по назначению экономических ценностей (ресурсов) и, во-вторых, ориентированы на получение пользы (выгоды, вознаграждения, прибыли) от их обращения [1, 185].

Производство, по мнению М. Портера, можно представить как процесс последовательного создания, накопления ценности — в виде так называемой «цепочки ценностей» [2, 109]. Другими словами, любой предмет потребления хранит в себе труд и информацию, или техническое знание, в той степени, в какой с ним было что-то сделано [3, 161].

В экономических представлениях, на наш взгляд, существует определенная двойственность понимания характера взаимоотношений производства и потребления. С одной стороны — это идея о противопоставлении этих процессов, потребление здесь лишь отрицательное производство.

С другой — говорится об их неразрывной целостности, их включенности в общий экономический цикл. Отметим, что эти два концепта можно вычлениить и в картине мира социальных наук, и на уровне социальных представлений. Полагаем, например, что концепция культурно-пищевого разделения Ф. Броделя основана на идее синтеза производства и потребления [4]. А современные критики консюмеризма

(идеология свободного и приносящего счастья потребления) с точностью до наоборот настаивают на рассмотрении потребления и производства как двух полностью независимых друг от друга процессов [5, 137]. В связи с чем, например, предлагаются способы снижения потребления, такие как введение ежегодного «Дня без покупок».

В неоклассической экономической теории происходит определенная конвергенция функций производства и потребления. Например, по мнению Г. Беккера, потребление по сути становится новым производством, давая возможность домохозяйствам производить потребительские блага, на которые и распространяется закон максимизации функции. В представлениях американского экономиста этот закон следует рассматривать применительно к «потребительским благам», или «фундаментальным аспектам жизни», таким как здоровье, престиж, чувственное наслаждение, доброжелательность или зависть [6, 490—492]. А примером потребительских товаров в концепции Г. Беккера является сон, который производится с помощью затрат нерыночного времени и рыночных благ (кровать, простыня, подушка, одеяло, таблетка снотворного) [7, 368].

Как указывает Ф.Д. Блау, в концепции Г. Беккера, в отличие от концепции К. Маркса, товары как носители полезности (commodities) целиком производятся и потребляются дома — у К. Маркса на рынке. Автор подчеркивает, что рыночные блага и нерыночное время производят полезность исключительно косвенным образом, т. е. через их потребление [7, 368]. По сути, в концепции Г. Беккера все потребительские товары предстают как специфический вид услуг, которые могут потребляться исключительно в момент их оказания, в момент их производства. А функции потребления и производства в значительной степени начинают совпадать.

Полагаем, что определенные отличия в соотношении производства и потребления можно найти на различных этапах развития экономики: от экономики неолитической цивилизации Древнего мира до постиндустриальной системы. Механизмы взаимодействия производства и потребления были заложены еще на самых ранних этапах человеческой истории. Так, на этапе допроизводственной, промышленной экономики, когда основными видами экономической деятельности были охота, рыбалка и собирательство, экономической и социальной доминантой являлось распределение. Как указывает В.Е. Бугера, в первичный период первобытной орды наиболее сильные обезьянолюди имели неоспоримое преимущество в потреблении, а именно могли забирать любую добычу [8, 53]. Дальнейшее развитие первобытного общества сформировало «коллективное потребление», предполагающее коллек-

тивное управление распределением добытого, которое воспринимается собственностью всего коллектива и потребляется как таковая [8, 53].

Полагаем, что коллективное управление распределением стало основой социальности, первым социальным институтом, сформировавшим нормы потребления и более широкие нормы взаимодействия внутри социума. В.Е. Бугера указывает, что распределение здесь неотделимо от потребления и все то, что не было потреблено, остается собственностью коллектива [8, 53].

Дальнейшее развитие потребления было детерминировано разделением труда, которое, по мнению ученого, предстает как индивидуализация и авторитаризация управления производственной и всякой иной человеческой деятельностью, а также все большее выделение обмена как особого вида экономической деятельности, выросшего из распределения, но обособляющегося от него [8, 59].

Диалектическая связь производства и потребления заложена в основе концепции культурно-пищевого разделения Ф. Броделя, предположившего, что производство пшеницы, риса и маиса определило не только специфический тип потребления, но и сформировало основные цивилизационные культуры человечества Древнего мира, символы соответствующих цивилизаций [4].

Как пишет Ф. Бродель, «они были “растениями цивилизации”, которые очень глубоко организовывали материальную, а порой и психическую жизнь людей, так что создавались почти необратимые структуры» [4, 121].

В Средневековье начинает складываться и система регуляции правил потребления пищи, основанная на символических значениях социальной структуры. Так, основанные на распространенной в XVII в. концепции связи социальной иерархии с иерархией природных стихий (огня, воздуха, воды, земли) правила предписывали аристократии питаться птицами и фруктами, растущими в воздухе, а крестьянам — водоплавающими птицами, животными, растущими на земле, а также корнеплодами [9, 72]. Эта концепция основана на логике производства: крестьяне являются производителями «грубой» и «земной» пищи, а аристократия «производит» идеи, образы искусства и т. д. (производство низшего и высшего миров).

С началом индустриализации возникает социально-экономический феномен, который кардинально меняет соотношение производства и потребления — *феномен отчуждения*. В доиндустриальных экономиках вещи производятся неотчужденным трудом, что создает особую связь между производителем и продуктом [10, 386]. Потребление аутентично, а также социально и экономически легитимно. В контексте рассматриваемой проблематики отчуждение можно представить как процесс дис-

танцирования потребления от производства. Товарный фетишизм и отчуждение труда составляют идеологию капитализма [5, 35].

Индустриальная экономика генетически связана с протестантской этикой, в которой труд выступает высшей добродетелью и способом спасения, а деньги — эквивалентом такого труда, и их приумножение или сохранение представляется общим экономическим вектором жизни добропорядочного и по сути конформистского человека. Отсюда — доминантами индустриального мира становятся производство и сбережение. Полагаем, что в индустриальную эпоху процесс социализации и стратификации разворачивается главным образом в пространстве производства и в логике этой экономической функции. Деньги здесь являются эквивалентом продукта труда, критерием экономической и социальной успешности, а доминирующее сберегательное поведение скорее соответствует принципам производства, нежели потребления.

Закономерным в этой ситуации (массовое производство) явилось появление фордизма. *Фордизм* предстает как способ организации производства и труда, специфическая социотехническая форма производственной культуры, характеризующаяся конвейерными технологиями, принудительным ритмом труда, централизованным и авторитарным управлением, скачкообразным ростом производительности [11, 119].

По мнению М. Харда и А. Негри, фордистская модель породила относительно «безмолвные» отношения между производством и потреблением, так как массовое производство стандартизированной продукции могло рассчитывать на адекватную в ней потребность и, таким образом, лишь в незначительной степени нуждалось в том, чтобы «прислушиваться» к рынку [12, 27].

В постиндустриальной экономике в производственный цикл входит новая важная составляющая — информация. М. Портер указывает, что каждый создающий ценность вид деятельности имеет физический компонент (все материальные задачи, необходимые для выполнения деятельности) и компонент обработки информации (включает действия по получению, обработке и передаче данных, необходимых для осуществления деятельности) [2, 113]. В широком понимании последний компонент это все то, что покупателю требуется знать для того, чтобы приобрести и использовать этот продукт для достижения желаемого результата [2, 117]. Автор подчеркивает, что исторически физический компонент товара был важнее информационного, однако в постиндустриальную эпоху новые технологии дают возможность за счет информационного компонента создавать большую, чем физический компонент, ценность [2, 117].

В постиндустриальной экономике происходит и изменение морально-этических норм. На наш взгляд, мораль как регулятор поведе-

ния постепенно инфляцирует в области производства — производство «очищается» от неэкономических факторов влияния. Глобальный кризис показал, что отсутствие моральных и этических регуляторов не только в финансовом секторе, но и в секторе производства приводит к агрессивному и антисоциальному экономическому поведению. Примеры с миллионными бонусами для менеджеров банков, взятых с денег налогоплательщиков, а также «нечистый» бизнес крупных фармацевтических компаний относительно гриппа H1N1 наглядно демонстрируют ситуацию такой морально-этической инфляции.

В пространстве потребления, наоборот, происходит интенсивное формирование «потребительской морали» и «потребительской этики». Этот процесс определяется секуляризацией потребления, которая практически завершилась на Западе к середине прошлого века. В потребительском обществе добродетель не труд, а потребление, и средний класс в качестве самореализации получает не «свободный труд», а «свободное и бесконечное потребление». Настает эпоха «радости потребления», в которой быть гражданином — это, прежде всего, быть потребителем [13, 101]. Дж. Антонио указывает, что критики современного потребления считают само потребление и стиль жизни своеобразной заменой производства и работы в качестве центральных аспектов социально-культурного бытия, разрушающей твердый, конформистский и трудолюбивый тип личности, личности протестантской этики и буржуазной сосредоточенности на работе [14, 48]. Экономическая социализация и стратификация перемещаются в пространство потребления, которое образует новую глобальную социальность.

Производство и потребление современности в значительной степени конвергируются в так называемых *креативных практиках*. Например, крупные компании по производству товаров массового спроса используют маркетинговую технологию «cool hunters» (охотники за «крутизной»), когда специалисты мониторят улицы, места скопления креативной молодежи для фиксации творческого и потенциально «крутого» решения в одежде, причёске, поведении и т. д., а также фиксации изменения норм модного стиля [15, 3]. В дальнейшем те или иные креативные решения, подсмотренные в Токио, Милане или Нью-Йорке, легитимизируются массовым производством аналогичных вещей или включением находки в модную коллекцию. Таким образом потребительский мир увидел джинсы, скроенные специально для ношения ниже бедер или специально порванные джинсы.

Современное производство можно охарактеризовать следующими амбивалентными тенденциями. Во-первых, производство дистанцируется от потребления — происходит географический перенос производственных предприятий из центра на периферию, из экономически раз-

витых стран в страны с более дешевыми трудовыми ресурсами и более мягким социальным и экологическим законодательством. Во-вторых, потребление и производство начинают конвергироваться, причем производство здесь занимает подчиненное положение по отношению к потреблению. Возникает новая производственная логика кооптации, когда производственная система находит идеи в потребительских практиках и лишь копирует, ассимилирует их в своем внутреннем процессе.

Кроме использования креативных потребительских практик примером кооптации может служить так называемый *биодизайн* — специфическое направление в предметном и графическом дизайне, когда потребителем товарам придается образ природных объектов (животных, насекомых, растений и т. д.).

По мнению Ж. Бодрийяра, современное потребление является организованным расширением производительных сил, новым общественным трудом [16, 105, 115].

Таким образом, в постиндустриальном обществе появляется новый вид потребителей: *просьюмер* — человек, совмещающий в себе функции производителя (producer) и потребителя (consumer) [17, 13]. Автор противопоставляет просьюмера потребителю индустриального общества, характеризуемого неподлинностью «Я», эмоциональной и интеллектуальной зависимостью от общества, имитационным отношением к реальному миру и др. [16]. Просьюмеру же атрибутируются активность в потреблении, доступ к технологиям и информации, а также возможность их использовать, вовлеченность в сферу розничной торговли, политику, поп-культуру, инновационная направленность, самодостаточность и скептицизм [16, 14].

В этой ситуации фордизм не может адекватно организовывать новое производство. Появляется новая концепция менеджмента — *тойотизм*. В узком смысле тойотизм предполагает участие сотрудников в обсуждении производственных и социально-экономических проблем (интеграция коллектива в производство) [11, 122—123]. В широком — редуцирует взаимосвязь между производством и потреблением в сторону потребления, например, решение о производстве товара принимается только после сформированного спроса и как реакция на решение рынка, а в некоторых случаях товар не производится до тех пор, пока потребитель не выбрал и не оплатил его. В ряде случаев сам потребитель принимает активное участие в производстве товаров. Таким образом, происходят накопление навыков такого участия и активизация социальной активности [11, 124]. В целом практика тойотизма разворачивается по направлению к гуманизации производства, смягчению отчужденности работника от производственного процесса и его результата.

Тойотизм иногда называют менеджментом многообразия [12, 150]. В рамках этой системы кардинально меняется «фордистская» структура связи между производством и потреблением, формируется обратный поток информации — от потребления к производству, что позволяет изменениям на рынке стимулировать производственные перемены. Здесь коммуникации и информация начинают играть центральную роль в производстве.

Еще одним социо-экономический феноменом, иллюстрирующим редукцию производства и потребления, считаем появление *сетевых организаций*. В одном из самых распространенных вариантов таких организаций (MLM — multi level marketing) потребление выступает профессиональной деятельностью, т. е. в рамках сети производится продукт (сервис, консультационное обслуживание и т. д.) и, как правило, в рамках сети происходит его потребление. Все движение товаров происходит внутри сети распространителей, являющихся одновременно дистрибьюторами и потребителями этого товара.

Очевидно, что современные торговые сети являются еще одним примером экспансии потребления на сферу производства. Отметим здесь лишь один экономический феномен. С 1920-х гг. предприятия розничной торговли начинают создавать собственные торговые марки [18, 109]. Сегодня практика использования торговыми организациями собственных торговых марок широко распространена.

Другими словами, торговля начинает отчасти забирать на себя функции производства, становясь владельцем торговых марок, их управленцем и бренд-менеджером. Отметим также практически завершенный процесс переноса ранее производственных отраслей фасовки и упаковки в крупные торговые предприятия.

Таким образом, в развитии социально-экономической системы возможно выделить диалектическую триаду: тезис, антитезис и синтез. Доминирующее потребление в экономике Древнего мира формирует доминанту производства в экономике индустриального мира, а производство и потребление начинают образовывать некий синтез на постиндустриальном этапе развития системы. Доминантное положение производства или потребления в определенные этапы развития социально-экономической системы определяет не только экономический образ системы, но и ее социальное наполнение. Социальные нормы формируются вместе с нормами потребления и производства, которые становятся областью социального творчества. В индустриальный период в ситуации доминирования производства формируются трудовая мораль и трудовая этика, а в постиндустриальный период происходит перенос моральных и этических конструкций в область потребления.

Вероятно, степень асимметричности системы определяет ее неустойчивость и подверженность кризисам. Иными словами, сегодня целесообразно провести некие «охлаждающие» потребление действия и перенести акцент на производственный сектор. В качестве возможных механизмов можно рассматривать введение морально-этических регуляторов производства, изменение налоговой системы, ориентированной на смягчение девиантных форм потребления (статусное потребление) и поддержку качественного, экологически безопасного производства, выравнивания потребительских стандартов в различных странах и регионах. Отельной задачей, на наш взгляд, должна стать задача формирования современного потребителя. Эта задача лежит в области образования, произвольного управления экономической социализацией и формирования адекватного экономического сознания. Очевидно, что процессы экономической социализации и стратификации не могут больше носить произвольного и хаотичного характера, управляемого исключительно системой высокотехнологичных маркетинговых коммуникаций и коммерциализированной массовой культурой. Сегодня это становится общественной задачей, а система образования должна найти эффективные методы и способы решений таких задач.

Наличие этической составляющей в практике бизнеса должно стать обязательным условием такого вида деятельности, некой обязанностью перед обществом, причем такие нормы не должны носить общего декларативного характера, а иметь конкретные формы реализации и контроля.

Полагаем, что активное общественное регулирование социально-экономических процессов не станет помехой на пути свободного развития рынка и, возможно, будет лучшей альтернативой, как правило, более жесткого государственного вмешательства и административного регулирования экономики.

Литература

1. *Верховин В.И., Зубков В.И.* Экономическая социология. М., 2002.
2. *Портер М.Э.* Конкуренция. М., 2005.
3. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
5. *Хиз Дж., Поттер Э.* Бунт на продажу. М., 2007.

6. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003.
7. Блау Ф.Д. Гендерные проблемы // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004.
8. Бугера В.Е. Сущность человека. М., 2005.
9. Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М., 2007.
10. Грегори К.А. Дары // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004.
11. Бертони С.Л. «Тойотизм» как новая форма взаимодействия труда и капитал // Вопросы экономики. 1994. № 3.
12. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
13. О'Гуинн Т.С., Ален К.Т., Семеник Р.Дж. Реклама и продвижение бренда. СПб., 2004.
14. Antonio J.R. After Postmodernism: Reactionary Tribalism // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 106. July.
15. Клименюк Н. Просто наклей ярлык // Вещь. 2001. № 7.
16. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
17. Андреева Е.В. Просьюмеры — новый вид потребителей информационной цивилизации // Потребление как коммуникация — 2009: материалы Международной конференции, 26—27 июня 2009 г. / Под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. СПб., 2009.
18. Спектор Р. Убийцы категорий. Революция в розничной торговле и ее влияние на культуру потребления. М., 2005.

А.С. НИЛОГОВ

Инстинкт духовного самосохранения versus инстинкт физического самосохранения

Ко всем тайным, ко всем скрывающимся *предателям человека* обращаю я свою речь...

Ф. Куклярский

Аннотация. В книге «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства» русский философ Федор Куклярский вводит такое понятие, как инстинкт духовного самосохранения. Данный инстинкт противопоставляется автором инстинкту физического

самосохранения, позволяя Куклярскому основать ответвление философии жизни — философию инстинктивизма.

Ключевые слова: Куклярский, Ницше, философия инстинктивизма, инстинкт духовного самосохранения, инстинкт физического самосохранения.

Abstract. In the book «Last word. To philosophy of modern religious rebelliousness» Russian philosopher Fyodor Kuklyarsky enters such concept, as an instinct of mental self-preservation. The given instinct is opposed by the author to an instinct of manual self-preservation, allowing Kuklyarsky to base branch of vital philosophy — instinctivism philosophy.

Keywords: Kuklyarsky, Nietzsche, instinctivism philosophy, instinct of mental self-preservation, instinct of manual self-preservation.

Самая скандальная книга русского философа Федора Федоровича Куклярского (1870 — 1923?) — «Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства» — вышла в свет в 1911 г. Она написана в форме афоризмов в подражание немецкому философу Фридриху Ницше. Все содержание 240 изречений сводится к последнему, в котором Куклярский произносит свой приговор человеку: «Сгинь!» [1, 100]. Отрицание ценности человека поставлено автором в прямую зависимость от ощущения одиночества своих нечеловеческих мыслей, составляющих понятие *инстинкта духовного самосохранения*.

Инстинкт духовного самосохранения противопоставлен автором инстинкту физического самосохранения, воспевание которого в западноевропейской философии особо заметно в среде позитивистов (например, Герберт Спенсер). Инстинкт духовного самосохранения занимает в философии Федора Куклярского одно из ведущих мест. «Последнее слово» подтекстуально пропитано тоской по подлинной духовной жизни — по инстинкту аутентичного человеческого самосохранения, благодаря которому *homo sapiens* сможет возвыситься над *слишком человеческим*, т. е. возвратиться не назад в лоно природы, а вперед — в лоно своего нечеловеческого начала, из которого эволюционным путем возникло жалкое существо, стремящееся ко злу, потому что отягощено и подавлено добром. Приведем исчерпывающее описание понятия инстинкта духовного самосохранения:

«10. Столетиями делятся мечты о духовной аристократии, о господстве в государствах мудрых мужей, о реализации идеала добра, то есть одухотворения материи и толпы... Но все эти мечты останутся мечтами до тех пор, пока в человеческом существе не произойдет рокового перелома... Борясь за зло, новые грядущие силы превратят мир теперешних идеалов в мир реальный, и наоборот... Как теперь судьбы народов находятся во власти у материального (денежного) капитала и

материально-вооруженных людей, точно так же в далеком будущем судьбами народов будут управлять духовный капитал и духовно-вооруженное сословие. И подобно тому, как теперь ведется ожесточенная борьба интеллигенции с владыками мира сего, точно так же в будущем материальные силы страны будут вести борьбу с духовным капитализмом и его гнетом. Как теперь из среды владетельной буржуазии выступает все более и более борцов со своим питомцем-капитализмом (демократизм), точно так же в будущем из среды духовного сословия все более будет появляться перебежчиков в лагерь врагов, то есть в лагерь звероподобных людей, преступников, и все более будет убийств одухотворенных личностей. Одним словом: теперь ведется борьба “за владычество *духа*, тогда возникнет борьба за владычество *материи*”. По мере того как человек будет одухотворяться, в нем будет возрастать потребность в материализации своих духовных сокровищ. По мере отдаления человека от природы его все более мучает жажда слияния с ней, но так как позади него «корабли сожжены» и путь регресса для него невозможен, то он может осуществить желанное слияние лишь путем творчества новой природы. Далее: по мере изоляции психической жизни человека от его физического существования, то есть по мере утверждения в его существе инстинкта духовного самосохранения, в нем будет происходить процесс обратного порядка: все настойчивее будет ощущаться потребность слияния души с телом, но и здесь слияние это может осуществиться лишь через создание нового тела, которое и будет нечем иным, как материализованной, воплощенной душой» [1, 8 — 9].

Настоящим носителем инстинкта духовного самосохранения, по мнению Федора Куклярского, может быть только индивидуалист, но не записной, а настоящий аристократ духа, несомненно перекликающийся с ницшевским сверхчеловеком, а в более смягченном варианте — с ницшеанцем.

«13. По мере роста инстинкта духовного самосохранения, инстинкт физического самосохранения становится рафинированнее, изощреннее. Благодаря этой своей чувствительности, он (инстинкт физического самосохранения) останавливает организм всякий раз, как ему грозит *окончательная* гибель. Именно в том-то и сказывается его чуткость, что он перестает оберегать индивидуума от опасностей *вообще*. Эта чуткость порождена инстинктом духовного самосохранения, еще только зреющим и потому не дающим власти *грубому* инстинкту физического самосохранения. Чем большей силой обладает индивидуалист, тем более она любит великую опасность. Это же применимо и к инстинкту физического самосохранения. Его сила сказывается в том, что он ходит по краю пропасти и надеется на себя. Но как только в

человеческом существе утверждается и укрепляется инстинкт духовного самосохранения, он, как и все установившееся, *начинает грубеть*, уподобляется грубому инстинкту животного. Поэтому-то с момента его утверждения и его полновластия в человеке, он начинает принимать все более аристократически-утонченный характер и уже отрицает себя как грубую силу. Такое самоотрицание выражается в том, что он проникается любовью к пропастям и тяготеет к самому их краю. Дерзание и смелость *закаляют* его и делают более могущественным. Только перспектива полнейшей гибели будет останавливать такой инстинкт от известного шага» [1, 10 — 11].

Идеологический разрыв с Фридрихом Ницше в понимании инстинкта духовного самосохранения отмечен автором в 40-м афоризме «Последнего слова». Если у Ницше инстинкт духовного самосохранения присущ как ницшеанцу, так и сверхчеловеку, то у Куклярского он достигается через преодоление себя, в том числе через превозможение своих ницшеанских и даже сверхчеловеческих потенций. Не интенций, а именно потенций, поскольку у самого Ницше очень силен апагогический аргумент: как известно, духовный закат Заратустры начался не столько с желания вновь стать человеком, сколько с сострадания к высшему человеку, — к томлению по сверхчеловеку, который уже не ищет своего дела в отличие от Заратустры, умолчавшем о том, о чем невозможно говорить больше, чем сказал¹⁶:

«В некоторых отношениях я — антипод Ницше. Ницше утверждает инстинкт самосохранения у “аристократии духа”, я же отрицаю его. Идеалом аристократа духа должно быть самопреодоление и преодоление себя в других» [1, 15].

Федор Куклярский провозглашает высшим инстинктом в человеке *инстинкт его нечеловеческого самосохранения*, которому посвящен 67-й афоризм:

«Познание ведет человека к саморазрушению, к разрушению всего человеческого в нем... Издревле человек чувствовал в глубинах своего сердца, что познание губительно *для человека*, и тем не менее именно познание было центром тяжести всех человеческих волнений, переживаний и надежд. Его *человеческое* сознание говорило ему о роковой судьбе «вкусившего от древа познания», но его высший инстинкт, инстинкт *нечеловеческого* самосохранения, упорно толкал его все дальше и дальше к бездне для человека и жизни для природы» [1, 24].

---

¹⁶ ««Сострадание! Сострадание к высшему человеку! – воскликнул он, и лицо его стало, как медь. – Ну что ж! / Этому – было свое время! / Мое страдание и мое сострадание – ну что ж! Разве к счастью стремлюсь я? Я ищу своего дела!» <...>» [2].

Инстинкт физического человеческого самосохранения, привычный в дарвинизме и философии позитивистов, враждебен природе, которая в достатке жертвует биологическими видами, будучи преисполненной роскошью самоодарения и многообразием расточительства (лейтмотив философии жизни у Ницше). Однако, возможно, что Федор Куклярский идет еще дальше, объявляя его антагонистичным *нечеловеческой природе человека*, — собственно человеческой природе, которая всегда есть невозможность. А в 88-м афоризме автором руководят уже инстинкты человеческого самоуничтожения и нечеловеческого самосохранения:

«Формула Спинозы: “Deus sive natura”. Моя формула: “Diabolus sive natura”. Для Спинозы природа была стихией человека, благоприятствующей развитию и жизни его; для меня природа — стихия, включающая из себя человека, смертельная для него. Спинозовская перспектива: человек *и* природа. Моя перспектива: *или* человек, *или* природа. Спинозой руководил инстинкт человеческого самосохранения; мной руководят инстинкты человеческого самоуничтожения и нечеловеческого самосохранения» [1, 31].

Индивидуализм, доведенный до логического конца, означает для автора отказ от инстинкта духовного самосохранения ради алтаря познания в себе *не-себя* — ради жертвенника самости, — своего человеческого самоотчуждения.

Столь богатая палитра духовного самоопределения (потенциальной автоидентификации) человека у Куклярского глубоко отдаёт поверхностью новизны в разработке им вопроса об *архетипе* (в авторском терминологии — о типе) *предателя человека* — о *Смердякове человечества*, чье собственное имя еще не авторизовано. Ярче всего он представлен в 166-м афоризме. Используя термины механики «агрегация» и «дисгрегация», философ объясняет дегенеративную подноготную творчества при помощи *оправдания зла (пессимодия¹⁷)* в человеке, который создает новые ценности, включая ценности о себе самом (автономная этика творчества):

«Какие силы создают и формируют наш тип — тип предателя человека? Ответу: силы природы. <...> Она [природа. — *А.Н.*] спешит воспользоваться остатками своей, ранее всесокрушавшей, власти над человеком и отравляет источники жизни некоторых богатых натур, *избранных* ею для предательского восстановления ее погранных прав на

---

¹⁷ Сравните: «ПЕССИМУМ [лат. *pessimum* наихудший] — ослабление деятельности органа или ткани при чрезмерно сильной или частой стимуляции, превышающей функциональные возможности (то есть лабильность органа или ткани)» [3, 623].

власть. Эти избранники природы реставрируют ее благодаря *стихийности* своих натур. Болезни, разврат, безумие и тому подобное отнимают у них все их *человеческое достояние*, ставят их по ту сторону человека и вооружают их творческие души против всего того, чего у них нет: против здоровой нормы и здорового творчества. Сами они — *дегенераты как люди* и *безумно-стихийны как природа*... Ибо здоровые, нормальные люди, это — *выродившаяся* природа, та самая природа, которая своего величайшего экстатического напряжения достигает в творчестве гениев-предателей и людей-дегенератов одновременно...» [1, 56 — 57].

В философской сумме «Последнее слово» Федора Куклярского предстает оплотом трансгрессии в человеке его свершившегося самоименования во имя самоопределяющегося (с внутренней объективацией себя) преодоления. Несмотря на тавтологичность формулировок, в том числе при перечислении инстинктов человека, которые тасуются философом, словно колода карт, концепция инстинктивизма выглядит достаточно логичной и плавно перетекает в следующую книгу Куклярского — «Осужденный мир. Философия человекоборческой природы» (1912).

Литература

1. *Куклярский Ф.Ф.* Последнее слово. К философии современного религиозного бунтарства. СПб., 1911.
2. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. Харьков, 1999.
3. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.; Мн., 2002.

Ю.М. ОСИПОВ

Система

Аннотация. Дается определение системы и раскрываются возможности системного подхода в познании и моделировании реальности.

Ключевые слова: система, экономика, философия, философия хозяйства, экономическая теория.

Abstract. Definition of a system is given and possibilities of the system approach in learning the reality and its modeling are being revealed.

Keywords: system, economy, philosophy, philosophy of economy, economic theory.

Система — целое, состоящее из частей (элементов); единство разделенного, представленное как целостность; целокупность элементов (частей, частиц); взаимозависимая совокупность элементов.

Все в *мире*, как и весь мир — *система* (С.), а сам мир — *мир систем*. Человек познающий давно заметил, что вокруг него целокупность элементов, имеющие какой-то свой смысл быть — и особенными целокупностями быть, и особенными в них элементами. Не сразу, но пришлось человеку думающему по-особому обозначить этот феномен, — и родилось слово-понятие — *система* (С.). Не было и нет в том ничего плохого, наоборот, это обогатило представление человека о мире, как и о самом себе, равным образом и о том, что человек создает своим умом и своими руками: все стало в воображении человека той или иной С. Это позволило человеку не только достовернее судить о *реальности*, но и эффективнее оперировать с реальностью, создавая и свою собственную реальность. Единожды назвать что-то С. и все обозначив как С., человек стал вполне уже осознанно *системно* мыслящим субъектом. Отсюда явился *системный* взгляд на реальность, возник *системный* подход к реальности и ее отображению, сформировалось и особое знание о *системах*, как и особое относительно них умение — систематика, системология, наука о системах, системный анализ, системный синтез, системная инженерия. Все стало С., выражалось системно, рассматривалось системно. Появилось моделирование С., т. е. системное представление о С., не такое, быть может, как в реальности, но похожее, хоть и упрощенное — аналогичное. отсюда понятие *изоморфной модели* и практика *изоморфного моделирования*, в особенности, поведенческого, симуляционного, в отличие от понятия *гомоморфной модели* и *гомоморфного*

моделирования. Не только сама по себе реальность получила системное изображение и трактование, но и идеальный мир человека, даже иной раз и сама мысль. Весьма продуктивным оказался *системный язык*, в особенности, в науке и технике. Если нет С., ее модели, то ученый вроде бы уже и не ученый, а профессор-лектор как бы и не профессор-лектор. В науке имеет место настоящая системомания, для которой любой не-системщик прямо-таки персона нон-грата.

Однако не все тут так уж просто. Системный подход хорош, он позволяет многое представить и со многим оперировать. Есть область науки и знания, техники и практики, где без С. никуда. С. — это более всего строение, порядок, ясность. Великое множество случаев, когда без С. не обойтись. Но, во-первых, вовсе не всегда строго потребен системный подход, нередко выглядящий просто нарочитой безделицей, предназначенной сымитировать большую науку и великое глубокомыслие; во-вторых, бывает и так, что приоритет системного подхода оказывается вредным для познания и осмысления чего-либо, ибо закрывает суть реальности или вопроса о ней; в-третьих, системность может создавать и искаженное представление о реальности, упрощенное, обезжизненное, обесуществленное. Системный подход имеет свои пороки и недостатки, свои ограничения по применению.

Можно сказать, что мир, человек или мысль системы, что они суть С., но не следует при этом забывать, что мир, человек или мысль в главном куда как более чем С., в особенности, в качественном, идейном, смысловом отношении. Мир, человек или мысль никак не сведется к С., они богаче нее, содержательнее, вместительнее. Вот почему нужно знать и хорошо сознавать, что С. всегда и везде есть ограниченность, не только полностью что-то не раскрывающая, но немало и искажающая, если, конечно, считать системность за последнее слово и упражнение науки и практики. Хорошо раскрывать С., но ведь важно не упустить и сути С., которая в С. и через нее раскрывается лишь частично, не в полном, так сказать, объеме, скрывая часто самое в себе главное где-то за пределами собственно С.

Хозяйство — С., экономика — С., то и другое — мир систем. Системность — важнейшее средство познания хозяйства и экономики, как и многого вообще в хозяйстве и в экономике. Но суть хозяйства, его *смысл*, его *телеология*, как и его *эсхатология* — не в С. Поэтому хозяйство и экономика — системы, но...не только системы — что очень важно иметь в виду! *Физис* и *физика* сплошь системы, а вот *метафизис* и *метафизика* — уже не очень. Физис — С., но вовсе еще не физис, ибо физис не только С., а что говорить о метафизисе, в котором С. уже совсем не главное, а если она и есть, то как С...уже и чего-то бессистемного, коли вообще не какое-то ничто. Хозяйство и экономика — системы,

но каждая такая С. — совсем еще не хозяйство и экономика. Любая С. раскрывает немало перед человеком познающим и думающим, но не все — она даже не способна ответить на самые простые вопросы: «А почему С. есть именно С.?, «Почему данная С есть именно данная С.?, «Почему С. не может быть другой С., ибо на подобные вопросы или ответы находятся за пределами С., или на них вообще нет ответов, о чем всегда полезно помнить всем скурпулезным исследователям реальности. От системофилии путь лежит через системологию прямо к системошизии, когда С. прями и принимается за реальность, т. е. реальностью является не реальность, а всего лишь С., которая все-таки не реальность. Реальность и С. — не одно и то же!

Ю.М. ОСИПОВ

Экономическая целесообразность

Аннотация. Экономическая целесообразность рассматривается как момент и функция стоимостной организации хозяйства.

Ключевые слова: экономика, стоимость, экономическая теория, философия хозяйства.

Abstract. Economic reasonability is being considered as the moment and function of value organization of economy.

Keywords: economy, value, economic theory, philosophy of economy.

Экономическая целесообразность — следование стоимостному критерию, ему ответственность, когда любое хозяйственное решение и действие оправдываются стоимостным образом, соблюдением стоимостных требований: стоимостной эквивалентностью (при обмене товарами, к примеру); наибольшим стоимостным эффектом; наименьшими стоимостными затратами; стоимостным выигрышем (рентным доходом, к примеру, или прибылью от капитала); стоимостным оптимумом.

Экономическая целесообразность (Э. ц.) — не *хозяйственная целесообразность* как таковая, это лишь одна из хозяйственных целесообразностей. Далеко не все в реальности может подчиниться Э. ц., как и вообще быть экономическим. Э. ц. накрепко связана со *стоимостью*, ее движением, развертыванием и разрешением. Не приносящие стоимостного того или иного эффекта, в первую очередь, стоимостного дохода, хозяйственные действия оказываются экономически нецелесообразными, хотя в общем хозяйственном плане они могут быть не только целесообразны, но и попросту необходимы. Отсюда потребность в условиях *экономики* (Э.), с одной стороны, в тщательном сле-

довании Э. ц., если она в принципе достижима, а с другой — обхода Э. ц., а то и вообще ее несоблюдения, коли решение нужного вопроса никак с нею не сопрягается.

В Э. господствует Э. ц. Этой последней должно быть в Э., конечно же, не 100% ото всего ее потенциального объема, более того, 100% и быть в принципе не может, даже и не должно, но подавляющее преимущество Э. ц. должна в Э. иметь. Отсюда и доминирование эффективного *экономического расчета*. Роль Э. ц. при этом не следует переоценивать: в хозяйственной реальности бывает и так, что нецелесообразное сегодня становится таковым завтра, как и наоборот. Э. ц. необходимо соблюдать, иначе Э. не будет, но придерживаться в Э. надо не одной лишь Э. ц., иначе Э. тоже не будет. Э. сопряжена с *хозяйством* вообще, с жизнью, вообще с разнообразной и сложной реальностью, а потому Э. не может следовать только Э. ц. В целом же Э. удается подчинять хозяйство, жизнь, разнообразную реальность Э. ц. Особенно это заметно в полностью развернутой *экономической цивилизации*, но и в ней, заметим, доминирование Э. ц. корректируется и иными целесообразностями.

Любой *экономический субъект* обязан максимизировать Э. ц. и минимизировать *экономическую нецелесообразность*. В противном случае он не может реализовать себя как именно экономический, т. е. эффективно стоимостной субъект. Однако Э. ц., будучи абстрактно, по сути одной и той же, в конкретной реальности бывает разной по своему разрешению у разных субъектов. Так, собирать *налоги* для *государства* очень даже целесообразно, более того, целесообразно искать оптимальное соотношение между налоговыми ставками и общей суммой налоговых сборов, а также между налогообложением и благосостоянием Э. (хозяйства) и отдельных хозяйственных агентов и т. д., но платить налоги, точнее, уплачивать всю сумму налогов, увы, не так уж целесообразно для конкретного налогоплательщика. Одна Э. ц. сталкивается в Э. с другой Э. ц. Имеет место конкуренция Э. ц., в которой итоговая Э. ц. и оттачивается. И сама *конкуренция* оказывается целесообразной — экономически целесообразной. Однако тоже в известных пределах: она способна быть и слишком затратной, и неоправданно разрушительной. Отсюда важность не одной только конкуренции, но и *согласия*, заменяющего или корректирующего конкуренцию. Э. ц. порождает целесообразность конкуренции, но и вызывает ее нецелесообразность, порождая целесообразность согласия, но ровно настолько, чтобы не уничтожить конкуренцию, необходимую тем не менее для реализации Э. ц.

Э. ц. — мощный стимул к обновлению и развитию — и непременно в условиях конкуренции и при стремлении к тому или иному стоимостному эффекту, борьбы за него. Но надо иметь в виду, что сама по себе Э. ц. — не движитель обновления и развития, она может спокойно сра-

ботать и на стагнацию. Зачем, допустим, что-либо менять, тратить, рисковать, если и так все идет вроде бы хорошо? Э. ц. — не только одно движение вперед, но и возможное топтание на месте. Вообще Э. ц. сама по себе нейтральна, но в цивилизации, склонной к развитию, Э. ц., сопрягаясь с этой внутренней склонностью, становится мощным средством поощрения творческого *предпринимательства*, активно и широко пользующегося достижениями *науки и техники*, а потому способного идти по пути практически неуклонного обновления и развития.

Ю.М. ОСИПОВ

Законы (закономерности) общественные

Аннотация. Рассматриваются суть феномена общественного закона (закономерности) и его конкретные проявления в мире общества, истории, экономике.

Ключевые слова: законы, общество, история, экономика, философия хозяйства, экономическая теория.

Abstract. The essence of the phenomenon of public law (regularity) and its concrete displays in the world of society, history, economy are being considered.

Keywords: laws, a society, history, economy, philosophy of economy, economic theory.

Законы (закономерности) общественные — рассматриваемые наукой и философией как объективные, независимые от воли человека (человечества), самореализующиеся, неизбежные и даже неумолимые разрешения (интенции и их следствия) общественного бытия, находящие выражение в фундаментальных принципах организации (самоорганизации) социума, его структурообразовании и происходящих в нем со временем динамических процессах.

Законы (З.), как и вообще *закономерности* (Зт.) общественного бытия, представлены в вышеприведенном определении не как устойчивые связи, повторяющиеся события, просматриваемые во времени тенденции, хотя все это и имеет отношение к З. и Зт., их поверхностным проявлениям, а как некие изнутри исходящие *разрешения* (действия) общественного бытия, им самим же в ходе своей же самореализации осуществляемые. Основное в понимании общественного З. (Зт.) восходит не к его феноменальному выказыванию, что, конечно же, по-своему и неплохо, а к его ноуменальной, т. е. скрытой, внутренней, глубинной, сущно-

стной, мотивации. З. и Зт. хороши не тем, что их можно заметить и описать, а тем, что они непосредственно определены (сделаны) самим по себе общественным бытием. Последнее следует рассматривать не как объект, тем более мертвый, а как вполне живое существо, почти что и субъект, как существо, способное учитывать, действовать, решать и навязывать, — чуть ли не по усмотрению. Не только общественное бытие здесь зависит от своих же З. и Зт., но сами эти З. и Зт. как раз и производятся общественным бытием. Что же здесь первично: бытие или его З. (Зт.)? — Никто не знает, если, разумеется, оставаться, как это принято в науке и в научной философии, в пределах этого, т. е. посюстороннего, бытия. А раз так, то приходится исходить из того диалектического факта, что если не З. и Зт. рождаются бытием, а бытие все-таки определяет З. и Зт.

З. — предписание, некий предтекст, то, чего нет, но что непременно должно быть; Зт. — само фактическое писание, реализующийся текст, то, что есть — согласно З. Зт. — действующий или отраженный в реальности З. Отсюда З. — *ирреальность*, что не мешает З. присутствовать в *реальности*. З., строго говоря — *идеальность*, хоть и приходится ему местами и порою воплощаться *материально*. З. сопряжен со *смыслом*, если не с *метасмыслом*, он всего ближе к основанию мира, его центру, он исходно *трансцендентен*, хоть и познаваем и формулируем; Зт. — поверхностная реализация З., его свидетельница, она замечаема и фиксируема, подчас и как-то измеряема. Цикличность общественного бытия, к примеру — З., а фактическая циклическая динамика — Зт., однако полноценными З. и Зт. цикличность и циклическая динамика могут предстать в головах людей лишь с улавливанием человеком познающим их внутренней, со стороны бытия, мотивации, а в какой-то мере — и неизбежности. Одних фактов, как и факта их повторяемости, здесь все же недостаточно. Сам по себе факт — не З., и даже не Зт., хотя никаких З. и Зт. без фактов нет и быть не может. Для З. и Зт. надо иметь нечто большее, чем простой набор фактов — тут потребна и особого рода смысловая нагрузка. Отчего это вдруг общественному бытию свойственна та же самая цикличность, какое она имеет имманентное обоснование, в чем ее корневая правда? Хотим мы того или нет, но вне смысла, подтверждающего что-либо заметное и устойчивое фактическое, говорить о З. ... бессмысленно, а если и можно зафиксировать фактически какую-нибудь Зт., то все равно потребно какое-то смысловое ее объяснение.

Есть такая практика в науке и философии — творить З. И в рамках такого законотворчества число З. может расти до бесконечности. В самом деле, что только иной раз не подпадает под гриф З.! В связи с этим полезно всегда помнить о принципе минимизации З., о не превышении

их числа сверх необходимого (не забывать о знаменитом правиле Оккама: «Не умножать числа сущностей сверх необходимого!»). Разумеется, тут возникает проблема числа уже необходимых З. — ведь никакого заведомого ограничения его нет. Помимо здравого смысла, который, надо заметить, частенько только и приходит на помощь, следует принять во внимание, что необходимых З. должно быть ровно столько, сколько их необходимо для минимально, или первично *целостного*, но в то же время и максимально *абстрактного*, представления о предмете познавательной и объяснительной рефлексии. Максимальная абстракция и минимальная целостность — тогда что-то приемлемое и получается.

Возьмем ту же *экономику* (Э.) и попытаемся выявить характерные для нее и только для нее З. Какие это должны быть З.? Экономические! И если мы знаем, что Э. это прежде всего *стоимость*, ее распределение и движение, ее действие, то мы вряд ли сможем обойтись без формулирования *закона стоимости*, в котором непременно отразятся факт феномена стоимости, его коренной мотив бытия, основная функция, способ реализации. Раскрытие феномена стоимости и есть по сути раскрытие З. стоимости. Но говоря о З., мы подчеркиваем неизбежность этого феномена, его объективность, даже и навязчивость, его необходимость. И если З. стоимости квалифицировать как сущностный по глубине залегания и источения З., то, наверное, вряд ли мы обойдемся без обращения к ряду других, уже осуществляющихся на чисто явленческом уровне З., таких, как *закон денег*, определяющий факт их бытия, природу и происхождение, выпуск в обращение и выход из него, ценность, количество в обращении, обмен на товары, накопление, обмен одних денег на другие деньги и т. д.; *закон товарного обмена* и *закон товарной оценки* (*закон ценообразования*), фиксирующий как факты товарообмена и оценки, так и механизмы их реализации; *закон экономического баланса*, заставляющий совмещать денежные расходы и доходы, издержки и прибыли; *закон спроса и предложения*, свидетельствующий о взаимозависимости динамики предложения товара и спроса на него; *закон капитала*, диктующий определенную реализацию такому феномену, как капитал; *закон прибыли* или *прибавочной стоимости*, подтверждающий возможность и необходимость превышения доходов над расходами; *закон заработной платы*, заставляющий оплачивать труд и держать заработную плату в некоторых нижних и верхних пределах; *закон ренты*, предписывающий ренте быть и удерживающий рентный доход в некоторых границах; *закон кредита и ссудного процента*, *закон ценных бумаг* и т. д. вплоть до важного практического *закона двойного счета* (или *учета*). Мы видим, что З. в Э. хватает, даже чисто стоимостных З., без действия которых нет реализации стоимости, а соответственно, и Э., что не все З. оказались отмеченными, что есть еще, наверное, и другие З., мо-

жет, не чисто стоимостные, но к стоимости весьма относящиеся, такие, как *закон конкуренции*, свидетельствующий о непрекращающейся борьбе стоимостных агентов за лучшие условия и результаты деятельности, *закон макроэкономического равновесия* и *общехозяйственной пропорциональности*, как, собственно, и наоборот — неравновесия и диспропорциональности, как тот же *закон неравномерной динамики* и *циклического развития* Э., как и любые иные З., которые необходимо замечать и законным образом фиксировать.

В хозяйстве вообще, т. е. не в Э. как таковой, можно выделить не меньшее число З., к примеру, такие З., как *закон производства и потребления благ*; *закон труда*; *закон собственности на ресурсы, хозяйствование и само хозяйство*; *закон распределения благ и собственности (равномерного и неравномерного)*; *закон хозяйственной власти*; *закон государственности* (необходимости государственного начала); *закон права* (закон закона) и т. д. Попробуй-ка, обойдись в хозяйственной жизни без этих З. — ничего не получится, с З., если это действительно З., надо считаться.

Иное дело, что иной раз наукой и философией выводятся З., которые не слишком подтверждаются реальностью либо не кажутся столь уж объективно-неизбежными. Так, марксистской социально-экономической доктриной был предложен *закон соответствия производственных отношений (способа производства) характеру производительных сил*, что, надо заметить, как-то отвечало, но в той же мере и не отвечало фактической реальности. Тезис породил множество дискуссий, но определенного подтверждения в качестве З. так и не получил: при одном и том же характере производительных сил (труда, орудий труда и предметов труда) все-таки имели место разные способы производства, а изменения в способах производства далеко не всегда вызывались переменами именно в производительных силах. Так и осталось: то ли есть этот З., то ли нет, а есть лишь некоторая, совсем не строгая и не всеобщая, но иной раз и весьма заметная взаимозависимость между производственными отношениями и производительными силами, их качествами и изменениями этих качеств.

Другим примером неопределенного З. является так называемый *закон хозяйственного прогресса*. Если исходить из достигнутых великих результатов хозяйственной деятельности человека (человечества) на Земле, то с наличием такого З. можно вполне согласиться; но если принять во внимание факт отсутствия (или же прекращения) хозяйственного прогресса в ареале тех же общинно-племенных образований, где тысячелетиями в хозяйственной жизни почти ничего не меняется, то наличие З. хозяйственного прогресса можно подвергнуть и сомнению, во всяком случае, как З. всеобщего и действующего во все времена. Учи-

тывать при этом приходится и другое обстоятельство: насколько этот З. является именно общественным З., т. е. исходящим от общества, его организации? На этот вопрос однозначно ответить не так просто, ибо не слишком ясно, почему же в человека лишь определенного хозяйственного ареала вдруг вселяется дух непрерывного хозяйственного творчества, результатом чего и становится действительный хозяйственный прогресс? Да, для западноевропейской цивилизации, да и то более всего для ее англосаксонской ойкумены, хозяйственный прогресс оказался с середины II тысячелетия от Р. Х. настолько естественным феноменом, что можно было вполне определенно заговорить о нем, как о З. Но ведь был на Земле и всюду остается и совсем другой мир, для которого хозяйственный прогресс не является столь уж органичным. Вот почему, соглашаясь с З. хозяйственного прогресса как с имманентом западной цивилизации, которая теперь, надо отметить, распространила себя повсюду, хоть и в разной мере, приходится сомневаться в безоговорочном принятии этого З. как всеобщего и повсеместного.

Много общественных З. в хозяйственной жизни выделяет современная наука и склонная к законотворчеству философия. Ничего плохого в этом нет, даже если и не все обозначенные З. находят безоговорочное подтверждение. В конце концов человек мыслящий строит свое идеальное представление об обществе, хозяйстве, жизни, позволяя себе кое-что из мыслимого возводить в ранг З. Как правило, это весьма получается, но иной раз выпадают и неудачи: истина на то и истина, чтобы не слишком даваться человеку.

Заметим, выведение тех или иных З. в общественном и хозяйственном бытии всего лучше удастся при рассмотрении собственно *механизмов бытия*, хотя бытие в целом и не механическое, но оно непременно механизменное. Как, к примеру, обойтись в Э. без денег — да никак!, — вот и рождается в бытии и в головах людей вполне механизменный, хоть и не механический, З. тех же денег. Сложнее обстоят дела с З. *онтологического* свойства, как и с З. *времени, изменения, развития*, одним словом — *истории*.

Онтология и история — вот где проблемы!

То, что человек есть *живое существо* — факт, пожалуй, что и З., а вот то, что человек, скажем... животное... уже не столь несомненный факт, тем более уж и не бесспорный З. В то же время человек — смертное существо, что, конечно же, З., а вот человечество, пожалуй, что и бессмертный феномен, что тоже З. То, что человек обладает *словом, языком и речью* — факт, а то, что он всего лишь «говорящее животное» — вряд ли, а потому это не факт и вовсе не З. Не называя навязчиво человека «общественным животным», нельзя не заметить, что человек — *существо общественное, и общественность* человека — со сло-

вом, языком и речью, как и с мышлением, трудом и творчеством — явный З. З. является и *материальность* человека и его *идеальность*, как и *природность* и... (sic!) *неприродность*, ибо зачем же тогда человеку не только вырываться из природного взаиморавновесия, но и переделывать целеустремленно природу? Человек общественен, но разве при этом нет борьбы за существование и любого вообще соперничества внутри человеческого сообщества, как, собственно, и солидарности, и согласия, и самопожертвования? Общественность — З., но и борьба людей между собой есть З., и взаимопомощь между людьми тоже З. А вот, к примеру, *иерархия* — З. или не З.? Похоже, что З., как и *разнообразие* людей и обществ, которое тоже З. В то же время *однообразие* и *равенство* на З. «не тянут», хотя, наверное, вполне возможен З. *единообразия* (в разнообразии и через него разумеется). Что вообще из возможного непременно считать З. — дело вкуса, но выводить кое-какие З. онтологического свойства вполне допустимо.

И если с онтологическим законотворчеством можно более или менее легко справиться, то с историческим это сделать труднее. Есть ли у истории З. и Зт.? Вопрос совсем не праздный, ибо здесь человек размышляющий до сих пор остается в недоумении: для одних интеллектуалов они есть, для других — нет. Можно, конечно, говорить о таком совершенно абстрактном З., как *закон усложнения исторического бытия*, чего, кажется, никак не проигнорировать, не преодолеть, не отменить, а потому и о *закон изменения*, *закон эволюции*, *закон развития*, как и о *закон движения (перехода) от простого к сложному*, но так же и о прямо наоборотных З. Вполне возможно, к примеру, выделение и таких абстрактных З., как *закон энтропии* (рассредоточения, угасания, смерти), так и *закон неэнтропии* (сосредоточения, расцвета, жизни). Целую группу З. и Зт. составляют, необходимо особо заметить, З. и Зт. *циклической динамики истории*, а также *синергетические* З. и Зт., отражающие абстрактные механизмы качественных превращений исторической реальности (*кризисов*, *бифуркаций*, *диссипаций* и *упорядочений*, *взаимопереходов хаоса и порядка*, аттракторов и т. д.). Все эти и им подобные абстрактные динамические феномены-процессы неизбежно замечаются в реальной истории и вполне оправданно представляются как ее З.

Однако здесь не все так уж просто и ясно: есть ли все-таки у истории, в самой ее реализации какая-нибудь *качественная определенность*, в динамике которой — от одного качества к другому — можно было бы узреть какой-нибудь З. либо, на худой конец, Зт.? Тем самым и попробовать уяснить, какое и чего же идет в истории усложнение, какая и в чем же происходит эволюция, какое и чего же осуществляется развитие? Речь здесь о самом качестве истории, мало того, еще и З. этого качества, его изменения — разве тут не головоломка? Да, можно поговорить о

законе перемен (как принято в Китае), о законе круговорота (или движении по кругу), о законе исторической спирали (что характерно для эзотерики), о законе отрицания отрицания (что признает диалектика). Но все-таки остается неясным, какое же историческое качество присутствует, движется и изменяется в истории?

Человеческое начало! Вполне, кстати, *идеальное*, совсем уж от духа — *мирового духа*. Может, как раз оно и является той самой качественной субстанцией, наполняющей историю и исторически в ней изменяющейся? А почему нет, коли речь идет о человеческой, а не какой-нибудь другой, истории. И что же это за начало? Ясно, что это то самое неприродное начало, которое сидит в человеке и делает человека человеком (материя, как и животность, не делает человека человеком; природность — еще не человечность). Человек где-то на разрыве с природой, в отрыве от нее, хотя он и в природе. Человек как бы из *ничто*, с *ничто* и для *ничто*. Человек *трансимманентен* и, соответственно, *трансцендентен*. А потому история его и есть то, чего нет, то, что есть *ничто*, но что при этом есть и *нечто*... но из *ничто*, что означает, что история есть что-то вроде *изменяющегося неприродного*, она есть движение — под диктовку *ничто* — *от природы к неприроде*, от одного *нечто* к другому *нечто*, однако обязательно через обязательное *ничто*. История — отрицание природы, движение к неприроде, очеловечивание природы, вызволение неприродного. И не основной ли тут проявляется 3. истории, и не главная ли здесь историческая 3т.?.. И не потому ли столь загадочно качествоопределение истории, как и всякое в ней качествообразование? История как неприрода, как неприродный процесс, как неприродное качество, а потому и как *ничто*. Качество истории — *ничто*, оно из *ничто* и в *ничто*. Но коль скоро дело идет в истории от природы к неприроде, то это и 3т., а в рамках уже совсем неприродного, т. е. от неприроды к неприроде (от одной неприроды к другой), то, наверное, 3. здесь станет уже *усложнение неприроды*, что то же самое — *идеального человеческого мира*.

Такова *телеология* человеческого бытия, самой истории. Отправной пункт известен — *природа!* А дальше: *от природы к неприроде!* Однако к какой же неприроде? Вот тут-то уже сплошные загадки: ясно, что к *какой-то* неприроде, надо полагать, и *конечной*. И если само движение очевидно, то почему бы не быть его вполне неизвестной, но и вполне обязательной, конечности, т. е. *эсхатологии* человеческого бытия, самой человеческой истории. Таким концом в любом варианте может стать только *другой* мир, в который человек идущий — от природы к неприроде — должен непременно попасть. История, выходит — от *нечто*, т. е. природы, к *ничто*, т. е. к неприроде, — и именно к *ничто*, поскольку сказать об этом *ничто* человеку действительно нечего. Тут уже сплошная

трансцендетность! А ведь это, кажется, непреложный З. и реализующаяся во что бы то ни стало Зт.!

История явно попахивает *диалектикой*, но той именно диалектикой, которая восходит к трансцендентному и с ним сопряжена, а потому и не столько в привычном понимании диалектикой, сколько особой *метадиалектикой*, не чурающейся даже откровенной парадоксальности, т. е. не соединения лишь прямых противоположностей, что, правда, уже весьма парадоксально, а соединения вообще никак не соединимого, что тоже в жизни случается — может, и как чудо. Если история цепко сопряжена с ничто, то можно предположить, что всякие в ней качества и качественные процессы, т. е. любое в ней нечто, тоже ведь из ничто, во всяком случае, через ничто, его посредство. Вот не было чего-то в истории, а вдруг — есть! И высказывает это что-то как-то совсем уж неожиданно — в существующем будто бы нечто, даже и из ничто, а посмотришь повнимательнее... из какого-то вполне действительного... ничто. Качество, т. е. нечто, появляется в истории прямо-таки парадоксально, без видимых причин и непосредственных воздействий. Революции, конечно, готовятся, но как внезапно они всегда вспыхивают! Недаром же диалектическая философия предпочитает более всего о качественных скачках говорить, а не о просто возникновении качеств. *Закон ничто* — великий З.!, — и нет никаких оснований его недооценивать и игнорировать.

Ничто — не пустота вовсе, это лишь что-то совсем другое — не видимое, что известно и действует, с чем человек взаимодействует, но чего как бы и нет. От этого ничто ведь и все нечто, все исторические качества и качественные процессы. Здесь себя проявляет *работающая трансценденция*. Людям чистой науки это трудно понять, но зато это часто доступно людям простого быта и сверхчувственной философии. В истории возможно лишь то, чего не может быть никогда! Ну, к примеру, те же Александр Македонский, Наполеон или Гитлер. Все эти персонажи были совершенно невозможны, но все они как раз и были — с малыми, заметим не без иронии, исходными силами. А Горбачев, а Ельцин? Откуда они все, почему и зачем, каким-таким закономерным образом? А вот историю человеческую все они лихо поворачивают и переворачивают. Не З. ли *исторической внезапности* тут действует? Кажется ведь, что из всего текущего нечто вроде бы ничего особенного выйти не должно, но вдруг все-таки выходит — совсем *новое*, ничем непосредственно предшествующим не обусловленное, никакой известной родительской парой не рожденное, — так не *ничто* ли историческое тут подыгрывает историческому *нечто*?

У истории только одно явное качество — *человечность* (не в этическом, а в онтологическом смысле). А копнешь эту самую человечность,

то немедленно и на трансцендентность выйдешь, т. е. на ничто. И за не-что тут всегда ничто: вот и растет история из *ничего*, опираясь, конечно, на нечто, его и изменяя. Откуда, к примеру, *творчество* в человеке, в том числе и историческое, если удовлетворение насущных потребностей вовсе не останавливает человека деятельного, да и никогда не остановит? Ладно бы воля к творчеству — она явно от неприроды, от ничто, ну а сами результаты творчества, ни природой, ни даже Богом не предусмотренные — они-то откуда?

Материальное и идеальное в бытии, в истории — не просто соединенные противоположности, — это, пожалуй, две соединенные между собой, к тому же и нераздельные, *парадоксальности*: убереди одну из них — и нет мира, а что же их тогда объединяет, что это третье — соединяющее, кроме самого мира, который уже результат, а что именно от начала: энергия, информация, слово, Дух? А, может, и впрямь *парадокс* — он-то как раз и лежит в истоке и основании мира? Выходит, что в истоке и в основании человеческой истории оказывается более всего *закон парадокса*, т. е. всегда есть что-то в истории очень важное, что вроде бы никак и никогда быть не может, что логичным и вполне допустимым кажется лишь апостериори — после своего свершения, а не до свершения, т. е. никак уж не априори. Даже предсказания Нострадамуса апостериори представляются вполне верными, а вот априори его же сентенции как-то трудно принять за вполне возможные, не то что реальные. История не стихийна, она к тому же и делается, творима, управляема, но таким образом, что качественный З. или хотя бы Зт. в ней прослеживаются, если вообще замечаются, лишь апостериори. Выходит любопытная — и вполне, надо заметить, парадоксальная — вещь, что З. или Зт. не предшествуют реальному историческому процессу, а в нем самом как раз и образуются. Обращает на себя внимание и тот факт, что З. и Зт. в истории... не препятствуют истории быть достаточно *вольной*, или *импровизационной*, как бы и *беззаконной*.

Общее *усложнение*, разумеется, не прямолинейное, общественного бытия и самой истории вполне фиксируется человеком познающим, причем фиксируется именно как З. и Зт. Законом может являться, по видимому, и *возможность всеобщего конца* — хотя бы через вхождение в какой-то иной мир, может быть, самим человеком и построенный или приближенный. Законом, наверное, является и само *стремление к новому* — даже и *неизвестному*. Человек явно рвется из этого — земного — мира в какой-то иной — неземной — мир (недаром же все в истории от природы к неприроде). Спрашивается, можно ли говорить о З. *возвышения* человека, его бытия и истории? Наверное, да, но вот как понимать это возвышение — к Богу или перед Богом, а то и за Бога?..

Общественные З. и Зт., конечно, есть, но, во-первых, очень специфические по своей природе — неприродной природе; во-вторых, никак историю не стесняющие, разве лишь аттракционно направляющие; в-третьих, вершимые самим человеком — пусть и не всегда и не во всем осознанно; в-четвертых, познаваемые, но... мало чем сами по себе пригодные, ибо не мешающие и не могущие мешать историческому творчеству.

Марксистская научно-философская школа настаивает на *законе развития производительных сил*, влияющем и на развитие — изменение качества — общества и истории. Да, развитие производительных сил есть, его никто не отрицает, так же как и есть влияние развития производительных сил на общество, его развитие. Наличие такой Зт. не вызывает сомнения. Но возникает вопрос: производительные силы, даже и труд среди них, разве сами по себе развиваются, без участия творческого начала и его реализации в человеке и обществе? Хорошо сказать, что колесо изменило мир, а откуда же колесо-то вдруг взялось, не из воображения ли человеческого, не из человеческой ли по происхождению *виртуальности*? Тогда что же заставляет человека создавать новое, причем природой особенно и не предусмотренное? Насущные потребности? Ой-ли, так уж всегда и везде насущные потребности (если колесо и возникло, возможно, из насущных потребностей — перемещения и передвижения по земле, то из каких-таких насущных потребностей возникло, к примеру, посещение человеком Луны?). Развитие производительных сил не объяснить только из... развития производительных сил. А потому вряд ли предлагаемый марксизмом З. можно принять за всеобщий З. истории — самой по себе истории. Иное дело: стремление к развитию производительных сил — тут уже есть что-то и от истории, ее человечности, сознательности, креативности. Развитие производительных сил — не причина истории, а ее следствие, — и вот уже как следствие может почитаться и за З. истории.

Равным образом обстоят дела и с другим претенциозным З. марксизма — *закон базиса* (производства) и *надстройки* (всего остального в обществе). Даже если признать, что производством является лишь производство потребительных благ, хотя вся жизнь человека есть производство — производство к тому же и самой жизни, то трудно все же согласиться с утверждением, что это самое производство определяет все остальное в обществе: политику, этику, идеологию, культуру, религию и т. д., хотя известное влияние в широком и синонимическом понимании производственной, хозяйственной или экономической сферы на все общество, конечно же, имеет место. Вряд ли правомерно производство (хозяйство, экономику) почитать именно за неумолимо определяющий все и вся в обществе и истории базис, а все остальное в обществе и ис-

тории — непременно подчиняющуюся базису надстройку. Не отрицая «указующей» связи производства (хозяйства, экономики) со всем как бы непроизводственным (нехозяйственным, неэкономическим), правильнее было бы все-таки оставить за обществом и историей возможность все-стороннего самотворения, в том числе и того, что марксизм называет производством. Велико значение производства, но оно ведь и само есть момент общественно-исторической целостности, ей подчиняющийся.

Любят марксисты и ставить во главу угла в обществе и его развитии, в самой истории, *феномен собственности*, ее превращения, системы, механизмы и формы. Да, собственность имеет громадное значение в человечестве, она близка к основанию его жизнедеятельности и вообще бытия. Сам по себе феномен собственности — З., ибо восходит он к неизбежному присвоению, потреблению, обособлению. Но тут опять же встает вопрос: а откуда берется именно *эта* собственность, а не какая-нибудь другая? — т. е. факт собственности — З., конкретная бытующая собственность — тоже З. (раз она есть), но возникновение именно *этой*, бытующей, а не какой-нибудь другой собственности есть следствие чего — какого-такого З. собственности, или же вовсе и не З. собственности, а чего-то совсем другого? Вот и получается, что собственность сама есть следствие чего-то более глубокого и общего, того, что как раз и восходит, или нисходит, к качеству самого общества и его текущей истории.

Общественные З. и Зт. в действительности есть, в особенности простые — их и трактуют упрощенно как некую явно повторяющуюся или же просто длящуюся *обязательность*, но что касается сложных З. и Зт., то с их трактовками все не так просто — тут нужно учитывать и некую *незаконность* самих этих З. и Зт. (они есть, конечно, они должны быть, но вроде бы их и нет, да, пожалуй, и не должно быть). Законность, к примеру, того же исторического бытия сопряжена с его же незаконностью, а потому суждение о З. и Зт. свершающейся истории должно быть в высшей степени тактичным, т. е. принципиально неполным.

Неполнота бытия — неполнота знания — неполнота и заключений!

Ю.М. ОСИПОВ

Слово о войне, великой победе и о нас с вами*

Аннотация. Вторая мировая война характеризуется как великое сакральное событие в борьбе человечества против и за самого себя, а Великая Отечественная война — как решающий фактор этой борьбы, обусловивший Великую Победу.

Ключевые слова: война, Вторая мировая война, история, Победа.

Abstract. World War The Second is characterized as a great sacral event in the struggle of mankind against and for itself, and the Great Patriotic War is this struggle's determinant that caused the Great Victory.

Keywords: war, World War the Second, history, the Victory.

ВОЙНА.

Мягкое, без «р» и без «д», слово, но какое задевающее, волнующее, тревожащее! От воя, крика, шума. Вперед, в атаку, на штурм — в полный голос — с шумом, криком, воем, назад — уже молча, может, со стоном, а уж в бегство — стиснув зубы от отчаяния и страха.

ВОЙНА.

Была, есть и... не хочется верить, но... будет! Пока, во всяком случае, в обозримом будущем.

Сегодня, правда, война по большей части или в проекте, или на экране, или где-то от нас далеко, не рядом, не здесь, хотя, как и что понимать — взрыв в московском метро — тоже война, где тоже вой, крик, шум — более всего уже от стонов раненых, криков выживших и воя мятущихся.

Войны — они разные.

Есть война и война.

Самой страшной считается война гражданская, междоусобная, когда брат на брата идет, смерть брату беспощадно выкликают.

Но есть и другая не менее страшная война — тотальная.

Вот такую войну и пережил в 1941—1945 г. наш, тогда советский, народ — Великую Отечественную войну, которая вовсе не эпизодом историческим стала, как та же Отечественная война 1812 г., а чуть ли не целой эпохой — ВОЙНОЙ, в которую вместились столько энергий,

---

* К выходу в свет: Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К, 2010. — 512 с.

событий, судеб, жизней, смертей, переживаний, деяний, происшествий, поражений, подвигов, побед, срывов, падений, взлетов... о-о!... что не на один век хватит!

То была война не армий только, но и не самих по себе народов, государств, стран, цивилизаций, то была война *человека с человеком*, причем война всеобщая, полномасштабная, тотальная — недаром же она до сих пор называется *мировой*, следственно, войной *мира с миром*, когда мир человеческий воюет сам с собою, а любые вожди, народы, государства и армии — всего лишь отдельные участники всемирного, но не по одному лишь масштабу, а по самой своей сути, действия, превращающегося вдруг в целую эпоху.

Что-то же случилось в мире человеческом, ежели он поднялся сам на себя, хотя и в образе разных миров, схватившихся друг с другом не на жизнь, а на смерть (до полной капитуляции врага и Страшного над ним суда, еще человеческого — того же Нюрнбергского!). И хотелось бы знать — *что же?*

Тут сама история важна — с ее «отходом» в Европе от Христа, алчностью человеческой, строительством нового, уже и антихристианского мира, колониальными захватами, явлением мира вполне уже безбожного, ну и, разумеется, со стремлением к господству над миром человеческим — кто же в таком разе над миром господин? Вот и сплелось все в одно историческое время, и вспыхнуло, и разразилась мировая война, которая как раз и стала войной человека с человеком, по своему и аналогом войны гражданской — при этом еще и тотальной, и война эта вдруг показалась целой эпохой, став тогда решающим фактором всего земного бытия.

А для страны нашей, тогда СССР, война эта стала войной вовсе не за богатство какое-нибудь, не за ресурсы, не за наследство чье-нибудь, не за территорию даже, не за идею и не за религию, даже не за себя, а за самую *жизнь человеческую!* И было это нашими предками, мужчинами и женщинами, отцами и матерями, даже и всеми детьми тогдашними, почему-то вдруг глубоко и окончательно осознано, и поднялись они на противника — врага, и сразились с ним — на фронте и в тылу, по всей стране, и потеряли народа видимо-невидимо, и поражений страшных натерпелись, и побед ярких вкусили, и, наконец, саму Великую Победу одержали, уничтожив врага своего начисто — который с оружием в руках все еще пребывал.

И стало вдруг понятным тогда, что война шла не человека с человеком, хотя так оно и было, а, скорее, человека с *не-человеком*, со зверьем мира человеческого, с миром *не-человеческим*, преисподним — потому-то и сопротивлялся этот мир нечеловеческий, зверский и адовый столь яростно и до самого своего конца.

Нет, не над Германией, Японией или Италией была одержана тогда победа, вовсе нет, а была она одержана над самим античеловеческим, воистину и дьявольским, началом, высвободившимся вдруг, сосредоточившимся, собравшим силы и бросившимся крушить и завоевывать под себя мир человеческий.

Так что мистической то была война, мистической, и сотни миллионов ее участников (на фронтах и в тылах), как и десятки миллионов ее прямых жертв — непосредственное и открытое тому подтверждение. Священная то была война — СВЯЩЕННАЯ!

Еще недавно у нас обычно говорили, что в каждой семье потери: дед, отец, сын, дочь, муж, жена, дети. Да, война коснулась каждой семьи, и мало какой семье удалось избежать горестных потерь — как фронтовых, так и по-обыкновенному тыловых. Но разве блокадный Ленинград был тылом? А какой-токой тыл представляли собой оккупированные врагом области и города? Вся страна была тогда военной, если не фронтовой. Воевали все народы, все население, весь люд. Воевал тогда каждый!

Сегодня мы уже говорим о потерях не столько в семьях, сколько в родах, среди предков, благодаря жертвенному подвигу которых, мир человеческий, Родина наша, все поныне живущие себя отстояли, противопоставив тотальной гибели тотальную жизнь.

И все мы не только склоняем голову перед нашими героическими предками — тогда погибшими и тогда выживавшими, но и восхищаемся их, этих наших предков, *необыкновенности* — как ушедших тогда в иной мир, так и оставшихся в мире этом, их потрясающей ответственности, неприхотливости, мужественности, но никак не обреченности, не покорности, не расслабленности. Да-а, были люди — ЛЮДИ! — и с какой же честью они вышли... э-э... нет, не из испытания, пусть и жестокого, а из чего-то, чему и слово-то подобрать трудно, хотя оно и есть, и его все вокруг легко и быстро произносят... а-а... да-да... из ВОЙНЫ, которая ведь не войной даже была, а чем-то другим, чему как раз слова-то подходящего в словаре и нет.

ПАМЯТЬ.

Это совсем не то, что каждому обычно приходит на ум при произнесении этого слова, ибо это ведь вся история, вся жизнь, все вокруг происходящее. И помнить о войне — это не значит ее не забывать, это значит прежде всего ее верно понимать. Помнить — понимать! Близкие слова, и не только по звучанию, но, думается, и по смыслу, и по их рождению.

Нравится это кому-то или нет, но все мы обязаны не просто помнить о войне, ее жертвах, а и думать о войне, ее знать, всегда иметь в виду, учитывать и, как, быть может, для кого-то ни прискорбно, быть

готовыми к войне, ее видеть, предусматривать, предотвращать, но и... *участвовать* в войне, что не означает быть обязательно в гуще боевых действий, а всего лишь дух свой гражданский, отечественный, человеческий не распускать, не забывать о единении и дееспособности, о том, что мы все вместе, и только все вместе, можем быть с историей, с прошлым, настоящим и будущим, с самим наличествующим бытием.

Помнить о прошлой войне — великой, кровавой, страшной — помнить не только о навсегда ушедшем, но помнить и о текущем, о ныне существующем, о сейчас происходящем, — обо всем этом тоже надо помнить и хорошо помнить! — чтобы не откликнуться в случае чего на суровую реальность бесполезным пустозвонством да самоубийственным непотребством.

Локальные войны сегодня — дело обычное, и раньше такое бывало, и пиратство есть сегодня, и терроризм, и бандитизм. Разве лишь нет сегодня большой войны. Она вроде бы и невозможна: риск велик, причем уже для всего человечества, для всей планеты, даже и для всей жизни на Земле. Но это не мешает почему-то человечеству, вроде бы весьма сытому и просвещенному, испытывать потребность в войне, да еще и войне тотальной, а местами и временами о такой войне попросту грезить, усиленно к ней готовясь. Так что мир человеческий вовсе не лишен и сегодня потенции к мировой войне, которую уже окрестили заранее по возможной ее мощи и тотальности Армагеддоном, что то же самое — войной всех против всех. Вот и получается, что мир миром, а война — войной!

Великая Победа нас всех до сих пор воодушевляет (это ведь не победа на Олимпийских играх), она нас многому учит — волей-неволей, образумляет.

УРОКИ ПОБЕДЫ!

Их много, и они разные.

И среди них главный состоит в осознании одной простой вещи (вести) — быть всегда и везде достойным Великой Победы, этого самого на сегодняшний день достойного достояния нашей Отчизны!

С.М. МИРОНОВ

Важная историческая задача*

Аннотация. Приветственное слово Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронова, предваряющее материалы V Малого университетского форума «Российское перестроение: социум, политика, экономика».

Автор отмечает, что техническая модернизация — лишь часть модернизационного процесса, и подчеркивает, что необходимы глубокие социохозяйственные перемены, в основном институционального характера. В заключение говорится, что выводы участников форума будут полезны широкому кругу читателей.

Ключевые слова: российское перестроение, мобилизация, технологическое развитие.

Abstract. The welcoming words of the Chairman of the Council of the Federation of Federal Assembly of Russian Federation S.M. Mironov that premise the materials of the Vth Small university forum «Russia rebuilding: society, policy, economy».

The author notices that technical modernization is only a part of modernizing process, and underlines that deep social-economic changes are needed, ones of institutional character basically. In conclusion there is said that ideas of the participants of the forum will be useful to a wide range of readers.

Keywords: Russia rebuilding, mobilization, a technological development.

Я с большим удовольствием представляю читателям материалы V Малого университетского форума, который состоялся 2 — 4 декабря 2009 г. Как и предыдущие четыре форума, он был проведен при поддержке Совета Федерации на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. На этот раз главную тему своих дискуссий ученые сформулировали так: «Российское перестроение: социум, политика, экономика».

---

* К выходу в свет кн.: Российское перестроение: социум, политика, экономика. По итогам международной научной конференции — V Малого университетского форума «Российское перестроение: социум, политика, экономика» 2, 3 и 4 декабря 2009 г. — М., 2010. — 167 с.

Сегодня можно определенно говорить о том, что российское общество вступает в новый этап своего развития. Пережив радикальные социально-экономические реформы, пройдя затем период стабилизации хозяйства и общества, Россия становится на путь всестороннего обновления и преобразования, который обозначен руководством нашей страны как модернизация.

Обсуждая проблемы и задачи этого этапа, часто делают акцент на обновлении и структурной перестройке производственной базы, на оживлении инновационной составляющей национального хозяйства. Учитывая накопившийся за последние два десятилетия износ и устаревание основных фондов, а также необходимость ускорения технологического развития, это представляется вполне понятным, оправданным и своевременным.

Однако техническая модернизация — это лишь часть комплексного модернизационного процесса. Она может привести к желаемым результатам только при успешной мобилизации созидательных сил нации и всех необходимых ресурсов, при обеспечении хорошо продуманного и эффективного их использования. А это значит, что ее ход неизбежно должен сопровождаться, а в известной мере и предопределяться, значительными социохозяйственными переменами. И среди таких перемен, главным образом, институционального характера, особое значение имеют те, которые разворачивают хозяйство и общество к производительному труду, творчеству, знанию, образованию, интеллекту, инновациям, ведут к возрождению духа и самоидентификации как передовой, совершенствующейся и устремленной в будущее цивилизации. Это важная историческая задача, значение которой далеко выходит за рамки сегодняшнего дня и ближайшего временного горизонта.

Уверен, что знакомство с дискуссиями и выводами участников форума по самым актуальным проблемам развития России будет не только полезным, но и очень интересным для широкого круга читателей.

С.Ю. ОРЛОВА, Е.В. БУШМИН

Творческая дискуссия*

Аннотация. Статья является предисловием к материалам V Малого университетского форума «Российское перестроение: социум, политика, экономика». Авторы — заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.Ю. Орлова и Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету Е.В. Бушмин, подчеркивают, что мнения и выводы участников форума сегодня весьма полезны для лиц, принимающих решения, для управленческих структур, обсуждающих вопросы перехода хозяйства и общества России к этапу всесторонней модернизации.

Ключевые слова: хозяйство, общество, мобилизация, инновации, развитие.

Abstract. The article is the foreword to the materials of Vth Small university forum «Russia rebuilding: society, policy, economy». The authors are the Vice-chairman of the Council of the Federation of Federal Assembly of Russian Federation S.Yu. Orlova and the Chairman of the Budget Committee of the Council of the Federation of Federal Assembly of Russian Federation E.V. Bushmin, they notice that opinions and conclusions of participants of the forum are very useful today for those who make decisions. For the administrative structures discussing questions of transition of Russian economy and society to the stage of all-round modernization.

Keywords: economy, society, mobilization, innovations, development.

В российских управленческих структурах, в политических кругах, в научно-экспертной среде ныне широко обсуждаются вопросы перехода хозяйства и общества России к этапу всесторонней модернизации.

Необходимость и своевременность такого перехода никем не оспариваются, но что касается самой возможности перехода и способов его реализации, то это остается предметом оживленной и неугасающей дискуссии.

---

* К выходу в свет кн.: Российское перестроение: социум, политика, экономика. По итогам международной научной конференции — V Малого университетского форума «Российское перестроение: социум, политика, экономика» 2, 3 и 4 декабря 2009 г. — М., 2010. — 167 с.

Ни для кого сегодня не секрет, что сложившаяся в стране социохозяйственная система не отличается восприимчивостью к обновлению, реструктуризации и прогрессу, она не слишком обременяет себя заботой о росте эффективности и конкурентоспособности производства, создании и внедрении новых технологий и продуктов, довольствуясь энерго-сырьевой и потребительской ориентацией национального хозяйства, эксплуатацией унаследованных от прошлого, разумеется, уже по большей части изношенных и морально устаревших, производительного аппарата и инфраструктуры.

Отсюда насущная потребность в осознании не только необходимости во всеохватывающей модернизации, но и необходимости в серьезных переменах в социальной и институциональной сферах, в самих способах хозяйствования и капиталоприменения, как раз во всем том, без чего никакая глубокая и масштабная модернизация состояться попросту не может.

Речь идет так или иначе о создании отправных условий модернизации; об оживлении, усилении и подъеме ее движущих сил; о мобилизации всех необходимых для этого ресурсов; об активной поддержке всех возможных очагов обновления; о формировании в стране модернизационного сектора.

Кратко выражаясь, речь идет о модернизации контекста модернизации, что можно в современной России проделать лишь по инициативе и при активном участии национального государства.

Проблема перехода страны к этапу модернизации была всесторонне обсуждена на пятой сессии Малого университетского форума, проводимого на базе Московского государственного университета при неизменной поддержке Совета Федерации и Комитета Совета Федерации по бюджету. Очередное заседание форума прошло 2 — 4 декабря 2009 г. по теме «Российское перестроение: социум, политика, экономика». На форуме были высказаны различные мнения по актуальной и сложной проблематике, носившие не только оправданно критический, но и вполне конструктивный характер. Главная идея форума, обсужденная и в целом поддержанная в ходе оживленной дискуссии, состояла в том, что России предстоит не просто модернизация, понимаемая в основном как обновление и частично как реструктуризация, а модернизация, трактуемая не только как обновление и реструктуризация, но и как глубокая и масштабная социохозяйственная реконструкция, условием и механизмом которой как раз и оказывается то, что было на форуме обозначено как **российское перестроение**.

С мнениями участников форума и его итоговыми документами можно соглашаться и не соглашаться, но проходить мимо них вряд ли целесообразно: они побуждают не к одним лишь абстрактным раз-

мышлениями, но и к кое-каким потребным сегодня важным решениям и действиям.

М.Г. ПОКИДЧЕНКО, Е.Н. КАЛМЫЧКОВА

Десять лет серии «Российская экономическая мысль»

Аннотация. В статье рассматривается история создания и дается представление об изданной в первое десятилетие XXI в. серии книг «Российская экономическая мысль».

Ключевые слова: экономика, история экономической мысли, российская экономическая мысль.

Abstract. In the article the history of creation is considered and representation about published in the first decade of XXI century of a series of «Russian economic thought» books is given.

Keywords: economy, history of economic thought, the russian economic thought.

Двенадцать лет назад в лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, возглавляемой профессором Ю.М. Осиповым, зародилась идея переиздания работ выдающихся российских экономистов второй половины XIX — начала XX в.

Этот период был выбран не случайно.

Именно во второй половине XIX в. началась активная индустриализация России, и уже в конце XIX в. Россия по темпам экономического развития вышла на первое место в мире. Не меньшие успехи продемонстрировала и российская экономическая наука, которая на рубеже XIX и XX вв. вошла в число мировых лидеров, наряду с Англией, Францией, Германией, Австрией, США и Италией. Под лидерами в науке мы имеем в виду страны, чьи представители выдвигали оригинальные теории, получившие признание в других странах.

Из российских экономистов, выдвинувших российскую науку в число лидеров, можно выделить М.И. Туган-Барановского с его первой в мире эндогенной теорией экономического цикла и социальной теорией распределения, российских маржиналистов В.К. Дмитриева и Е.Е. Слуцкого, российских институционалистов — П.Б. Струве и С.Н. Булгакова, историка-экономиста И.М. Кулишера, открывателя «больших» экономических циклов Н.Д. Кондратьева, автора теории трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянова, создателей первых в мире моделей экономического роста — В.А. Базарова и Г.А. Фельдмана, разработчиков теории межотраслевого баланса, кото-

рую завершил В.В. Леонтьев, и создателя теории линейного программирования Л.В. Канторовича.

Но помимо этих теоретиков мирового уровня нам необходимо помнить имена и знать работы ученых, которые очень много сделали, если не для мировой, то для российской экономической науки. Для современных российских экономистов, в том числе для студентов, важно представлять, как развивалась наша отечественная экономическая наука, как создавалась та научная среда, которая в итоге породила великие открытия, ставшие известными во всем мире.

Эта задача и была поставлена перед собой коллективом создателей серии «Российская экономическая мысль» (РЭМ). Непосредственный отбор работ для публикации, написание вводных статей и научного комментария были поручены доктору экономических наук М.Г. Покиденко и кандидату экономических наук Е.Н. Калмычковой. Финансирование публикаций осуществлялось за счет грантов РГНФ.

Какие же книги удалось опубликовать за прошедшие десять лет?

Первой книгой серии РЭМ, вышедшей в 1999 г., были «Избранные труды» Ивана Кондратьевича Бабста (1824 — 1881), который был профессором Московского университета с 1856 по 1874 гг. До этого он преподавал в Казанском университете, где 6 июня 1856 г. сделал доклад «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», который прославил его на всю Россию. В этом докладе, предвзяя реформы Александра II, Бабст высказал ряд либеральных идей о развитии народного хозяйства России. Следующий доклад на эту тему он сделал через шесть лет уже в Московском университете («Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства», 1860 г.). Здесь он подвел итоги развития капитализма в России за этот период, указав как на позитивные, так и на негативные черты растущего рыночного хозяйства.

В целом Бабст много внимания уделял практическим вопросам российской экономики второй половины XIX в. Закономерным итогом этого стало приглашение его в 1871 г. на пост председателя правления крупнейшего в Москве кредитного учреждения — Московского купеческого банка, на котором он оставался до 1878 г. Как теоретик, Бабст был пропагандистом идей новой для того времени исторической школы Германии, переводчиком сочинений одного из ее родоначальников В. Рошера, с которым он имел личные контакты, и одним из первых представителей исторической школы в России. Будучи также преподавателем политической экономии наследника престола Николая Александровича, Бабст живо и интересно описал путешествие наследника по России (частично это сочинение приводится в «Избранных тру-

дах)), затрагивая в то же время актуальные проблемы развития отечественного народного хозяйства.

Следующей книгой серии РЭМ, опубликованной в 2001 г., были «Избранные труды» В.П. Безобразова. Следует отметить, что для этой книги было написано два предисловия. Наряду с профессором М.Г. Покидченко предисловие написал молодой американский ученый, специализирующийся на российской экономической мысли, Крис Мондэй. Это позволило представить творчество В.П. Безобразова более разносторонне.

Владимир Павлович Безобразов (1828 — 1889), будучи представителем старинного дворянского рода, всю жизнь провел на государственной службе. Он служил в разное время в Министерстве государственных имуществ, в Военном министерстве и больше всего в Министерстве финансов. В конце жизни он стал сенатором. Но в то же время, он преподавал в Александровском (бывшем Царскосельском) лицее финансовое право и политическую экономию, был преподавателем и у великих князей, а также опубликовал весьма значительное число сочинений по самым разнообразным проблемам российского народного хозяйства. Безобразов не был экономистом-теоретиком, но его общая позиция была неизменно либеральной. За свою научную деятельность он был избран в Академию наук.

Одним из его наиболее оригинальных начинаний, имевшим в то же время большой успех и общественный резонанс, были так называемые «Экономические обеды». История их такова. В конце 1850-х годов петербургские либералы задумали учредить политико-экономическое общество, но разрешение получено не было. Тогда Безобразов предложил устраивать частные обеды, за которыми обсуждались бы экономические проблемы. И вот, как писал известный историк российской науки профессор С.А. Венгеров, «раз в месяц собирались в одном из ресторанов Петербурга экономисты, государственные деятели — нередко министры и их товарищи (заместители) — и представители *haute finance* (делового мира). Как во время обеда, так и после него происходили оживленные беседы на тему, заранее объявленную. Избранный состав аудитории побуждал ораторов основательно подготовляться, и благодаря этому застольная беседа превращалась в серьезное совещательное учреждение по вопросам русской финансовой политики». Всю жизнь Безобразов был их бессменным организатором.

В 2003 г. вышла третья книга в серии РЭМ «Историки экономической мысли России», в которой были переизданы три работы рубежа XIX — XX вв. по истории российской экономической науки В.В. Святловского и М.И. Туган-Барановского, а также впервые опубликована на русском языке обширная статья В.Я. Железнова, которая пер-

воначально вышла в 1927 г. в Вене на немецком языке и была переведена для настоящего издания профессором М.Г. Покидченко. Имя М.И. Туган-Барановского сейчас уже достаточно известно, но о Святловском и Железнове надо сказать несколько слов.

Владимир Владимирович Святловский (1869 — 1927) был прежде всего историком экономических учений и преподавал в Петербурге как до, так и после революции. По своим теоретическим взглядам он был близок к новой исторической школе Германии, особенно к Л. Brentano, о котором написал специальную работу.

Владимир Яковлевич Железнов (1869—1933) преподавал сначала в Киеве, а затем в Москве и был известен прежде всего своим учебником «Очерки политической экономии», который выдержал восемь изданий и был даже переведен в Германии. До революции Железнов принимал также активное участие в кооперативном движении, а в 1920-е гг. работал в Наркомате финансов. Что касается статьи, опубликованной в этой книге, то ее история такова. В 1927 г. в Вене отмечался 75-летний юбилей известного ученого, представителя австрийской школы Ф. Визера. В связи с этим было решено издать фундаментальную четырехтомную работу «Экономическая теория современности», главы для которой были приглашены писать ведущие экономисты со всего мира. Поэтому рядом с Железновым, написавшим главу по истории экономической мысли России, стоят такие имена, как А. Афталион, А. Амонн, Д.Б. Кларк, Д.Р. Коммонс, К. Диль, Л. Эйнауди, Р. Эли, Ф. Феттер, И. Фишер, Э. Ледерер, Р. Лифман, Э. Линдаль, Л. Мизес, О. Моргенштерн, Ф. Оппенгеймер, А. Пигу, Ж. Пиру, Й. Шумпетер, А. Вебер, К. Виксель и др. В статье Железнова для нас важно то, что история экономической науки России была доведена здесь до середины 1920-х годов и в то же время была написана без большевистской идеологической цензуры.

В том же 2003 г. в серии РЭМ была издана «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова. Хотя она выходила хронологически за рамки представляемого серией РЭМ периода (вторая половина XIX — начало XX вв.), было решено переиздать ее в связи с 350-летним юбилеем этого знаменитого в российской истории сочинения. Предисловие к этой книге написал профессор Ю.М. Осипов — творчество Посошкова, безусловно, можно отнести к проблематике философии хозяйства. Иван Тихонович Посошков был гениальным самоучкой, которому петровская эпоха открыла путь от простого ремесленника не только к предпринимательской деятельности, но позволила ему стать писателем-реформатором. Будучи глубоким и разносторонним мыслителем, он в своих более ранних сочинениях предлагал реформы в армии, размышлял о православной вере и морально-этических нормах поведения

в семье и обществе. Его итоговое произведение «Книга о скудости и богатстве» также объединяет проблемы богатства не только материального, но и духовного. Именно «духовности» посвящена первая глава его книги, далее следуют главы «О воинских делах» и «О правосудии» и лишь затем он переходит к экономическим проблемам и заканчивает главой «О царском интересе», т. е. об интересе государства, интересе нации. Примечательно, что адресуя книгу Петру I, Посошков просил сохранить его имя в тайне, т.к. думал только об общей пользе, а не о славе и наградах.

В 2004 г. в серии РЭМ вышла книга И.М. Кулишера «История русского народного хозяйства». Предисловие к ней написал известный петербургский историк российской экономической мысли С.М. Виноградов — Иосиф Михайлович Кулишер (1878 — 1933) был последним и самым крупным представителем исторической школы в России. Поэтому в советский период его жизни он подвергался все большей критике, а затем был надолго забыт, хотя на Западе его работы были переведены на ряд языков и вызывали живейший интерес у всех ведущих историков-экономистов. Даже у современных западных историков встречаются ссылки на книги и статьи Кулишера, поскольку они отличались не только оригинальностью мысли, но и предельной научной добросовестностью в использовании фактического материала.

Следующая книга в серии РЭМ вышла в 2005 г. Это были «Избранные труды» И.И. Янжула. (Предисловие написано московским историком российской экономической мысли М.М. Савченко). — Академик Иван Иванович Янжул (1845 — 1914) долгое время преподавал в Московском университете на кафедре финансового права, затем в 1895 г., после избрания его действительным членом Академии наук, переехал в Петербург. Научные публикации Янжула были посвящены различным аспектам государственного регулирования экономики, но он не был убежденным «дирижистом», считая, что усиление или ослабление государственного вмешательства в хозяйственные процессы должно соответствовать реальной ситуации в экономике. Единственная сфера в народном хозяйстве России, где государственное регулирование должно было, по его мнению, усиливаться и совершенствоваться — это положение трудящихся.

В 1880-е гг. Янжул, как в теории, так и на практике, участвовал в разработке первых в России законов, улучшающих и охраняющих права рабочих, а в 1882 г. стал, наряду с преподаванием, фабричным инспектором Московского округа. Вскоре небывало честный, не берущий взяток инспектор оказался в конфликте с московскими фабрикантами, которые в конце концов добились его ухода с этой должности. Значительную часть «Избранных трудов» И.И. Янжула составляют его

«Воспоминания о пережитом и виденном», дающие интересную информацию об экономической и общественной жизни России второй половины XIX — начала XX в.

И наконец, в 2009 г. в серии ЭМ вышла книга «Социальная теория распределения», в которой представлены работы трех крупных российских экономистов начала XX в. — С.И. Солнцева, М.И. Туган-Барановского и А.Д. Билимовича.

Впервые работа Туган-Барановского «Социальная теория распределения» была издана в 1913 г. одновременно в России и в Германии и сразу получила широкий международный резонанс, который был связан не только с новыми теоретическими положениями, но и актуальностью так называемого «социального» или «рабочего» вопроса. В конце XIX в. борьба за права трудящихся привела к активной разработке их правовой и экономической базы (создание и совершенствование законодательства, системы арбитражных судов и т.д.) в Западной Европе и США. Россия отставала в этом вопросе в области государственной практики, но не в области теории. В частности, «социальная теория распределения» Туган-Барановского родилась не на пустом месте и в свою очередь подхлестнула дискуссию на эту тему. Эта дискуссия достаточно полно отражена в данной книге. Интересно, сами авторы стоят на разных теоретических позициях: Туган-Барановский выступает в данном случае как институционалист, Солнцев как «критический марксист» и Билимович как маржиналист. В представленных в книге работах, особенно у Солнцева и Билимовича, дается широкий обзор взглядов других авторов, что заслуживает особого внимания. Поскольку «социальный вопрос» актуален и в современной России, данная книга может послужить его осмыслению.

Подводя итоги, можно сказать, что коллективу, создавшему серию «Российская экономическая мысль», удалось вернуть в широкий читательский оборот целый ряд сочинений выдающихся российских экономистов, интересных не только с исторической точки зрения, но актуальных для современной экономической науки России, поскольку поднимаемые в этих сочинениях проблемы во многом схожи с экономическими проблемами сегодняшнего дня.

Э. ШАЦ
TRATTATELLO*

Федору Гиренку

Собор Василия Блаженного
как первобытная пещера

Э.Ш.

Я — ночь
Мой дом — пещера
В ней алфавиты я черчу
И не боюсь (или боюсь)
воображение непостижимое объять —
Зачем? Молчу
и молча в нём живу
объята и обуяна Вселенной
чувства-вообще открыв
и в одиночество укутавшись
мир априори мыслю
или рисую мир-с-конца
и языку не подчиняясь
я невнушаемым питаюсь:
в нем голос самого себя
ищу, и слышу, наконец
те смыслы, что возникают
на точке сингулярной
Мёбиуса текучего кольца
там, где извне или наоборот
перетекает время без конца

Москва 27.4.2010

---

* Малый трактат (итал.).

Отклик на: Гиренок Ф.И. Аутография палеолитического искусства // Философия хозяйства. 2009. № 5.

6 апреля 2010 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Цена в современной экономике: практика, теория, концепция», в котором приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, С.П. Макаров, А.А. Олейников, И.В. Пшеницын, И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина; кандидаты наук П.П. Жуликов, В.В. Липов (Харьков, Украина), В.А. Ушанков (СПб.), аспирант С.А. Сысоев (Минск, Белоруссия), предприниматель Т.В. Воеводина (Московская обл.).

* * *

22—23 апреля 2010 г. в рамках Международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: роль университетов» прошли заседания секции лаборатории философии хозяйства «Мобилизационный потенциал для инновационного развития национальной экономики», включившие в себя пленарное заседание (руководитель — д.э.н., профессор Ю.М. Осипов) и заседания двух подсекций — экономической (ведущие — д.э.н., профессор А.Ю. Архипов, к.э.н., профессор В.В. Кашицын) и философской (ведущие — д.э.н., профессор И.Р. Бугаян, д.э.н., профессор В.Т. Рязанов, д.ф.н., к.э.н. К.В. Молчанов).

В работе секции приняли участие более 100 человек, представляющих вузы и организации Российской Федерации (Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Краснодара, Ярославля, Иванова, Тюмени, Ижевска, Владимира, Костромы и др.), а также гости из стран ближнего (Белоруссия, Казахстан, Украина) и дальнего зарубежья (США).

На секции выступили доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), С.П. Богачев (Калуга), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А. Бэттлер (Нью-Йорк, США), В.С. Глаголев, В.А. Гордеев (Ярославль), С.А. Дятлов (СПб.), Н.Д. Елецкий (Ростов н/Д), В.К. Захаров, В.И. Корняков (Ярославль), С.П. Макаров, Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), С.С. Мишуков (Иваново), А.А. Олейников, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.), Т.У. Садыков (Астана, Казахстан),

А.С. Филипенко (Киев, Украина), И.Ю. Фомичев (Тюмень), И.Г. Шевченко; кандидаты наук А.В. Андреева (Ростов н/Д), К.Р. Баянов (Ижевск), О.В. Доброчеев, Г.Ю. Дубянская, П.П. Жуликов, А.Ф. Зверев, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.В. Косов, Е.В. Максютин, Г.И. Мойсейчик (Минск, Белоруссия), Я.И. Нисанов, Е.Г. Пономаренко (Краснодар), С.Ю. Синельников, Г.В. Фадейчева (Владимир), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Т.Ю. Яковец; научные сотрудники А.А. Антропов, Н.А. Иванов, А.Е. Лутовинов; аспиранты В.А. Луковенко, Н.П. Петрова, В.В. Рышкус, А.С. Фузеев; соискатели И.И. Рудяк, Ю.Н. Сенчина, М.Л. Хазин; предприниматель Т.В. Воеводина (Московская обл.); преподаватели И.М. Гаврилова, О.М. Вишнякова, И.И. Залесский, Н.А. Сибирский (Ливны).

В результате работы секции были сделаны и выработаны ряд выводов и предложений.

1. Главные препятствия на пути перехода России к инновационному типу хозяйства лежат не в финансовой и не в технологической областях, хотя и в них есть свои проблемы, а в социальной и институциональных сферах, сориентированных не на производство, труд и творчество.

2. Выйти на инновационный путь — придать российскому социуму, национальному государству и отечественному предпринимательству ясно выраженный производительный и инновационный характер, что требует не только мобилизации всех конструктивных сил, но и соответствующей социально-культурной переориентации российского социума наряду с крупными институциональными переменами.

3. Российская Федерация неуклонно теряет свои позиции в глобальном мире, о чем свидетельствует ее доля в мировом наукоемком высокотехнологичном производстве (0,5%), тогда как доля США превысила 36%, Японии — 30, Германии — 16, Китая — 6%. Причем такие результаты явно неадекватны распределению мирового научного потенциала, в котором доля России составляет 10%, США — 23, Японии — 12, Китая — 15%. Причина — в недофинансировании российской науки и отсутствии инфраструктуры промышленного использования результатов НИОКР.

4. В мире сложилась глобальная технологическая метрополия вышеприведенных стран-лидеров, тогда как России грозит потеря технологического суверенитета.

5. За последние 10 лет ни один из стратегических показателей структурных реформ, включая долю НИОКР в ВВП, инвестиции в сектор высоких технологий и темпы роста этого сектора, не выполнялись.

6. Была подчеркнута необходимость разработки по-настоящему мобилизационного инновационного проекта, который бы затрагивал не только точечные меры по развитию отдельных сегментов нового технологического уклада, не только на поддержание заданного темпа инвестиций, но создавал бы новые системные условия для функционирования всех сфер жизнедеятельности, включая образование, хозяйство, культуру. Для реализации этой задачи нужен как новый социум, так и новые политико-экономические ориентиры.

7. Стратегические приоритеты инновационного развития не подкрепляются инвестиционной политикой. Структура инвестиций не соответствует той, которая характерна для стран технологической метрополии. Если там 60—70% всех инвестиций направляется на производство и приобретение новых технологий, то в России — на приобретение оборудования.

8. Россия сама себя исключила из научно-технологической революции, поскольку ее инвестиционная политика не является инновационной, идет вразрез с мировыми тенденциями, а инвестиции идут не на производство новых технологий, а на покупку готовых, поддержание старых.

9. Лидерские позиции в глобальном распределении технологий, или глобальном разделении технологий, которое приходит на место общественному разделению труда, определяются производством пионерных технологий и продажей (экспортом) лицензий на права по их распространению. Промежуточные позиции определяются участием в мировой торговле лицензиями на использование технологий. Аутсайдерские позиции определяются участием в мировой торговле машинами и оборудованием, в частности, преобладанием импорта машин и оборудования, либо вовсе выпадением из мировой торговли даже машинами и оборудованием. Место России в глобальном разделении технологий пока, к сожалению, аутсайдерское.

10. Реальное состояние мобилизационного потенциала в виде государственного и мобилизационного резервов российской экономики может являться предметом открытого и широкого исследования и обсуждения с существенными оговорками. Это — объект повседневной заботы и анализа специальных органов и структур, или, иными словами, их содержание составляет государственную тайну и любые конкретные материалы проходят под грифом «секретно» либо «для служебного пользования».

11. Мобилизационный потенциал национальной экономики в широком смысле этого слова в открытых и публичных исследованиях и обсуждениях может быть рассмотрен, вероятно, с точки зрения со-

держательного *определения* этих понятий, а также (с учетом конкретной общественно-экономической ситуации в отдельной стране, регионе и мире), *выбора* конкретных сфер, отраслей и видов производств, способных оказать решающее, стимулирующее воздействие на развитие всей национальной экономики, всего национального хозяйства.

12. В выборе наиболее эффективного, оптимального варианта российской хозяйственной системы на ближайшую перспективу необходимо отдать предпочтение варианту мобилизационно-инновационному, предполагающему скорейший и прорывной перевод национального производства в русло системного обновления хозяйственной системы страны.

13. Ключевыми сферами (отраслями, комплексами и т. д.), ядром национального производства, способными оказать комплексное, обновляющее и стимулирующее влияние на все национальное хозяйство России в целом, представляются *химическая промышленность в области создания новых материалов, аэро-космический и аграрно-промышленный комплексы Российской Федерации*. Приоритетное и целевое инвестирование (государственное, корпоративное и частное) в эти секторы национальной экономики позволят создать прочную базу для вывода и сохранения всего хозяйственного комплекса России на передовых рубежах мирового научно-технического и цивилизационного развития.

14. Роль университетов в инновационном развитии страны в современных условиях чрезвычайно важна. Университеты (и их факультеты) должны стать на деле *стартовыми мобилизующими инновационными площадками* общего процесса обновления национальной экономики.

15. Скорейшая активизация научно-исследовательского и образовательного потенциала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, и экономического факультета в частности, обусловлена рядом объективных факторов, определяющих в настоящее время функционирование всей сферы высшего образования в стране. Речь идет прежде всего о финансировании научно-исследовательской и преподавательской деятельности, о приоритетных направлениях денежно-финансовых потоков, которые в настоящее время сориентированы отнюдь не в пользу экономического факультета МГУ, коллектив которого сохранил концептуальные основы научной школы, сформировавшейся еще в 1960—1970-х гг. В привилегированном положении сейчас находятся образовательные структуры типа Высшей школы экономики, составляющие в настоящее время серьезную конкуренцию экономическому факультету МГУ и способные обо-

стрить ее в ближайшие годы. На повестке дня стоит вопрос о сохранении, концентрации и скорейшем существенном обновлении научно-образовательного процесса факультета, квалифицированном отборе традиционных направлений и школ, прошедших проверку временем, и восстановлении своего статуса флагмана экономической науки в стране и за ее пределами.

Материал подготовлен к.э.н. С.Ю. Синельниковым

* * *

Почетная награда

22 апреля 2010 г. по решению президиума Философско-экономического ученого собрания за существенный вклад в политическую экономию и подвижничество в науке и в связи с 80-летием профессор Ярославского технического университета **Василий Иванович Корняков** награжден бронзовой медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

* * *

27 — 29 апреля 2010 г. в г. Кирове Вятский социально-экономический институт (ректор — д.э.н. В.С. Сизов) совместно с Центром общественных наук при МГУ и Академией философии хозяйства провел научный семинар «Кризис современной науки (философия, наука, искусство — познание, осмысление, созидание)», в котором приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, Ф.И. Гиренок, кандидат наук Е.С. Зотова.

* * *

В преддверие 65-й годовщины победы в Великой Отечественной войне под эгидой Администрации Тульской области, по инициативе и при участии Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова и Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета был осуществлен социально-

патриотический проект «Мы помним подвиг отцов и дедов», увенчавшийся созданием фундаментальной книги живой памяти «Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений» (редакторы-составители Ю.М. Осипов, Л.И. Ростовцева), в которой в качестве авторов приняли участие представители четырех поколений России: от фронтовиков до их правнуков, что позволило получить исключительную по содержанию и ценности картину народного восприятия важнейшего исторического события.

5 мая 2010 г. в г. Туле прошла торжественная презентация книги «Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений», которая сопровождалась научно-практической конференцией.

В знаменательном мероприятии приняли участие директор ЦОН при МГУ, президент Академии философии хозяйства Ю.М. Осипов, а также действительные члены Академии философии хозяйства доктора наук Г.Р. Наумова, Л.И. Ростовцева, Т.Н. Юдина и кандидат наук С.А. Ермишина.

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Российское предпринимательство: итоги и перспективы

Что представляет собой нынешнее российское предпринимательство? Бизнес, производство, инноваторство. Экономический рационализм, рачительное хозяйствование, мотор развития. Рисковость. Достижения. Предпринимательство и общество. Возможности и лимиты. Перспективы.

22 июня 2010 г., вторник, в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

V ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ МГУ

Круглый стол

на тему:

Теоретическая экономия и естествознание: параллели и пересечения

Новейшие естественнонаучные разрешения и теоретический экономизм. Сближения и аналогии. Возможность естественнонаучных трактований экономических процессов. Экономическая метафизика как подспорье естествознанию. Возможность взаимопонимания. Ограничения и пределы. На пути взаимного обогащения.

9 октября 2010 г., суббота

(место и время проведения будут сообщены дополнительно)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1 — 3 декабря 2010 г.

Самоутверждение России: социум, экономика, политика

Подвергнутая беспощадному реформному перевороту и острым кризисным испытаниям, Россия, немало ослабленная, расстроенная и приниженная, сохраняя потенцию к выживанию и мало-помалу сосредоточиваясь, обретает шанс, на ходу перестраиваясь, выйти на путь окончательного самоутверждения как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и разностороннему развитию, к эффективному участию в солидарном планетарном общежитии. Если это и не совсем так, то как раз так или примерно так должно было бы быть, а потому подобное идеальное проектирование не просто возможно, но и необходимо. Россия реальная идет за Россией идеальной, — и последняя хотя и не совпадает с первой, но в ней сначала телеологически, а потом и эсхатологически непременно присутствует. Отсюда и стремление воображающего интеллекта к опережению, пусть и несколько утопическому, не самой удовлетворительной действительности.

По итогам конференции предполагается подготовить коллективную монографию. Тексты до 0,33 п. л. принимаются в Центре общественных наук (119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, экономический факультет, к. 331, тел. 939-4183, факс (095) 939-0877, e-mail: <eszotova@mail.ru>) на дискетах в формате Word 6.0/95 — 9.0/2000 с распечаткой в одном экземпляре до 10.01.2011 г. Статьи, содержащие математические символы или формулы, принимаются только в том случае, если они набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. В конце статьи необходимо указать сведения об авторе **без сокращений** (фамилия, имя, отчество; ученые степени; звания; место работы и должность; номер контактного телефона/факса, адрес электронной почты).

Заявки с указанием желаемого дня и времени выступления просим подавать до 20.11.2010 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать до 15 ноября 2010 г. по тел. (495) 939-4183, факсу (495) 939-0877, e-mail: eszotova@mail.ru у Татьяны Сергеевны Сухиной.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

СТРОЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

к.б.н., научный сотрудник, Институт физиологии имени И.П. Павлова РАН (г. Санкт-Петербург) (*s_stroev@hotmail.com*).

ПИГИН ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ,

старший преподаватель, кафедра философии и социально-экономической теории, Арзамасский государственный педагогический институт имени А.П. Гайдара.

САДЫКОВ ТУРДЫБЕК УМУТКАНОВИЧ,

д.э.н., профессор, университет «Туран-Астана» (Казахстан); научный стажер, экономический факультет МГУ (*sadykov-turtubek@mail.ru*).

РЫШКУС ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

аспирант, Российский государственный торгово-промышленный университет (*ryshkus.v.v@mail.ru*).

ДМИТРЕНКО АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и экономических методов управления, экономический факультет, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Украина) (*dr.savin@fmprktp.org*).

КОТОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА,

студентка, кафедра экономической теории и экономических методов управления, экономический факультет, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Украина) (*dr.savin@fmprktp.org*).

РОБАТЕНЬ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

к.т.н., научный сотрудник, Академия тринитаризма (roboten@list.ru).

БЕЛОЛИПЕЦКИЙ ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, АГН, д.э.н., профессор, кафедра экономики инноваций, экономический факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ (V_W_G@list.ru).

НИКОЛАЕВ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ,

д.э.н., профессор, Московский институт международного бизнеса (alexeynikolaev@inbox.ru).

ЯКОВЕЦ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, академик-секретарь Отделения исследований циклов и прогнозирования РАЕН, д.э.н., профессор, Российская академия государственной службы при Президенте РФ; президент Международного института П. Сорокина—Н. Кондратьева.

ВОЕВОДИНА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА,

президент ООО «Белый кот» (Московская обл.) (walter@robis.ru).

БАЯНОВ КВИНРАЙ РАЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, Удмурдский государственный университет (г. Ижевск); Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ (kvinray@mail.ru).

РУДАКОВА ИСКРА ЕВСЕЕВНА,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ.

ЕФИМЧУК ИРИНА ВИКТОРОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (parad21vek@rambler.ru).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, старший преподаватель, кафедра русской литературы, Белорусский государственный университет (г. Минск) (sansanytch08@mail.ru).

ЛИТВАК НИКОЛАЙ ВИТАЛЬЕВИЧ,

соискатель кафедры философии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ; заместитель генерального директора, ОАО «Издательство “Колос”» (jourfr@mail.ru)

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философии гуманитарных факультетов МГУ (rodzinskiy 66@mail.ru).

ОВРУЦКИЙ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.психол.н., доцент, докторант, кафедра теоретической социологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону) (alexow1@yandex.ru).

НИЛОГОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

аспирант, Государственный университет управления (NILOGOV1981@yandex.ru).

МИРОНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,

Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

ОРЛОВА СВЕТЛАНА ЮРБЕВНА,

д.э.н., заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

БУШМИН ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

д.э.н., председатель Комитета Совета Федерации по бюджету.

ПОКИДЧЕНКО МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет МГУ.

КАЛМЫЧКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА,

к.э.н., доцент, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет МГУ.

ШАЦ ЭВЕЛИНА,

поэт, эссеист, художник (г. Милан, Италия) (eve@evelinaschatz.com).

СИНЕЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ,

к.э.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ.

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2010 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.